
И 227/314
1846

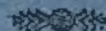
РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

15 Іюня 1846.

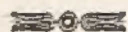

МОСКВА.

КАКОЕ ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ ТРЕБУЕТСЯ СОВРЕМЕННОСТІЮ

ОТЪ РУССКАГО ПРАВОВѢДЦА?

КАКОЕ ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНІЕ ТРЕБУЕТСЯ СОВРЕМЕННОСТІЮ ОТЪ РУССКАГО ПРАВОВѢДЦА?

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ, ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ДОКТОРОМЪ ПРАВЪ, ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ И ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА,

Петромъ Рѣдкинымъ.

Die höheren Forderungen sind an sich schon schätzbarer, auch unerfüllt, als niedrige, ganz erfüllte.

Göthe.

15-го Іюня, 1846.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта.

Секретарь Совѣта ***В. Спекторскій.***

Почтеннѣйшие посѣтители!

Закономъ и обычаемъ вмѣнено въ обязанность нашему университету заключать торжественнымъ актомъ свою годичную дѣятельность. Но эта обязанность есть вмѣстѣ и одно изъ существенныхъ правъ, которымъ столько же дорожитъ наше сословіе, сколько и публика. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь празднуется то̀ сочетаніе науки съ жизнію, по которомъ давно тоскуютъ и наука и жизнь; — звонкою монетою слова платится здѣсь дань общественному мнѣнію, требующему публичности для истины, которая не терпитъ таинственной тьмы, ибо рождена для свѣта.

Вполнѣ понимая такое важное значеніе настоящей минуты, я медлилъ предстать предъ Вами органомъ цѣлаго ученаго сословія и притомъ университета, перваго, въ нашемъ отечествѣ, по времени своего существованія, по своему положенію въ средоточіи Россіи, а можетъ быть, и по вліянію на все прошедшее столѣтіе, на всю современность и будущность полуміровой державы. Другимъ, старѣйшимъ, ученѣйшимъ и даровитѣйшимъ членамъ университета, которыхъ имѣю честь называть своими товарищами, желалъ я уступить драгоцѣнное право слова, къ Вамъ нынѣ обращаемаго, пока не почувствую въ себѣ внутренняго къ тому призванія, пока, среди прочихъ многотрудныхъ занятій преподавателя, не приготовлюсь къ такому дѣлу трудомъ окончательнымъ. Не въ началѣ, но въ концѣ моего университетскаго поприща, надѣялся заслужить я, нѣкоторымъ образомъ, довѣріе, неразлучное съ званіемъ представителя современной науки предъ современною жизнію.

Впрочемъ, этими словами я не испрашиваю Вашего снисхожденія къ избранному мною предмету рѣчи. Напротивъ, скажу смѣло, — выборъ мой

палъ на тему трудную, никѣмъ еще не тронутую, современную, вообще достойную полнаго вниманія не Русскаго только юриста, а всякого образованнаго Русскаго человѣка.

Если бы возможно было обнять въ этой рѣчи рѣшеніе всей мною предположенной задачи, я бы далъ ей такое заглавіе: „О современныхъ требованіяхъ науки и жизни отъ Русскихъ правовѣдцевъ." Но обычные предѣлы академической рѣчи дозволяютъ мнѣ произнесть предъ Вами только первую часть ея, которой объемъ самъ по себѣ довольно уже обширенъ. Можетъ быть, она наименѣе занимательна; но съ нея необходимо начать, какъ съ части общей и потому основной труда спеціальнаго. Для показанія же ея связи съ прочими частями и съ цѣлымъ, постараюсь предварительно объяснить всю задачу, чтобъ опредѣлить ея значеніе, показать трудность ея рѣшенія, оцѣнить важность и оправдать необходимость ея постановленія.

Съ бо̀льшею опредѣлительностію постановленный мною вопросъ можно выразить такъ: „Что̀ требуется отъ Русскихъ правовѣдцевъ наукою и жизнію въ современномъ ихъ состояніи и по отношенію къ потребностямъ нашего времени и нашего отечества?"

Требованія науки преимущественно относятся къ образованію, а требованія жизни — къ дѣятельности. Можно потому весь вопросъ разсматривать въ двоякомъ отношеніи, и тогда все сочиненіе раздѣлится на два главныхъ отдѣла: „1) Какое образованіе и 2) какая дѣятельность требуется современностію отъ Русскаго правовѣдца?" Съ образованія должно начать потому, что оно предшествуетъ дѣятельности.

Изъ этого краткаго означенія постановленныхъ мною вопросовъ видна вся трудность ихъ рѣшенія. Они обнимаютъ вообще весь кругъ наукъ въ совре̇менномъ ихъ состояніи; проникаютъ въ самую глубину современной жизни; простираются на всѣ отношенія между наукою и жизнію, между юридическими науками и предметами общаго образованія, между сословіемъ юристовъ и цѣлымъ обществомъ, между общими современными потребностями и нашими народными; словомъ, предполагаютъ, для своего полнаго рѣшенія, такія обширныя, разнородныя, основательныя и живыя познанія, которыя никакъ не могутъ быть достояніемъ одного человѣка,— такое подготовленіе матеріаловъ, котораго никакъ нельзя ожидать теперь, когда впервые эта задача предлагается.

Какъ же, послѣ этого, дерзнулъ я взяться за такой трудъ?

По необходимости.

Я не вполнѣ еще выражу эту необходимость, если скажу, что моя тема есть только практически-выраженный вопросъ всей науки, болѣе десяти лѣтъ мною здѣсь преподаваемой, — Юридической Энциклопедіи. Разсматриваемая какъ наука самостоятельная, она не только обнимаетъ сущность всего Правовѣдѣнія, всѣхъ отдѣльныхъ юридическихъ наукъ, являющихся ступенями ея полнаго, цѣлостнаго, всесторонняго, логическаго развитія, но и приводитъ Правовѣдѣніе въ связь со всѣми прочими науками, какъ одну изъ ступеней логическаго развитія науки вообще, въ связь съ жизнію и со всѣми ея элементами, сторонами, направленіями. Преподаваемая въ Русскихъ университетахъ для молодыхъ Русскихъ правовѣдцевъ, Юридическая Энциклопедія заключаетъ въ себѣ сущность всего, что̀ относится къ ихъ образованію и дѣятельности.

Гораздо высшая необходимость руководила мною при выборѣ предмета рѣчи. Она выше моей личности, нисколько не условливаясь ни моимъ произволомъ, ни моими цѣлями, ни предметомъ моего преподаванія. Необходимость эта, такъ сказать, объективна.

Раскрою ее въ немногихъ словахъ.

Въ наше время и въ нашемъ отечествѣ совершились тѣ событія, которыя для каждаго народа могутъ, уже сами по себѣ, составить новую эпоху въ историческомъ его движеніи; — совершились такъ, какъ все совершается въ Россіи съ тѣхъ поръ, когда великій преобразователь рѣшительно подвинулъ ее къ цѣли, давно ей указанной всемірною исторіею.

Изданіемъ Свода и Полнаго Собранія дѣйствующихъ законовъ, и возрожденіемъ юридическихъ факультетовъ, вмѣстѣ съ новымъ образованіемъ университетовъ, положено начало удовлетворенію современнымъ нашимъ требованіямъ.

Не мѣсто раскрывать здѣсь вполнѣ значеніе этихъ, еще мало оцѣненныхъ событій. Не удаляться отъ главнаго предмета моего изложенія, но сблизиться съ нимъ, перейти къ нему путемъ логическимъ — вотъ цѣль слѣдующихъ моихъ намековъ на то̀, что̀ одно уже достойно быть предметомъ особеннаго обширнаго сочиненія.

Государственная жизнь народовъ историческихъ проходитъ три періода въ своемъ развитіи.

Въ первомъ періодѣ для государства только какъ-бы подготовляются всѣ нужные матеріалы, изъ безразличной массы которыхъ возникаетъ, мало по малу, во второмъ періодѣ, государство, какъ новый органъ для проведенія новой мысли въ исторіи. И наконецъ, въ третьемъ періодѣ, государство сознаетъ свое особенное призваніе въ общемъ дѣлѣ человѣчества и дѣйствуетъ, вслѣдствіе такого самопознанія. Тогда вступаетъ оно въ цвѣтущій періодъ своей жизни, и продолжаетъ въ немъ оставаться, пока выполнитъ свое призваніе.

Если нужно, для большей ясности, обозначить рѣзкими чертами такіе періоды въ государственной жизни нашего отечества: то мы можемъ сказать, что къ первому періоду принадлежитъ вся Русская исторія до Петра Великаго (1), и что съ нашего времени начинается для нея третій періодъ.

Изданіе Свода и Полнаго Собранія дѣйствующихъ законовъ есть одно изъ многихъ важныхъ событій, которыми открывается исторія цвѣтущаго періода Русской государственой и въ особенности юридической жизни. Такъ думалъ и самъ главный редакторъ сборниковъ, графъ М. М. Сперанскій, однимъ уже этимъ трудомъ обезсмертившій свое имя. Намъ, юристамъ, которыхъ, еще юношей, нерѣдко удостоивалъ знаменитый государственный мужъ своей бесѣдою, не разъ повторялъ онъ, что не въ совершенствѣ редакціи полагаетъ онъ главное достоинство ея великаго труда, а въ основной мысли, въ предположенной цѣли и въ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ. Основная мысль есть самопознаніе, сознаніе своего прошедшаго и настоящаго юридическаго быта; цѣль и послѣдствія — дальнѣйшее стройное движеніе науки и жизни отечественнаго права. Все это, впрочемъ, высказано и оффиціально самою редакціею, въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ (2)."

---

(1) Принимая преимущественно въ соображеніе нашъ юридическій бытъ, къ первому періоду отнести можно — всю Исторію нашего древняго, нынѣ не дѣйствующаго законодательства, т. е. до изданія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, послѣдовавшаго 29 Генваря 1649 года.

(2) Это „Обозрѣніе" напечатано въ С.-ПБ., въ 1833 году, изъ актовъ, хранящихся во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, преобразованной въ началѣ нынѣшняго царствованія изъ прежде-бывшей Коммиссіи составленія законовъ.

Такъ изданіе Свода законовъ было необходимо:

1) Для сознательнаго исполненія дѣйствующаго законодательства (3),

2) Для сознательнаго его совершенствованія (4) и

---

(3) „У насъ ... сперва число законовъ было не достаточно, и потому судъ непрестанно обращался къ законодательству и искалъ разрѣшенія. Отсюда множество отдѣльныхъ указовъ; отсюда такъ называемыя въ старину „вершеныя дѣла" Именными указами и боярскими приговорами. Въ семъ состояніи законовъ нельзя было дозволить судьѣ рѣшить дѣло по общимъ началамъ законовѣденія, ибо началъ сихъ нигдѣ не было постановлено. Когда же, потомъ, число указовъ возрасло и недостатокъ законовъ отчасти миновался, то предстало другое затрудненіе: многосложность, раздробительность, неизвѣстность — затрудненіе, равное и, можетъ быть, важнѣйшее, нежели самый недостатокъ закона; ибо, здѣсь наипаче гнѣздятся ябеда, неправые толки, пристрастныя рѣшенія, покрытыя видомъ законности; здѣсь необходимость непрестанныхъ поясненій и разрѣшеній, кои, въ свою чреду, раждаютъ новую многосложность. Какой можетъ быть способъ выйти изъ этого безконечнаго круга? — Нѣтъ другаго, какъ составить сводъ.... Сводъ ставитъ дѣлопроизводство на истинномъ его пути, и если не можетъ истребить вовсе ябеды, то по крайней мѣрѣ можетъ значительно стѣснить и уменьшить ее" (См. „Обозрѣніе," стр. 88—91).

(4) „Поясненія и дополненія во всякомъ законодательствѣ необходимы, ибо никакое законодательство всего предвидѣть и опредѣлить не можетъ; онѣ составляютъ, такъ сказать, ежедневное жизненное его движеніе.... Тамъ, гдѣ законы приведены въ одинъ составъ, тамъ дополненія и поясненія, во-первыхъ, производятся удобнѣе и вѣрнѣе, ибо при каждомъ изъ нихъ есть средство обозрѣть и сообразить всѣ ихъ отношенія, и удостовѣриться въ послѣдствіяхъ ихъ; во-вторыхъ, онѣ не раждаютъ разнообразной многосложности, ибо всѣ принадлежатъ къ одной системѣ, къ одному духу законодательства. Напротивъ тамъ, гдѣ законы не приведены въ одинъ составъ, весьма трудно, при частныхъ ихъ исправленіяхъ, обнять и опредѣлить всѣ ихъ послѣдствія; тамъ всегда есть опасность, исправляя одинъ законъ, неожиданно и сверхъ чаянія измѣнить или ослабить другой; тамъ каждое поясненіе и дополненіе, составляя отдѣльный законъ, по необходимости умножаетъ ихъ число и затрудняется точность исполненія; ибо исполнитель рѣдко можетъ положиться на законъ, ему извѣстный, не зная съ достовѣрностію, не измѣненъ ли онъ поясненіемъ и дополненіемъ, а сихъ измѣненій онъ долженъ искать, такъ сказать, на угадъ.... Уставы обновляютъ законодательство въ тѣхъ частяхъ, на кои они издаются. Есть правило: въ каждомъ уставѣ означать всѣ тѣ измѣненія, кои имъ вводятся въ прежнихъ законахъ. Но правило сіе не исполняется и исполняемо быть не можетъ при настоящемъ, раздробительномъ состояніи нашихъ законовъ.... Излишне было бы изъяснять всѣ затрудненія, недоумѣнія, вопросы и переписки, отсюда происходящія: они многочисленны и всѣмъ извѣстны.... Если даже и отдѣльныя поясненія и частные уставы трудно составлять съ вѣрностію и проч-

3) Для сознательнаго его изученія (5).

Такъ изданіе Полнаго Собранія законовъ „нужно было не только для того, что Сводъ законовъ безъ сего не могъ быть составленъ, но и для того, что, при Сводѣ, Полное Собраніе законовъ во многихъ случаяхъ необходимо" (6), а именно также:

1) Для сознательнаго исполненія дѣйствующаго законодательства (7),

---

ностію безъ сводовъ: то какъ можно приступить безъ нихъ къ цѣлому уложенію." (См. „Обозрѣніе," стр. 92—97).

(5) „Извѣстно, что есть два рода законовѣдѣнія: одно практическое — дѣло навыка и здраваго смысла; другое — ученое. Сей второй родъ законовѣдѣнія не можетъ основаться, если законы не будутъ прежде приведены въ правильный составъ.... Сводъ,.... представляя буквальный смыслъ закона прежняго, безъ всякаго его измѣненія, не закрываетъ, но, напротивъ, указуетъ его источники, и, бывъ сопровождаемъ полнымъ собраніемъ самаго текста законовъ, дѣлаетъ разумъ ихъ удобнѣе и для всѣхъ понятнѣе.... У насъ, усердіемъ нашихъ ученыхъ, неоднократно были составляемы опыты начертаній такъ называемаго Россійскаго права, — усилія, достойныя похвалъ и одобреній, но для успѣха самаго законовѣдѣнія мало полезныя. Какъ начертать учебную систему законовъ, не зная съ достовѣрностію самыхъ законовъ въ всей ихъ сущности? Сему недостатку желали пособить введеніемъ въ высшихъ училищахъ нашихъ права Римскаго.... (Но) ни отъ пособій такъ называемаго Римскаго права, ни отъ частныхъ усилій нашихъ законовѣдцевъ нельзя намъ ожидать ученаго законовѣдѣнія. Основаніе его лежитъ на правильномъ составѣ самыхъ законовъ. Оно начнется въ полномъ его значеніи съ изданіемъ Свода. Тогда только можно будетъ помышлять объ учебныхъ и ученыхъ книгахъ и твердомъ образованіи нашего юношества въ отечественныхъ законахъ." (См. „Обозрѣніе," стр. 97—103).

(6) См. „Обозрѣніе" стр. 153 и 154.

(7) „Собраніе необходимо во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, коихъ начало относится къ происшествіямъ, давно уже протекшимъ, и кои должны быть разрѣшаемы не по законамъ настоящимъ, въ Сводѣ изложеннымъ, но по законамъ, кои дѣйствовали во время сихъ происшествій.... (Оно) необходимо для разрѣшенія сомнѣній, кои представиться могутъ въ истинномъ смыслѣ какой-либо статьи Свода. Буквальный смыслъ долженъ быть главнымъ основаніемъ рѣшеній; но буквальнымъ смысломъ закона не всегда выражается, въ всей полнотѣ и точности, внутренній его разумъ, къ коему, по необходимости, прибѣгать должно въ случаѣ сомнѣній. Разумъ закона изображается въ причинахъ, на коихъ онъ основанъ. Но причины сіи не означены въ статьяхъ Свода; ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ, изъ коихъ статьи составлены. Такимъ образомъ, между статьями Свода и первоначальнымъ тек-

2) Для сознательнаго его совершенствованія (8) и

3) Для сознательнаго его изученія (9).

Итакъ вообще систематическимъ и хронологическимъ собраніями законовъ, удовлетворены первыя нужды современной государственной жизни (10).

Впрочемъ, давно уже онѣ были чувствуемы и давно стремились привести въ исполненіе эту мысль. Начиная съ Петра Великаго, для этого важнаго государственнаго дѣла наряжаемы были особыя коммиссіи (11).

стомъ закона существуетъ, и всегда должна существовать, связь неразрывная. Сіи двѣ формы одного и того же законодательства должны быть неразлучны: Сводъ, какъ законъ буквальный, какъ основаніе рѣшеній, а текстъ Собранія, какъ руководство къ лучшему и полнѣйшему закона уразумѣнію." (См. „Обозрѣніе" стр. 156).

(8) „Собраніе необходимо во всѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ настоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона, и гдѣ часто бываетъ нужно, прежде всего, пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить начертаніе закона, утвержденное не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства." (См. „Обозрѣніе," стр. 156).

(9) „Извѣстно, что законы изображаютъ, такъ сказать, внутреннюю жизнь государства. Въ нихъ видно, какъ нравственныя и политическія его силы слагались, образовались, возрастали и измѣнялись. Слѣдовательно исторія государства безъ познанія законовъ не можетъ имѣть ни ясности, ни достовѣрности, такъ какъ, съ другой стороны, законы безъ исторіи часто бываютъ невразумительны. Почему, чѣмъ благовременнѣе законы приводятся въ извѣстность, тѣмъ источники исторіи для современниковъ становятся удобнѣе, для потомства достовѣрнѣе." (См. „Обозрѣніе" стр. 156 и 157).

(10) „Мысль о приведеніи законовъ въ одинъ составъ, о распредѣленіи ихъ по предметамъ, для удобности ихъ познанія и приложенія, столь проста и очевидна, что во всѣхъ почти государствахъ дѣло сіе признаваемо было дѣломъ настоятельнымъ, одною изъ первыхъ государственныхъ нуждъ ... Посему-то и у насъ мысль о единообразіи и правильномъ составѣ законовъ всегда была постоянною мыслію всѣхъ Россійскихъ законодателей." (См. „Обозрѣніе" стр. 53 и 54).

(11) „Уложеніемъ 1649 года приведены въ единство всѣ прежніе уставы и постановленія.... Въ Уложеніи общія начала законодательства были установлены, главныя черты каждой части его означены; но окончательное ихъ совершеніе предоставлено постепенному дѣйствію времени и опыта. Отсюда произошли разныя постановленія.... По первоначальному ихъ назначенію, онѣ должны бы быть только дополненіемъ и усовершеніемъ Уложенія; но на дѣлѣ оказалось, что многія изъ нихъ ни съ Уложеніемъ, ни между собою не были

Но вслѣдствіе многихъ причинъ, онѣ не совершили тѣхъ трудовъ, которыхъ и начало и окончаніе намъ современно (12).

Изданіемъ Свода и Полнаго Собранія законовъ редакція не ограничивала свою дѣятельность.

„Сочиненіе общей Исторіи нашего законодательства возложено (также) на II-ое Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“ (13).

„Всѣ законы и указы, прежде Уложенія состоявшіеся, для Исторіи важные, составятъ, подъ именемъ законовъ древнихъ, особое собраніе, коему и положено уже начало“ (14).

согласны. Между тѣмъ, число ихъ, съ умноженіемъ дѣлъ, возрастало, и, въ теченіе полувѣка, составилось изъ нихъ обширное законодательство. Дѣйствуя совмѣстно съ Уложеніемъ, оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, служило ему поясненіемъ и дополненіемъ, но болѣе и чаще затрудняло и тяготило его своимъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ. Въ семъ состояніи законовъ, мысль Петра Великаго открывается во всей ея силѣ и очевидности. Сводъ былъ единственнымъ средствомъ, дабы положить конецъ симъ затрудненіямъ. Но то̀, что̀ въ намѣреніи Его было дѣломъ краткимъ, единовременнымъ, обратилось впослѣдствіи во многолѣтнее, вѣковое установленіе. Здѣсь начинается рядъ (всего 10) коммиссій, кои, бывъ одна послѣ другой учреждаемы, чрезъ 126 лѣтъ, до 1826 года, почти непрерывно продолжались.“ (См. „Обозрѣніе,“ стр. 9 — 11).

(12) Изданіе Свода было сопровождаемо достопамятнымъ Манифестомъ нынѣ царствующаго Государя Императора, отъ 31 Генваря 1833 года. Приведу изъ него то̀, въ чемъ также выражается основная мысль редакціи: „Въ самомъ началѣ царствованія Нашего, признавъ необходимымъ привести отечественные наши законы въ ясность и твердый порядокъ, повелѣли Мы, прежде всего, собрать и издать ихъ въ полномъ ихъ составѣ, и потомъ, изъ сего общаго состава отдѣливъ одни дѣйствующіе нынѣ въ Имперіи Нашей законы, соединить ихъ въ правильный и единообразный Сводъ, и изложить въ точной ихъ силѣ, безъ всякаго въ существѣ измѣненія, на томъ самомъ основаніи, какое еще, въ 1700 году, положено было Петромъ Великимъ. Первое изъ сихъ предназначеній въ 1830 году исполнено. Нынѣ, при помощи Божіей, седьмилѣтними трудами, подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Нашимъ, совершилось и второе...... Сего требовали первыя существенныя нужды государства: правосудіе и порядокъ управленія. Симъ удостовѣряется сила и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и полагается твердое основаніе къ постепенному ихъ усовершенствованію въ будущемъ. Симъ исполняются желаніе предковъ Нашихъ, въ теченіе 126 лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся.“

(13) См. „Обозрѣніе“ стр. 8. прим.

(14) См. „Обозрѣніе“ стр. 137.

„Все, что послѣ 1-го Генваря 1832 года, состоялось или, что, по общему движенію законодательства, впредь состоится, будетъ, по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи, распредѣляемо въ ежегодномъ Свода продолженіи, и, такимъ образомъ, составъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ (15)."

Положено „все собраніе (законовъ) раздѣлить на двѣ эпохи. Первую начать соборнымъ Уложеніемъ 1649 года и продолжать по 12 Декабря 1825 года, т. е. чрезъ 176 лѣтъ, по день, когда изданъ первый манифестъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.... Вторую эпоху положено начать съ 12 Декабря 1825 года и продолжать ежегоднымъ изданіемъ законовъ каждаго минувшаго года въ теченіи послѣдующаго" (16).

Наконецъ, замѣтимъ, что и на Сводъ редакція смотрѣла только какъ на нѣчто предшествующее „новымъ или исправленнымъ уложеніямъ (17)."

Такимъ образомъ, теперь, когда получили первоначальную опредѣленность всѣ наши законы, устройство и управленіе, права и обязанности, — наше право стало jus certum, какъ выражаются юристы. Мы взошли на ту ступень государственной жизни, съ которой Русскіе правовѣдцы имѣютъ уже возможность сознавать, при посредствѣ современной науки, свой юридическій бытъ, и дѣйствовать согласно съ современными требованіями жизни. Такъ изданіе Свода и Полнаго Собранія законовъ прямо приводитъ насъ къ необходимости рѣшенія постановленныхъ мною вопросовъ, какъ истинно-современныхъ.

Къ тому же приводитъ и другое важное современное намъ событіе: возрожденіе нашихъ юридическихъ факультетовъ.

Положительное право каждаго государства, пережившаго два первые періода своей жизни, необходимо выливается въ слѣдующія три формы, называемыя,

---

(15) См. Манифестъ 1833 года Генваря 31. — Въ 1832 году, Сводъ законовъ явился вторымъ изданіемъ.

(16) См. „Обозрѣніе" стр. 137 и 138.

(17) См. „Обозрѣніе" стр. 62, 63, 97 и проч. — Недавно издано Уголовное Уложеніе, которое воспріяло свое дѣйствіе съ 1 Маія текущаго года.

обыкновенно, источниками права (fontes juris)): въ обычное право, въ законодательство и въ такъ называемое право юристовъ (Juristenrecht, Wissenschaftliches Recht, Jurisprudence).

Обычное право выражается въ юридическихъ обычаяхъ. Подъ юридическимъ обычаемъ разумѣется такой особенный образъ дѣйствія, который постоянно, одинаковымъ образомъ и въ одинаковыхъ случаяхъ, соблюдается обществомъ, и въ которомъ оно выражаетъ непосредственно свое чувство права. Хотя обычаи всегда наглядны, живы, могучи, но не возведены къ сознанію; а потому обычное право преимущественно составляетъ принадлежность перваго, безсознательнаго, такъ сказать, періода государственной жизни.

Вмѣстѣ съ образованіемъ государства возникаетъ и верховная власть. Ея существенную принадлежность составляетъ законодательная дѣятельность. Плодомъ этой дѣятельности является законодательство, или постановленія, отъ верховной власти исходящія. Этотъ источникъ права преимущественно относится ко второму періоду государственной жизни.

Законопостановленія приводятся, наконецъ, въ извѣстность, въ порядокъ, въ опредѣленность. Являются собранія законовъ, своды и уложенія. Сознавать обычное право и законодательство, приводить ихъ въ дѣйствіе, развивать ихъ соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и жизни, возводить ихъ ко всеобщимъ началамъ права, — все это достается въ удѣлъ особенному сословію правовѣдцевъ. Результатомъ ихъ образованія и дѣятельности является право юристовъ. Оно составляетъ ту ступень развитія положительнаго права, съ которой послѣднее восходитъ къ философскому и вмѣстѣ съ нимъ становится предметомъ полнаго сознанія въ наукѣ и полнаго осуществленія этого сознанія въ жизни. Право юристовъ составляетъ потому существенную принадлежность третьяго, цвѣтущаго періода государственной жизни.

Юристы могутъ доходить до такого сознанія или посредствомъ практическаго изученія права, или посредствомъ собственнаго чтенія и изученія его историческихъ источниковъ. Но тотъ и другой способъ, какъ они ни важны впослѣдствіи, представляютъ, сами по себѣ взятые, множество случайностей, трудно-

стей, недостатковъ, не будучи въ началѣ сопровождаемы надлежащимъ руководствомъ со стороны преподавателей (18).

Юридическія лекціи на западѣ читаются уже издавна или въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, или же, всего чаще, въ юридическихъ факультетахъ университетовъ, что и довело науку права до того процвѣтанія, которое неразлучно съ процвѣтаніемъ жизни права.

И въ отношеніи развитія положительнаго права, мы, Русскіе, пережили уже два періода. Мы имѣемъ свое самостоятельное, къ сожалѣнію, мало еще изслѣдованное обычное право. Наше законодательство продолжаетъ развиваться, особенно съ нашего времени, когда оно собрано и заключено въ Сводъ съ тѣмъ, чтобы составить основу для уложеній. Чего не доставало намъ? юристовъ, которые бы, будучи образованы наукою соотвѣтственно требованіямъ современности, явились, въ своей дѣятельности, органами развитія полнаго сознанія права.

Съ возрожденіемъ юридическихъ факультетовъ, послѣдовавшимъ въ наше время, должно зародиться, какъ это вездѣ бывало, и сословіе Русскихъ юристовъ, призваніемъ котораго будетъ сознать вполнѣ право, преимущественно отечественное, при посредствѣ современной науки, и дѣйствовать для отечества, согласно съ современными требованіями жизни.

Такимъ образомъ, возрожденіе въ наше время юридическихъ факультетовъ необходимо требуетъ также поставить и рѣшить обозначенные здѣсь мною вопросы.

---

(18) „Изученіе законовъ, посредствомъ слушанія объ нихъ уроковъ у другихъ, представляется самымъ простѣйшимъ и легчайшимъ способомъ пріобрѣсть познаніе объ нихъ. Наставникъ, трудясь въ изслѣдованіи излагаемаго имъ предмета одинъ за всѣхъ и для всѣхъ своихъ слушателей, сообщаетъ имъ плоды своихъ, можетъ быть, долговременныхъ и тяжелыхъ трудовъ, и, такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ необходимости проходить собственнымъ лицомъ весь путь изысканія истины, со всѣми его трудностями. Объясненіе темнаго, въ случаѣ нужды, можетъ быть тотчасъ дано. Весь способъ ученія можетъ быть приноровленъ къ особеннымъ свойствамъ учащагося — къ его способностямъ, приготовительнымъ познаніямъ и т. п. Наставникъ, знакомый съ своимъ предметомъ, знаетъ всѣ препятствія, какія могутъ встрѣтиться при его изученіи, равно какъ и лучшія средства побѣдить ихъ. Наконецъ, изустное изложеніе, живая рѣчь, глубоко врѣзываются въ памяти. Все это необыкновенно облегчаетъ и сокращаетъ трудъ ученія. См. „Неволина Энциклопедію Законовѣденія" Т. I. (Кіевъ, 1839), § 147.

Итакъ, съ одной стороны, въ современномъ положеніи нашего отечества, съ другой — въ личномъ моемъ положеніи, какъ перваго преподавателя Юридической Энциклопедіи въ нашемъ университетѣ, заключается, можно сказать, неизбѣжная для меня необходимость приступить къ вопросамъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ будущее направленіе юридическаго быта нашего отечества.

Не устраняя отъ себя этихъ первыхъ, основныхъ, въ полномъ смыслѣ современныхъ вопросовъ, я тѣмъ не хочу выказать своего притязанія на полное и удовлетворительное ихъ рѣшеніе. Для этого и время еще не настало, и силъ моихъ недостаточно.

Возбудить въ другихъ тѣ вопросы, въ рѣшеніи которыхъ можетъ принять дѣятельное участіе вся образованная публика наша, а не одни только юристы, — вопросы, касающіеся общаго образованія нашего, хотя и въ особенномъ его примѣненіи къ спеціальному образованію нашихъ правовѣдцевъ, — вотъ что́ я здѣсь предположилъ и могъ предположить своею задачею, чѣмъ долженъ былъ ограничиться при ея рѣшеніи.

Современное образованіе вообще, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я здѣсь говорю объ немъ, должно основываться на современной же наукѣ.

Но современная наука не представляетъ ни того безразличія всѣхъ своихъ предметовъ и направленій, въ которомъ исчезаетъ живое ихъ разнообразіе, ни того раздробленія, при которомъ члены ея живаго организма являются только разъединенными частями мертваго трупа.

Наука уже прошла двѣ эти первыя ступени своего историческаго развитія, и необходимо должна была пройти ихъ, чтобы стать въ уровень съ современною жизнію.

Жизнь сознается теперь не хаотическою, не раздробленною на безчисленное множество отдѣльныхъ стихій, дѣятельностей, явленій, событій, но единою, становленіемъ единой мысли, логически развивающейся подъ историческими условіями.

Эта мысль, начало всей жизни, а потому и начало всей науки, есть самопознаніе человѣчества. Носителемъ ея и исполнителемъ является все человѣчество, органами — историческіе народы и историческія личности.

Сознать свое личное призванiе въ современной дѣйствительности, въ особенной средѣ своего народа и въ общей жизни человѣчества; развить свою личную, народную и общечеловѣческую сущность; приготовить всего себя на служенiе въ жизни своему народу и всему человѣчеству, на исполненiе въ дѣятельности всѣхъ обязанностей собственнаго званія, на удовлетворенiе особеннымъ современнымъ требованiямъ своего народа и общимъ требованiямъ современнаго человѣчества; — вотъ въ чемъ состоитъ современное образованiе наукою.

Мы, Русскiе правовѣдцы, принадлежимъ къ тому сословiю гражданъ, которыхъ Римляне величали жрецами правды. Особенная среда нашей дѣятельности — народъ Русскiй, великiй, юный, которому, можетъ быть, суждено имѣть великую будущность: такъ широка и воспрiимчива, такъ могуча и величава его натура, воспитанная прошедшимъ. Общая сфера нашей жизни — современное человѣчество, въ которомъ совершается броженiе великихъ идей, способныхъ обновить мiръ.

Наше образованiе тогда будетъ удовлетворять современнымъ требованiямъ науки и жизни, когда мы воспитаемъ въ себѣ вмѣстѣ людей и правовѣдцевъ Русскихъ.

Тò образованiе, которое необходимо для Русскаго правовѣдца какъ человѣка, назовемъ общимъ; тò же, которое прямо относится къ особенностямъ его званія, какъ члена сословiя юристовъ, — спецiальнымъ. Первое предполагается послѣднему, ибо спецiальное образованiе основывается на общемъ.

Такимъ образомъ, первый, основной вопросъ, намъ представляющiйся, есть вопросъ о томъ, какое общее образованiе требуется современностiю отъ Русскаго правовѣдца. Первая, и потому уже слабая попытка рѣшить этотъ трудный вопросъ составляетъ предметъ настоящей рѣчи.

Принявъ въ основанiе современное раздѣленiе наукъ, я старался, сообразно съ современными требованiями, развить ихъ съ логическою послѣдовательностiю, установить ихъ понятiе и составъ, указать на нѣкоторыя, по отношенiю къ нимъ, требованiя современности вообще и въ особенности на требованiя со стороны спецiальнаго образованiя правовѣдцевъ, преимущественно Русскихъ, и, такимъ образомъ, положить начало тому дѣлу, которое, для возникающаго сословiя Русскихъ юристовъ, есть дѣло первой необходимости.

Знаю, что скромный трудъ мой весьма не совершенъ; но я началъ не съ тѣмъ, чтобы разрѣшить современные вопросы, напротивъ, чтобы поставить, открыть ихъ. Потому, чѣмъ скорѣе истребится изъ памяти Вашей слабое мое начало трудами продолжателей, болѣе меня даровитыхъ, свѣдущихъ и опытныхъ: тѣмъ скорѣе достигнута будетъ единственная цѣль моего воззванія, къ Вамъ нынѣ обращаемаго. Первыми ударами молота по грубому, твердому матеріалу никогда не вызывается полное изваяніе, а только обозначается первоначальный его очеркъ. Не таковъ ли и характеръ всей нашей современности, еще слегка только обозначенной для будущности? Не такова ли наша новая наука, едва зараждающаяся, и наша новая жизнь, едва раскрывающаяся? Tantummodo incepto opus est: cetera res expediet.

Римляне, великіе наши учители въ Правовѣдѣніи, опредѣляли его такъ: „Iurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia, justi atque injusti scientia.“ Первая часть опредѣленія относится къ общему, послѣдняя — къ спеціальному образованію юристовъ.

Познать вообще все Божественное и человѣческое столько же необходимо для юриста, сколько и познать право и неправо, ибо спеціальное познаніе заключается въ общемъ.

Къ познанію „вещей Божественныхъ“ ведетъ вѣра, и на ней основанная религія, а „вещей человѣческихъ“ — человѣческое мышленіе и основанная на немъ наука.

Говоря здѣсь о современномъ общемъ образованіи Русскихъ правовѣдцевъ наукою, тѣмъ самимъ я устраняю отъ себя вопросъ объ ихъ религіозномъ образованіи.

Впрочемъ, и религія, сколько она является предметомъ обученія, становится предметомъ науки, но въ особенномъ смыслѣ этого слова, ибо (говоритъ блаженный Августинъ) „quod scimus, debemus rationi, quod credimus — auctoritati.“

Ученіе о религіи вообще не составляетъ однако же отдѣльной науки. Научную самостоятельность получило только ученіе объ Откровенной Христіанской религіи, подъ именемъ Богословія. Для насъ, Православныхъ, Богословіемъ можетъ назваться только собственно ученіе о Православной Христіанской религіи.

Богословіе есть наука положительная въ томъ смыслѣ, что она основана на Откровеніи, и этимъ же самимъ Богословіе отличается отъ всѣхъ прочихъ наукъ, или отъ науки вообще въ собственномъ смыслѣ, какъ результата не Откровеннаго, но естественнаго человѣческаго вѣдѣнія.

Богословіе, какъ предметъ ученія, нынѣ раздѣляется, обыкновенно, на слѣдующія главныя части: теоретическую, практическую и историческую.

Теоретическая часть излагается въ видѣ отдѣльной науки, подъ названіемъ Догматическаго Богословія. Оно есть ученіе о догматахъ религіи, ученіе о Богѣ въ его существѣ и въ Его дѣйствіяхъ, или о Богопознаніи.

Практическая часть Богословія излагается также въ видѣ отдѣльной науки, подъ именемъ Нравственнаго Богословія, или ученія объ Откровенныхъ нравственныхъ законахъ, данныхъ Богомъ въ руководство человѣческой дѣятельности (почему и называется эта часть практическою, или Нравственнымъ Богословіемъ), и основанныхъ на Откровенномъ Богопознаніи (почему Нравственное Богословіе слѣдуетъ въ изложеніи за Догматическимъ).

Историческая часть Богословія связуетъ обѣ предъидущія части, служа имъ основою. Она излагается въ видѣ четырехъ отдѣльныхъ наукъ: Богословской Герменевтики, или толкованія Священнаго Писанія, Библіи, — Исторіи церкви ветхозавѣтной (Священная, или Библейская Исторія) и новозавѣтной (Церковная Исторія), и Церковнаго права.

Церковное право, какъ показываетъ самое названіе, есть та наука, которая столько же принадлежитъ Богословію, какъ и Правовѣдѣнію.

Такой двойственный ея характеръ былъ причиною, что недавно у насъ эта наука введена въ кругъ преподаванія какъ въ духовныя академіи, такъ и въ юридическіе факультеты.

Впрочемъ, не одинаковымъ образомъ она должна быть изучаема лицами духовнаго званія и юристами, подобно тому, какъ не одинаковымъ образомъ должны быть изучаемы и другія науки, имѣющія двойственный же характеръ, хотя и существующія подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ.

Въ самомъ различіи призваній Богослова и юриста заключается необходимость и различія ихъ воззрѣній на Церковное право. Юристъ долженъ смотрѣть

на Церковное право преимущественно съ юридической, а Богословъ — съ Богословской точки зрѣнія. Въ первомъ случаѣ, Церковное право станетъ юридическою, а въ послѣднемъ — Богословскою наукою.

Этимъ я не хочу сказать, что Богословскій и юридическій элементъ въ Церковномъ правѣ между собою противоположны; онѣ только не тождественны, различны, и потому не должны быть смѣшиваемы. Для спеціальнаго юридическаго образованія, юридическій элементъ, условливаемый наукою права, долженъ быть отдѣленъ отъ Богословскаго, условливаемаго авторитетомъ Христіанской Откровенной религіи. Для юриста Церковное право есть наука юридическая, излагающая вообще, безъ различія источниковъ, особенные положительные законы, какъ духовною такъ и свѣтскою властію установленные, которыми въ человѣческомъ обществѣ устроятся и управлется церковь и которыми опредѣляются и охраняются ея юридическія отношенія. Для Богослова Церковное право есть наука Богословская, излагающая законы, освященные Христіанскою Откровенною религіею и установленные духовною властію церкви для своего устроенія и управленія. Право и религія не одно и то же, и всѣ новыя попытки Французскихъ и Нѣмецкихъ ученыхъ (особенно Штала) смѣшать эти понятія отвержены и новою наукою и новою жизнію. Высшее ихъ единство не есть тождество.

Такое воззрѣніе на Церковное право вполнѣ согласно съ требованіями современности.

Въ наше время должна завершиться та, можно сказать, секуляризація наукъ, которая началась съ такъ называемаго ихъ возстановленія, совпадающаго съ переходомъ средневѣковой жизни въ новую исторію, когда наука стала снова самостоятельною, когда вновь найдено было ей свойственное начало, безъ котораго она не могла бы далѣе развиваться, и потому не дошла бы до тѣхъ результатовъ, которыми наше время можетъ такъ гордиться передъ прошедшимъ.

Конечно, для наукъ юридическихъ давно уже наступило совершеннолѣтіе; но еще и до сихъ поръ не вездѣ изгладились слѣды прежней ихъ зависимости. Впрочемъ, эти слѣды, большею частію, остаются только потому, что они еще не совсѣмъ замѣчены. Сознать ихъ несовременность значитъ уже заставить ихъ скрыться предъ лицомъ новой науки.

Къ такимъ-то безсознательнымъ слѣдамъ принадлежитъ смѣшеніе Церковнаго права, какъ науки юридической, съ наукою Богословскою, тѣмъ же именемъ называемою.

Церковное право, и какъ наука юридическая, и какъ Богословская, есть положительная наука, но не въ одинаковомъ смыслѣ. Положительность всѣхъ Богословскихъ наукъ, какъ мы видѣли, основывается на томъ, что ихъ вѣчный источникъ есть Откровеніе; положительность же Церковнаго права, какъ науки юридической, заключается въ преходящемъ историческомъ его развитіи. Въ послѣднемъ отношеніи, Церковное право есть одна изъ наукъ положительнаго права, и какъ всякое другое положительное право, можетъ быть разсматриваемо догматически и исторически.

Догма Церковнаго права состоитъ въ показаніи того, что̀ въ извѣстное время дѣйствуетъ въ церкви какъ право; Исторія Церковнаго права показываетъ, какъ это право возникло.

Догму Церковнаго права юристы, обыкновенно, излагаютъ, разсматривая ее отдѣльно по тремъ главнымъ Христіанскимъ исповѣданіямъ. Сравнительная метода, достигшая въ наше время такихъ важныхъ результатовъ во всѣхъ наукахъ, еще не проникала въ Церковное право. Оттого оно, такъ много, повидимому, обработанное въ частяхъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Впрочемъ, всѣ матеріалы уже приготовлены, чтобы удовлетворить такимъ требованіямъ. Тогда то̀, что̀ представляется въ Церковномъ правѣ чѣмъ-то разрозненнымъ, разнороднымъ, войдетъ въ науку, не какъ сборъ отдѣльныхъ свѣдѣній, но какъ необходимая составная часть единаго цѣлаго. Тогда и наука Церковнаго права будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая наука, представляя систему, т. е. внутреннее развитіе предмета, а не внѣшній только порядокъ матерій. Тогда употребительный нынѣ порядокъ въ изложеніи содержанія Церковнаго права не будетъ такъ не сообразенъ съ системою положительнаго права вообще. Тогда, наконецъ, опредѣлится вполнѣ отношеніе Церковнаго права къ цѣлости Правовѣдѣнія и къ отдѣльнымъ юридическимъ наукамъ.

Практическія слѣдствія такого научнаго взгляда на Церковное право не замедлятъ обнаружиться сами. Всѣ современные вопросы, которые до сихъ поръ

рѣшаются такъ различно, именно потому, что нѣтъ для рѣшенія основы, разрѣшатся сами собою. Къ такимъ вопросамъ напр. принадлежитъ опредѣленіе юридическихъ соотношеній между церковью и государствомъ, между духовными и свѣтскими властями, между политическими и церковными учрежденіями, между духовенствомъ, какъ государственнымъ состояніемъ, и другими государственными состояніями, вообще между церковнымъ и свѣтскимъ правомъ.

Исторія церковнаго права до сихъ поръ разсматривается юристами также односторонно, не послѣдовательно и не полно. Кромѣ того, здѣсь господствуетъ то смѣшеніе началъ разныхъ Христіанскихъ исповѣданій, которое не иначе можно быть уничтожено, какъ отдѣливши сперва эти начала, а потомъ — представивши историческое развитіе всего Церковнаго права, какъ единаго цѣлаго, словомъ, всемірно-историческое его развитіе, подобное развитію положительнаго права вообще. Приложеніе такой методы къ Церковному праву не могло еще быть сдѣлано юристами потому, что они не сдѣлали къ нему приложенія сравнительной методы, которая всегда должна предшествовать всемірно-исторической, ибо первая есть основа послѣдней. Оттого Исторія церковнаго права столь много, по видимому, обработанная въ частяхъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Оттого многіе современные вопросы, относящіеся къ Исторіи церковнаго права, какъ науки юридической, не могли быть рѣшены съ полною основательностію, напр. объ историческомъ соотношеніи между церковнымъ правомъ Православной, Римско-Католической и Протестантской церквей, между властями этихъ церквей, между ихъ членами, вопросы о бракѣ, о рабствѣ, о частной собственности, о присягѣ, о религіозныхъ преступленіяхъ, объ инквизиціонномъ и обвинительномъ судопроизводствѣ, о свѣтскихъ предметахъ церковнаго законодательства, управленія и судопроизводства (res ecclesiastica), о церковныхъ предметахъ свѣтскаго законодательства, управленія и судопроизводства и т. д.

Для насъ, Русскихъ правовѣдцевъ, всего ближе право нашей Православной церкви. Въ наше время, какъ время самопознанія, зарождается эта наука, а потому безчисленныя трудности представляются тѣмъ, которые полагаютъ для нея начало. Собрать матеріалы, обработать ихъ научнымъ образомъ, извлечь изъ нихъ результаты помощію монографическихъ изслѣдованій и всѣ добытыя частности соединить въ одно систематическое цѣлое науки — вотъ надъ

чѣмъ, въ одно и то же время, трудятся наши канонисты; — трудъ огромный, требующій труда цѣлыхъ поколѣній! Но зато и результаты такого труда для насъ вдвойнѣ велики. Съ одной стороны, мы уяснимъ себѣ: какое вліяніе на наше право имѣло, чрезъ посредство церковнаго права, Византійское, а слѣд. и все Римское право, что потому досталось нашему праву въ наслѣдство отъ классической древности, бывшей столь важнымъ источникомъ для права западныхъ народовъ, какъ наша юридическая жизнь вообще примыкаетъ къ древности? Съ другой стороны, мы, собственно для себя, рѣшимъ тѣ же современные вопросы, которые представляются при догматическомъ и историческомъ изученіи Церковнаго права вообще.

Съ Церковнымъ правомъ всего тѣснѣе связаны прочія науки исторической части Богословія.

Богословская Герменевтика находится нынѣ въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какимъ ни одна изъ спеціальныхъ Герменевтикъ похвалиться не можетъ. Никогда не слышно, чтобы богословъ, не смотря на множество отличныхъ сочиненій по своей части, считалъ излишнимъ чтеніе и изученіе Библіи. При самомъ первоначальномъ изученіи Богословскихъ наукъ, въ видѣ напр. Сокращеннаго Катихизиса, или Краткой Священной Исторіи, всегда изучаются вмѣстѣ и приводимыя излагателями мѣста изъ Священнаго Писанія. Напротивъ, немногіе изъ юристовъ, да и то въ позднѣйшее время своей жизни, восходятъ къ изученію источниковъ, развѣ только за совершеннымъ почти недостаткомъ литературныхъ пособій (какъ напр. по части нашего отечественнаго права), или когда того требуетъ практическая дѣятельность, но въ послѣднемъ случаѣ ограничиваются, къ сожалѣнію, только чтеніемъ дѣйствующихъ законовъ.

А между тѣмъ, ни для однихъ спеціальныхъ положительныхъ наукъ не представляется такъ естественнымъ чтеніе и изученіе источниковъ, какъ для Богословія и для науки положительнаго права, ибо количество ихъ основныхъ источниковъ сравнительно не велико, спеціальное ихъ содержаніе почти не смѣшано съ посторонними предметами, практическое приложеніе ихъ — непосредственно.

Послѣ этого общаго замѣчанія, можно сказать, что весьма полезно бы юристамъ позаимствовать отъ Богослововъ ихъ экзегетическую методу, и тѣмъ дополнить односторонность такъ называемой систематической методы, исключительно

нынѣ господствующей. Было же время, когда юристы, преимущественно побуждаемые великимъ Лейбницомъ, позаимствовали отъ Богослововъ методу систематическую, названную тогда дидактическою, и тѣмъ, избѣгнувъ односторонности исключительно владычествовавшей экзегетической методы, положили основаніе научному изученію Правовѣдѣнія.

Того требуетъ современность, которая не хочетъ „jurare in verba magistri,“ но вездѣ ищетъ собственнаго полнаго сознанія, той самостоятельности, которая основываетъ свои положительныя знанія не на чужихъ выводахъ, мнѣніяхъ, толкахъ, словахъ, выражаемыхъ нынѣ въ такой громадѣ типографическихъ явленій, но на изученіи источниковъ.

Библейская исторія служитъ началомъ и основаніемъ для Церковной. Изученіе первой для юриста нераздѣльно съ изученіемъ Еврейскаго права, которое, съ одной стороны, во многомъ служитъ основаніемъ Церковному праву, а съ другой — представляетъ много замѣчательныхъ юридическихъ особенностей. Церковная исторія находится также въ ближайшей связи съ Церковнымъ правомъ.

Эта связь заключается преимущественно въ томъ, что Церковное право представляетъ только одну изъ сторонъ жизни церкви, сторону юридическую, а Исторія ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви обнимаетъ всѣ событія, которыя находятся въ болѣе или менѣе прямомъ соотношеніи съ церковью.

Всякому извѣстно, какое вліяніе имѣла всегда религіозная жизнь на всѣ прочія жизненныя отношенія, а слѣд. на бытъ юридическій, нравственный и общественный народовъ; но это вліяніе до сихъ поръ остается недостаточно изслѣдованнымъ въ его особенностяхъ, которыя однѣ въ состояніи опредѣлить вполнѣ его значеніе не только для одной изъ юридическихъ наукъ, Церковнаго права, но и для всего историческаго и философскаго развитія Правовѣдѣнія.

Юристамъ предлежитъ полное рѣшеніе этой важной задачи, которая поведетъ ихъ къ не менѣе важнымъ выводамъ, освѣтивъ все Правовѣдѣніе новымъ свѣтомъ.

До сихъ поръ этими вопросами нѣсколько занимались собственно только или Богословы, которые обращали свое вниманіе почти исключительно на религіозную жизнь, или историки, мало знакомые со всѣми частностями наукъ юридическихъ, столь важными въ этомъ дѣлѣ, или же, наконецъ, философы, означившіе, да и то

не вполнѣ, вліяніе религіозныхъ вѣрованій на развитіе науки вообще, а не въ частности — на развитіе Исторіи и Философіи права.

Правовѣдецъ, готовящійся къ рѣшенію такого важнаго вопроса, не только долженъ въ себѣ соединить необходимыя къ тому знанія богословскія, историческія и философскія, но долженъ владѣть вполнѣ своею спеціальною наукою, претворивъ въ себѣ всѣ эти разнородныя познанія въ живое цѣлое.

Тогда можно дать полный отчетъ въ томъ, что̀ до сихъ поръ пораждаетъ столько мнѣній, ни на чемъ не основанныхъ и между собою разногласныхъ. Тогда и мы, Русскіе, поймемъ, ка̀къ религіозная субстанція нашего народа облекаетъ, въ продолженіе всей нашей исторіи, юридическій, нравственный и общественный бытъ нашъ, обычаи и законы, частную нравственную дѣятельность, общественные нравы и учрежденія, наше положеніе среди всего политическаго міра, наше художественное, научное и литературное движеніе. Тогда мы сознаемъ себя и съ этой важной стороны нашего существованія, а такого мопосазнанія и требуетъ современность.

Съ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, рѣшены будутъ вмѣстѣ и вопросы о вліяніи догматовъ и нравственныхъ правилъ религіи (предметовъ Догматическаго и Нравственнаго Богословія) на юридическое сознаніе вообще, выраженное въ философскомъ мышленіи или въ положительномъ правѣ. Никто и никогда не отрицалъ такого вліянія и не отказывалъ ему въ особенной важности; но никто не потрудился съ ясностію и полнотою представить, не въ общихъ, отвлеченныхъ чертахъ, а въ живой дѣйствительности, всѣхъ особенностей вліянія религіи на право. Все, можетъ быть, оттого, что не было человѣка, который бы соединялъ въ себѣ богословскія познанія съ юридическими, тогда какъ въ исторіи Правовѣденія встрѣчаются люди замѣчательные, соединявшіе въ себѣ познанія юридическія съ философскими, или, еще чаще, съ филологическими. Исключеніе составляетъ, но и то въ ограниченномъ смыслѣ, одинъ только Томазій, изгнанникъ изъ Лейпцига, профессоръ новоучрежденнаго тогда университета въ Галле, знаменитый правовѣдецъ, съ котораго всѣ теперь начинаютъ новый періодъ Исторіи Правовѣденія (род. въ 1655, ум. 1728 г.). И сколько важныхъ заслугъ оказалъ этотъ преобразователь Правовѣденія именно съ помощію своихъ Богословскихъ познаній! Онъ первый придалъ очевидную самостоятельность Философіи права, какъ наукѣ юридической, различивъ ее отъ Нравственнаго Богословія особымъ нагляднымъ началомъ, для права имъ

впервые постановленнымъ, началомъ принудительности, которое и теперь занимаетъ важное мѣсто въ Правовѣдѣніи, хотя и не признается уже болѣе верховнымъ началомъ. Онъ первый открыто поставилъ началомъ Государственнаго права верховную государственную, свѣтскую власть, независимую ни отъ какой внѣшней власти на земли, а именно отъ власти папской, и тѣмъ вызвалъ науку Государственнаго права къ самостоятельной жизни. Въ своихъ лекціяхъ о Гуго-Гроціи онъ смѣло высказалъ новое основаніе союзовъ государствъ, независимое отъ средневѣковой связи ихъ, основанной на единствѣ папской власти, и тѣмъ придалъ Народному праву еще большую самостоятельность. Въ Уголовномъ правѣ онъ является основателемъ новой системы устрашенія, которая, не смотря на свою односторонность, будучи приведена въ связь съ общимъ началомъ Томазіевой философіи права, съ началомъ принудительности, придаетъ Уголовному праву философскій и вмѣстѣ самостоятельный характеръ. Кромѣ того, и въ той части науки Уголовнаго права, которая теперь называется, обыкновенно, особенною частію, Томазій провелъ свѣтлую мысль, восторжествовавшую надъ прежними предразсудками, надъ религіознымъ фанатизмомъ. Преимущественно ратуя противъ процессовъ о колдовствѣ и противъ пытки, способствуя къ значительному уменьшенію числа первыхъ и подвигнувши Пруссію изгнать пытку изъ своего законодательства, онъ явился великимъ практическимъ криминалистомъ. Вообще, всю жизнь свою, исполненную тревогъ и гоненій, Томазій подвизался за истину; нещадно преслѣдовалъ предразсудки, лицемѣріе, ханжество, педантство; смѣло оставилъ безсознательную рутину, которая унизила изученіе Правовѣденія до безсмысленной ремесленности, и не придерживаясь слѣпо никакого чужаго авторитета, подвергалъ все собственному своему изслѣдованію. Вездѣ являлся онъ преобразователемъ устарѣлыхъ университетскихъ учрежденій; всегда сочувствовалъ народности. Первый заговорилъ и сталъ писать о предметахъ юридическихъ на народномъ (Нѣмецкомъ) языкѣ, стараясь очищать его отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей и освобождать отъ педантскаго, тогда такъ называемаго „ученаго стиля."—Онъ первый возсталъ противъ исключительно владычествовавшаго тогда въ Германіи Римскаго права, стараясь показать всѣ его недостатки, пятна (naevos) и практическую неприложимость (non usus) во многихъ ученіяхъ даже частнаго права, и тѣмъ возвысилъ свое народное (Германское) право, которымъ онъ занимался съ особенною любовію. Его разсужденіемъ „De laesione enormi" такъ воспользовались редакторы нынѣ дѣйствующаго Французскаго уложенія, какъ ни одною изъ монографій.

Таковы были заслуги, едва здѣсь очерченныя, великаго юриста-Богослова, — и слава его стала непреходящею славою!

Не меньшая слава ждетъ того, кто и теперь, сознавая въ себѣ внутреннее призваніе, соединитъ въ одномъ своемъ лицѣ, въ высокой степени, познаніе богословскія и юридическія; пойметъ, что̀ требуется отъ правовѣдцевъ современностію; рѣшитъ множество вопросовъ, которыхъ рѣшеніе возможно только подъ условіемъ сочетанія въ одномъ лицѣ богослова и правовѣдца, и проложитъ, въ этомъ направленіи, новый путь для обновленной науки.

Не отъ Русскаго ли правовѣдца для Русскаго права намъ ждать совершенія такихъ подвиговъ? Не онъ ли долженъ, съ полною основательностію, опредѣлить то̀ отношеніе Православія къ нашей частной и общественной жизни, котораго присутствіе въ исторіи нашего права нами теперь только темно чувствуется, о которомъ теперь говоримъ только гадательно, отрывочно, поверхностно? Не ему ли предстоитъ показать и соотношеніе нашихъ древнихъ языческихъ вѣрованій, разнообразящихся въ племенахъ, изъ которыхъ сложилась Россія, съ нашимъ правомъ, преимущественно древнимъ? Не онъ ли долженъ объяснить юридическое соотношеніе права отечественнаго со всѣми разнообразными религіозными вѣрованіями, учрежденіями и событіями, скрывающимися, терпимыми или господствующими во всѣ времена нашей исторіи, даже до настоящаго времени?

Таковы существенныя современныя требованія отъ Русскихъ правовѣдцевъ, разсматриваемыя въ отношеніи къ наукамъ, которыхъ предметъ есть религія.

Но такъ какъ современное образованіе религіею не подлежитъ моему обсужденію, то я не могу останавливаться на этомъ важномъ предметѣ; а спѣшу обратиться къ собственно-научному образованію, или къ общему образованію Русскихъ правовѣдцевъ, основанному на наукѣ въ собственномъ смыслѣ, какъ результатѣ естественнаго человѣческаго вѣдѣнія.

Наука одна, ибо одно начало всего человѣческаго вѣдѣнія. Это начало есть разумъ. Дѣятельность разума есть мышленіе. Наука есть не иное что, какъ разумное развитіе мышленія и притомъ человѣческаго мышленія. Такое развитіе мышленія происходитъ само собою по законамъ самаго мышленія, или по законамъ разума. Оно проходитъ ступени, означаемыя этими разумными, логическими законами. Каждая изъ этихъ ступеней имѣетъ свое особенное начало.

Въ этомъ смыслѣ, можно построить столько особенныхъ наукъ, сколько различныхъ ступеней проходитъ наука вообще; ибо каждая такая особенная наука заимствуетъ свое начало изъ науки вообще, а она ни откуда извнѣ не заимствуетъ своего начала, которое становится верховнымъ, всеобщимъ для отдѣльныхъ наукъ, Начало ея есть самое мышленіе, какъ и она сама есть мышленіе, а потому мышленіе есть и форма, или метода, и содержаніе, или предметъ ея.

Человѣческое мышленіе, какъ начало, метода и предметъ науки, есть то̀, что̀ называется человѣческимъ познаваніемъ. Результатъ его есть знаніе. Познавать систематически, самостоятельно и притомъ для самаго познанія,—вотъ въ чемъ состоитъ научная дѣятельность. Въ систематичности, въ самостоятельности и въ самоцѣльности науки, какъ въ тѣхъ существенныхъ для нея свойствахъ, безъ которыхъ она не будетъ наукою въ собственномъ смыслѣ этого слова, состоитъ ея безотносительное достоинство.

Наукѣ существенно быть системою. Подъ системою здѣсь разумѣется то̀, что она есть единое цѣлое, развивающееся послѣдовательно въ ступеняхъ своихъ, разчленяющееся въ частяхъ, которыя не сположены только одна подлѣ другой въ порядкѣ времени и пространства, но соединены какъ органы одного и того же живаго организма, и потому состоятъ между собою въ необходимой, существенной связи. Все отрывочное, рапсодическое, всякое накопленіе свѣдѣній, всякій произволъ, всякія личныя мнѣнія, взгляды, цѣли, все это чуждо наукѣ. Только метода, установленная самымъ содержаніемъ, или предметомъ науки и слѣд. съ нимъ единая, метода предметная (обьективная) въ состояніи обуздать произволъ личнаго мнѣнія, и дать истинную свободу наукѣ, ибо метода есть законъ самой науки. Но ничто въ наукѣ не излишне, ничто не маловажно (nihil parvum in litteris); все равноцѣнно, ибо все равно истинно для человѣка. Quid essentia dignum est, scientia dignum est.

Наука, въ этомъ смыслѣ, свободна, самостоятельна. Она (какъ уже сказалъ Платонъ), не для черни, не для духовно-незрѣлыхъ (какъ сказалъ Аристотель), не для тѣхъ, кто не имѣетъ довольно силы и мужества, чтобы (какъ говоритъ Шиллеръ) „бороться съ безсмертною гидрою сомнѣнія.“ Odi profanum vulgus et arceo! — Sapere aude — Mens agitat molem!

Наука самоцѣльна. Она не дается ad panem lucrandum. Она есть необходимое удовлетвореніе присущаго въ человѣкѣ стремленія къ истинѣ. Vita sine litteris (говоритъ Сенека) mors est et hominis vivi sepultura. Любовь къ истинѣ есть первое условіе, чтобы найти ее. Съ нею неразлучны всѣ тѣ качества, которыя необходимы для занятія наукою: добросовѣстность, строгость мышленія, настойчивость въ изысканіяхъ, мужество въ воспріятіи истины, какою бы она ни явилась, наконецъ, то самоотверженіе, которое требуетъ немедленно отказаться отъ любимѣйшаго мнѣнія, какъ скоро откроется его несостоятельность. Время университетской жизни (говоритъ Жанъ Поль Рихтеръ) есть лучшее время первой любви къ наукамъ.

Но такой самоцѣльности науки нисколько не противорѣчитъ приложимость ея къ жизни, ибо наука и жизнь въ сущности едины.

Гёте восклицаетъ:

Was ist denn Wissenschaft?
Sie ist nur des Lebens Kraft.
Ihr erzeuget nicht das Leben,
Leben erst muss Leben geben.

Наука, отвлеченная отъ жизни, безжизненна, мертва, не есть наука. Наука non in verbis (говоритъ Сенека), sed in rebus est; facere docet scientia, non dicere.

Итакъ, кромѣ безотносительнаго, самоцѣльнаго достоинства, наука имѣетъ и относительное, прагматическое, или практическое значеніе (19).

Всегда почти выполненіе предшествуетъ созерцанію, а слѣд., говоря вообще, практика старѣе теоріи. Большею частію практика доставляетъ матеріалъ теоріи, которая его очищаетъ и приводитъ въ порядокъ. Сколько ни противится практика теоріи, сколько ни стоитъ на томъ, что она будто-бы имѣетъ свои собственные законы, слѣдуетъ своимъ правиламъ, практика не можетъ долго отвергать теорію, ибо только теоріею практика возводится къ сознанію. Не разъ случалось, что долговременная практика, оказавшись, наконецъ, противною исти-

(19) См. Ueber das Verhaltniss der Wissenschaft zum Leben, von Böckh. Берлинъ, 1844.

нѣ, должна была своротить съ любимой дороги, и взойти на новую, указанную теорію. Успѣхи человѣчества на томъ и основываются, чтобы практика все болѣе и болѣе проникалась и преобразовывалась теоріею, ибо высочайшая полнота человѣческой жизни состоитъ именно въ единствѣ теоріи и практики, науки и жизни, мышленія и дѣятельности. Вліяніе науки на жизнь состоитъ въ вещественной и въ духовной пользѣ науки для жизни. Вещественную пользу приноситъ наука, улучшая и умножая средства къ удовлетворенію нуждъ и потребностей жизни, содѣйствуя пріобрѣтенію имуществъ, предотвращая физическое зло, словомъ, споспѣшествуя вещественному благосостоянію народа. Хотя за вещественнымъ благосостояніемъ не слѣдуетъ необходимо духовное; однако же смѣло можно утверждать, что безъ вещественнаго благосостоянія не возможно значительное духовное развитіе народа. Бѣдность и нищета, сопровождаемыя множествомъ золъ, подавляютъ духъ народный, а достигнувъ высокой степени, портятъ и народную нравственность; а потому споспѣшествовать вещественному благосостоянію значитъ пролагать путь духовному. Не смотря на то, выше вещественной духовная польза науки, которая образованіемъ совершенствуетъ нравственный смыслъ и нравственную жизнь народа. Счастливъ, конечно, народъ, когда глубо-коренящіеся въ немъ нравы, обычаи и учрежденія ведутъ его, почти безсознательно, по истинному пути; но въ такомъ состояніи безсознательной непосредственности не долго народъ остается; притомъ къ старымъ добрымъ обычаямъ, нравамъ и учрежденіямъ примѣшивается всегда много дурнаго, много недостатковъ, много закоснѣлыхъ предразсудковъ, задерживающихъ дальнѣйшее движеніе. Если справедливо, что правда есть знаніе, то она и должна быть возводима къ сознанію. Осуществленіе этого познанія правды есть жизнь государственная, а потому она есть мѣрило того, сколько развилась правда у даннаго народа въ данное время. Въ такомъ смыслѣ преимущественно должно говорить о практической пользѣ науки вообще для насъ, правовѣдцевъ.

Но пока наука проникнетъ въ жизнь, проходитъ, обыкновенно, много времени. Въ тихомъ трудѣ, въ удаленіи отъ того, что еще называется жизнію, но что уже носитъ въ себѣ зародышъ смерти, наука взращаетъ познанія нерѣдко для отдаленнаго потомства, часто забывающаго о тѣхъ, кто для него трудился въ кровавомъ потѣ, въ борьбѣ съ запоздавшею жизнію, съ полнымъ самоотверженіемъ,

съ полнымъ презрѣніемъ временныхъ благъ, съ полною увѣренностію, что имя его съ нимъ и умретъ.

Но мы, воспитанные современностію, будемъ терпѣливо сносить медленность Исторіи. Не будемъ впадать въ отчаяніе и тогда, когда намъ кажется все потеряно, лишь бы не была потеряна честь. Nunquam de republica desperandum! Вспомнимъ Русскую народную пословицу: „все минется, одна правда остается."

Сознаемъ же эту правду современною наукою. Сознаемъ современную жизнь, въ которой скрывается эта правда! Сознаемъ себя самихъ, и будемъ дѣйствовать въ духѣ этого сознанія на поприщѣ правды, какъ истинные правовѣдцы Русскіе!

Сознаніе, основанное вообще на наукѣ, состоитъ въ томъ, что̀ называется научною дѣятельностію.

Научная дѣятельность необходимо представляетъ сама въ себѣ такое постепенное развитіе: она состоитъ 1) въ человѣческомъ познаваніи вообще, въ познаваніи первоначальномъ, въ уразумѣніи, въ пониманіи разума вещей, мысли, лежащей въ бытіи и развивающейся въ событіяхъ, въ сознаніи идеи, истины; 2) въ познаваніи проявленія этой идеи какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ; и 3) въ воспознаваніи познаннаго человѣчествомъ.

Первую научную дѣятельность назвать можно философскою, вторую — историческою, или положительною, а третію — филологическою.

И такъ, научная дѣятельность развивается въ философской, исторической, или положительной, и филологической дѣятельности. Произведеніе этой дѣятельности суть: Философія, Исторія въ обширномъ смыслѣ, или совокупность наукъ положительныхъ, и Филологія. Въ такомъ смыслѣ можно говорить о дѣленіи науки вообще на три главныя отрасли: Философію, Исторію и Филологію, но всегда помня, что онѣ не разнятся предметомъ, но различнымъ направленіемъ научной дѣятельности, и что потому всѣ вмѣстѣ составляютъ единое цѣлое, котораго онѣ суть только ступени.

Если Философію разсматривать вообще какъ человѣческое мышленіе, то она является тождественною съ наукою вообще.

Въ этомъ смыслѣ Философія есть наука, заключающая въ себѣ верховное начало для всѣхъ отдѣльныхъ наукъ; въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа основною наукою, а слѣд. стать основою общаго образованія.

Такъ понимаетъ Философію современность, и это понятіе есть плодъ современной же Философіи.

Слѣд. Философія хотя и обнимаетъ собою всю область человѣческаго вѣдѣнія, но представляетъ особенную систему. Называя главныя ступени ея развитія частями Философіи, и принимая ихъ за отдѣльныя философскія науки, мы получимъ:

1) Логику, которой предметъ есть человѣческое мышленіе о самомъ мышленіи;

2) Философію природы, или мышленіе о внѣшней, немыслящей природѣ;

3) Философію человѣка, или мышленіе о мыслящемъ человѣкѣ.

Послѣдняя часть подраздѣляется на Философію человѣка въ отдѣльности взятаго, Философію человѣческаго общества и Философію человѣчества, т. е. человѣческое мышленіе о человѣкѣ, о человѣческомъ обществѣ, о человѣчествѣ. Каждый человѣкъ представляется существомъ природнымъ, или животнымъ, существомъ самопознающимъ и существомъ нравственно-свободнымъ, и потому Философія о человѣкѣ дѣлится на Антропологію, Феноменологію и Психологію.

Человѣкъ становится истинно-свободнымъ въ обществѣ. Въ немъ осуществляется истинная свобода, а именно въ правѣ, въ нравственности и въ общественныхъ союзахъ. Философія человѣческаго общества, или Философія правды дѣлится потому на Философію права, на Нравственную Философію и на Общественную Философію, т. е. человѣческое мышленіе о правѣ, о нравственности и о союзахъ общественныхъ.

Общественный союзъ является родственнымъ, гражданскимъ и государственнымъ. Послѣдній представляетъ или внутренній союзъ государства, или внѣшній

союзъ государствъ или обнимаетъ собою все человѣчество. Человѣческое мышленіе о человѣчествѣ, развивающемъ свою нравственную свободу во времени и въ пространствѣ, есть предметъ Философіи Исторіи.

Человѣческое мышленіе о чувственномъ, природномъ выраженіи мышленія есть предметъ Эстетики, о выраженіи мышленія въ естественныхъ вѣрованіяхъ — предметъ Философіи религіи, о выраженіи мышленія въ формѣ мысли — предметъ Философіи.

Этимъ достаточно опредѣлятся, съ одной стороны, отношеніе Философіи къ наукѣ вообще, съ другой, — понятіе и составъ самой Философіи и соотношеніе отдѣльныхъ философскихъ наукъ. Не останавливаясь на подробностяхъ развитія, перейдемъ къ спеціальному предмету рѣчи.

Правовѣдѣніе, разсматриваемое съ философской стороны, или Философія права, какъ наука юридическая, тѣмъ отличается отъ Философіи правды, или человѣческаго общества, какъ науки философской, что первая, по своему особенному юридическому характеру, заимствуетъ изъ послѣдней философское содержаніе востолько, восколько оно, съ одной стороны, даетъ начала для юридическаго содержанія, а съ другой — прямо входитъ въ составъ Философіи права, какъ науки юридической. Наоборотъ, Философія права, какъ философская наука, не представляетъ того дальнѣйшаго развитія началъ въ положительномъ элементѣ, которое есть дѣло Правовѣдѣнія.

Обыкновенно философы, а еще чаще юристы забываютъ такое различіе между Философіею права, какъ наукою философскою и какъ наукою юридическою; забываютъ, что и эта наука, подобно прежде нами разсмотрѣнной науки Церковнаго права, имѣетъ двойственный характеръ, философскій и юридическій, не смотря на одно и то же названіе. Смѣшеніе этихъ наукъ такъ же ведетъ къ крайности, какъ и противоположеніе. Эти науки не тождественны, но различны, не противоположны, но едины, едины въ томъ смыслѣ, что онѣ имѣютъ одно и то же общее имъ начало — истинную (нравственную) свободу.

Философы дѣлали множество натяжекъ, чтобы въ свою Философію права внести положительное юридическое содержаніе, и внесли много такого, чего право-

вѣдецъ никогда признать не можетъ. Узнавши, большею частію мимоходомъ, объ этихъ пятнахъ Философіи, правовѣдецъ нерѣдко лишаетъ и всю Философію своего довѣрія, начинаетъ на нее смотрѣть съ презрѣніемъ, и думаетъ, что на ея изученіи не стóитъ тратить времени, между тѣмъ какъ самъ же, иногда въ положительнѣйшей части своей науки, философствуетъ, не имѣя возможности отдѣлаться отъ мышленія, какъ отъ атмосферы духовной нашей природы. Еще чаще случается, что правовѣдецъ, признавая кое-что изъ Философіи для себя полезнымъ, черпаетъ, чтò ему понравится, изъ той или другой философской системы и склеиваетъ все это вмѣстѣ съ своимъ положительнымъ ученіемъ. Лучше уже дѣлаютъ тѣ, которые излагая свою юридическую науку, держатся одной какой-нибудь философской системы и однихъ философскихъ началъ, хотя и переставшихъ быть уже для современности верховными началами.

Вообще смѣшеніе философскаго съ положительнымъ элементомъ въ Правовѣдѣніи было причиною зарожденія тѣхъ одностороннихъ взглядовъ на право, которые, доведенные до крайности, породили двѣ противоположныя школы юристовъ, извѣстныя подъ именемъ исторической и философской. Главою историческій школы явился тотъ правовѣдецъ, которому вся наша современность поднесла вѣнецъ первенства, прежде профессоръ Берлинскаго университета, нынѣ Прусскій министръ юстиціи, Савиньи. Въ первый разъ выступилъ онъ противъ своего знаменитаго противника, (недавно скончавшагося Гейдельбергскаго профессора Тибо) въ сочиненіи „О призваніи нашего времени для законодательства и Правовѣдѣнія" (20). Тибо требовалъ общаго уложенія для всей Германіи (21); Савиньи отвергалъ призваніе современности къ такому дѣлу. Онъ говоритъ: „Мы согласны въ цѣли: мы желаемъ дать твердое основаніе праву, обезпечивъ его противъ произвола и несправедливости; мы желаемъ единства народности (т. е. Германской) и сосредоточенія ея научныхъ направленій. Но достигнуть этой цѣли думаютъ они (противники) изданіемъ уложенія,........; я же полагаю, что вѣрное средство заключается въ

---

(20) „Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissennschaf', v. Savigny." Гейдельбергъ, 1814.

(21) См. „Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts in Deutschlsand, v. Thibaut. Гейдельбергъ, 1814.

дальнѣйшемъ органическомъ движенiи науки права.... Согласны мы также и въ воззрѣнiи на современность, равно признавая ея недостатки; но они считаютъ корнемъ зла настоящее положенiе источниковъ права, и думаютъ отвратить зло уложенiемъ; я же скорѣе нахожу корень зла въ насъ самихъ, а потому именно думаю, что мы не имѣемъ призванiя къ составленiю уложенiя." —

Вопросъ о составленiи общаго уложенiе для Германiи возбужденъ былъ учеными въ то самое время, когда Германiя только-что освободилась отъ чуждой власти, грозившей уничтожить ея народность.

Тогда было славное время для Германiи! Такiя времена вообще рѣдки въ исторiи человѣчества. Къ нимъ-то въ особенности приложимо Горацiево: „carpe diem." Тогда обратились Германскiя правительства къ народу, съ которымъ давно уже никто не говорилъ, какъ замѣтилъ знаменитый германистъ Эйхгорнъ. Сколько было возбуждено желанiй, надеждъ, теплой вѣры въ будущность! ......

„Тогда (говоритъ Савиньи, въ предисловiи къ позднѣйшему изданiю своего сочиненiя „О призванiи") снова стало возможнымъ публично говорить о дѣлахъ общественныхъ, слѣдуя своему свободному убѣжденiю, и вниманiе, вездѣ возбужденное пережитыми событiями, придало особенную привлекательность такому публичному сужденiю. Такого рода трудъ сталъ благодарнѣе, нежели какъ это бываетъ въ обыкновенное время. Тогда-то знаменитый правовѣдецъ Тибо предложилъ составить общее гражданское (т. е. частное и уголовное) уложенiе для Германiи, и тѣмъ способствовать какъ единенiю Германцевъ, столь важному въ политическомъ отношенiи, такъ и совершенствованiю судопроизводства и Правовѣдѣнiя."

Непониманiе соотношенiя между Философiею и Исторiею, между личнымъ мнѣнiемъ и всеобщею мыслiю, несознанiе современныхъ требованiй и своего призванiя въ современности, — вотъ что и такого великаго юриста, каковъ Савиньи, повергло въ крайность исторической школы, которая, уже въ 1815 году, избрала своимъ органомъ особый юридическiй журналъ (22). Въ немъ Савиньи прямо дѣ-

---

(22) Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft.

лить всѣхъ правовѣдцевъ на двѣ партіи. „Спокойный наблюдатель (говоритъ онъ), не участвующій дѣятельно въ спорѣ между двумя школами юристовъ — историческою и неисторическою (какъ онъ называетъ школу философскую, также одностороннюю), можетъ теперь опредѣлительно узнать то̀, что̀ для него долго могло оставаться тайною: къ какой партіи въ душѣ своей принадлежитъ онъ, кого онъ долженъ считать своимъ единомышленникомъ или своимъ противникомъ." Но здѣсь же Савиньи предчувствовалъ то̀, что̀ въ самомъ дѣлѣ и случилось. „Каждый (говоритъ онъ) долженъ признать благотворнымъ, что основное различіе (между этими школами) теперь выражается съ большею опредѣленностію и рѣзкостію, нежели прежде."

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе такой рѣзкой противоположности, настала борьба, а вслѣдствіе борьбы все рѣзкое обѣихъ школъ само собою стерлось, все въ нихъ ложное опровергнуто, и осталась только истина. Тогда начало исчезать и самое имя школъ. Если слѣды ихъ кое-гдѣ еще остаются, то потому только, что они еще не сознаны вполнѣ, потому что на нихъ не обращено еще должнаго вниманія, какъ того требуетъ современность.

Сперва примиряются послѣдователи этихъ школъ, ибо они всегда мягче своихъ учителей, защищая не столь близкое сердцу дѣло, какъ тѣ, для которыхъ оно ими рожденное, возлюбленное, взлелѣянное дитя. Потомъ смягчаются и самые главы этихъ школъ: Тибо болѣе, такъ сказать, приватно, какъ преподаватель, — Савиньи — публично, какъ авторъ творенія, которое онъ уже давно готовилъ для потомства, и въ которомъ потому должно было исчезнуть все личное, временное (23).

„Настроеніе духа (говоритъ здѣсь Савиньи), соотвѣтственное такому критическому труду, состоитъ въ духовной свободѣ, въ независимости отъ всякого авторитета; но чтобы это чувство свободы не извратилось въ дерзкое сомнѣніе, должно еще къ нему присоединиться то благотворное чувство смиренія, которое есть естественный плодъ безпристрастнаго сужденія объ ограниченности нашихъ силъ. Это чувство оплодотворяетъ свободу взгляда, и только тогда мы можемъ произ-

---

(23) System des heutigen römischen Rechts, v. Savigny. Берлинъ, 1840.

весть что-либо самостоятельное.... При самомъ вступленіи въ это сочиненіе (продолжаетъ онъ) не могу умолчать, какъ то, что въ новѣйшее время произошло въ нашей наукѣ, легко можетъ повредить безпристрастному принятію этого труда. Многіе усомнятся во всеобщности цѣли этого сочиненія, и въ это сомнѣніе введетъ самое имя автора. Подумаютъ, что здѣсь авторъ не столько имѣлъ въ виду свободное служеніе наукѣ, сколько одоостороннюю защиту исторической школы; что слѣд. это сочиненіе имѣетъ характеръ партіи, а потому надо отъ него оберегаться всякому, не принадлежащему къ этой партіи. Но всякій успѣхъ въ наукѣ основывается на совмѣстномъ дѣйствіи различныхъ направленій. Для обозначенія одного изъ такихъ научныхъ направленій, я и другіе употребляли прежде, безъ всякой задней мысли, выраженіе: „историческая школа." Тогда эта сторона науки была преимущественно выставлена наружу не съ тѣмъ, чтобы отрицать или уменьшать достоинство другихъ направленій, а только потому, что историческое направленіе долго стояло въ тѣни, слѣд. требовало на время, болѣе, нежели другія направленія, ревностнаго представительства, чтобы опять войти въ свои естественныя права."

И Савиньи сдержалъ свое слово! Не разъ съ похвалою, въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, онъ ссылается даже на Гегеля, котораго прежде оставлялъ почти безъ вниманія. Вообще Савиньи старался внесть въ свое безсмертное твореніе всю современность и воспользоваться всѣми трудами своихъ предшественниковъ. Это сочиненіе написано для Римскаго права съ тою же цѣлію, какую предполагалъ себѣ А. Гумбольдтъ въ своемъ „Kosmos" для Естествознанія; но въ исполненіи Савиньи превзошолъ знаменитаго своего состязателя на другомъ поприщѣ.

Теперь, когда въ Правовѣдѣніи нѣтъ болѣе противоположности между философскою и историческою школами, настало время устранить изъ науки и всѣ послѣдствія борьбы великой, окончившейся не смертію одного изъ необходимыхъ научныхъ направленій, не наружнымъ ихъ примиреніемъ, не пошлою „juste milieu," поединеніемъ, въ которомъ свободно движется живое разнообразіе всякой дѣятельности, лишь бы только она была истинно-научною дѣятельностію.

Теперь воззрѣніе юриста на право, чтобы быть полнымъ, должно быть и историческимъ, и философскимъ, ибо Философія права есть только разумъ положи-

тельнаго права. Юристъ не долженъ смѣшивать и права съ нравственностію, ибо это значило бы забыть заслугу Канта и вообще заслуги 18-го столѣтія, строго отдѣлившаго право отъ нравственности, и опять отодвинуть Философію права назадъ на нѣсколько столѣтій. Онъ долженъ сознать истинное соотношеніе между правомъ и нравственностью, состоящее въ томъ, что онѣ суть только различныя ступени одного и того же начала — истинной (нравственной) свободы, которой бытіе есть правда. Хотя и теперь юристъ въ Философіи права, какъ въ наукѣ юридической, долженъ разсматривать и право и нравственность, но послѣднюю только по отношенію къ праву, такъ что у него самая нравственность получаетъ характеръ юридическій.

Такимъ образомъ Философія права у правовѣдца, какъ наука юридическая, разовьется иначе, нежели у философа, какъ наука философская. Ступенями логическаго развитія Философіи права явятся:

1) Философія права въ собственномъ смыслѣ, или, такъ сказать, юридическаго права, т. е. частнаго права;

2) Философія нравственнаго права, основаннаго на началѣ частной нравственности, или Философія уголовнаго права.

3) Философія нравственнаго права, основаннаго на общественныхъ правахъ, выражающихся въ общественныхъ союзахъ (родственныхъ, гражданскихъ и государственныхъ), или Философія общественнаго, публичнаго права.

Такимъ образомъ, отдѣлится Философія права, какъ наука юридическая, отъ Философіи права, какъ науки философской, а отдѣлившись, станетъ уже предметомъ спеціальнаго образованія для правовѣдцевъ.

Впрочемъ, такого отдѣленія не должно доводить до крайности. Философія права, какъ наука юридическая, какъ и все Правовѣдѣніе, какъ и всѣ отдѣльныя науки, коренятся въ Философіи, изъ которой онѣ заимствуютъ свои начала.

Верховное начало Философіи, какъ мы видѣли, есть человѣческое мышленіе, которое, саморазвиваясь, постигаетъ, что человѣкъ есть существо мыслящее,

ибо мышленіе составляетъ сущность человѣка; что мыслящее существо есть вмѣстѣ и свободное существо, ибо и свобода составляетъ сущность человѣка. Послѣднее положеніе есть конечный результатъ той части Философіи, которую, обыкновенно, называютъ Психологіею. Конечный результатъ всякой отдѣльной науки есть то̀, что составляетъ ея предѣлъ, далѣе котораго она не идетъ и идти не можетъ, будучи ограничена своимъ предметомъ. Психологія, дошедши до понятія о человѣкѣ, какъ существѣ необходимо-свободномъ, на этомъ и останавливается, потому что ея дѣло было только развить до послѣдней, такъ сказать, точки внутреннюю духовную сущность человѣка. Но на этомъ Философія, въ ея полнотѣ, остановиться не можетъ. Она требуетъ дальнѣйшаго опредѣленія или развитія этой свободы. Если человѣкъ самъ по себѣ, внутренно свободенъ, то онъ долженъ быть свободенъ и на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Внутренняя его свобода должна стать внѣшнею, проявиться и обнаружиться, ибо иначе свобода будетъ отвлеченною отъ бытія, и слѣд. не существенною и не существующею.

Гдѣ же, спрашивается, осуществляется эта внутренняя сущность человѣка, эта свобода? Гдѣ она получаетъ свое внѣшнее бытіе? Гдѣ внѣшній міръ внутренней свободы человѣка? Гдѣ человѣкъ становится необходимо-свободнымъ?

Необходимо-свободенъ человѣкъ въ мірѣ закона, правды, права, нравственности, общества. Свободенъ человѣкъ тогда, когда пребываетъ въ законѣ, когда онъ праведенъ, когда живетъ по правдѣ, когда владычествуетъ надъ окружающимъ міромъ на основаніи законовъ, когда исполняетъ законы, постановляемые правомъ, нравственностію, обществомъ. The dominion of law is dominion of liberty — Англійская народная пословица.

Слѣд. свобода, эта внутренняя сущность человѣка, становится внѣшнею въ правдѣ; правда есть бытіе свободы. Эта правда развивается въ правѣ, въ нравственности, въ обществѣ, т. е., говоря юридически, въ частномъ, уголовномъ и общественномъ правѣ.

Опредѣленіе правды и развитіе ея по всѣмъ ступенямъ есть предметъ Философіи права.

Слѣд. Философія права беретъ за начало конечный результатъ Психологіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ всего предшествовавшаго развитія Философіи, — и это начало развиваетъ далѣе.

Такъ Философія права, а съ нею вмѣстѣ и все Правовѣдѣніе, для котораго она есть основа, коренится въ Философіи вообще, или изъ нея заимствуетъ свое верховное начало.

Но и Философія права имѣетъ свой предѣлъ, а потому переливается въ другую философскую науку, снимается въ высшей ступени развитія Философіи какъ цѣлаго. И она, исполнивши свою задачу, исчерпавши свой предметъ, заключаетъ свое собственное развитіе тѣмъ конечнымъ результатомъ, который становится началомъ другой философской науки.

Какой же конечный результатъ Философіи права, или, что̀ все равно, гдѣ праведная, правомѣрная, нравственная и общественная свобода, гдѣ внутренняя сущность человѣка осуществляется, развивается, становится полнымъ бытіемъ? Въ человѣчествѣ.

Такъ Философія права переходитъ въ послѣднюю часть Философіи, которую мы назвали Философіею человѣчества.

Таково отношеніе, согласное съ требованіями современности, между Философіею вообще и между Философіею права и Правовѣдѣніемъ!

Но до этого понятія еще не всѣ правовѣдцы возвысились, а потому мало сдѣлали изъ него практическихъ выводовъ. Въ этомъ заключается причина, почему вообще Философія права, какъ наука юридическая, такъ мало еще соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ въ цѣломъ и въ частяхъ. Вотъ главное основаніе множества отсталыхъ мнѣній, заблужденій, ложныхъ взглядовъ, поверхностныхъ отвѣтовъ на современные вопросы, той неполноты, непослѣдовательности и односторонности, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ философско-юридическихъ сочиненіяхъ. Этимъ же объясняется и то странное явленіе, что, въ то̀ время, когда Философію уголовнаго права давно уже привыкли соединять съ наукою положительнаго уголовнаго права, въ Государственномъ правѣ такое соединеніе слу-

чайно и рѣдко, а въ Частномъ правѣ и совсѣмъ его никогда не бываетъ. Въ этомъ же находятъ себѣ извиненіе и тѣ односторонніе юристы, которые видятъ въ изученіи Философіи только роскошь и притомъ вредную роскошь. Теперь понятно и то, почему нѣкоторые правовѣдцы думаютъ удовлетворить современнымъ требованіямъ не философскимъ мышленіемъ, а разсудочнымъ резонерствомъ, котораго сила заключается не въ объективной истинѣ, а въ ловкости природной діалектики.

Такой анахронизмъ долженъ теперь исчезнуть, какъ онъ исчезаетъ всегда и вездѣ, когда вполнѣ сознается современностью. Мы, Русскіе правовѣдцы, начинающіе только теперь дѣйствовать, не имѣемъ нужды бороться съ анахронизмами. Еще свѣжіе, еще юные, мы можемъ вдругъ, какъ новый свѣтъ, какъ отчизна Франклиновъ, Вашингтоновъ, стать въ уровень съ современностію. Ноги наши не загрязли въ болотѣ застоя, руки не окованы цѣпями прошедшаго. Двинемся же разомъ, и быстро пройдемъ тотъ путь, который за насъ прошло все человѣчество! Уразумѣемъ, что истинная свобода въ правдѣ! Согрѣемъ въ сердцахъ нашихъ чувство законности, долга, права! Освятимъ его вѣрою въ нравственное достоинство человѣка, въ равенство людей предъ Богомъ, въ свободу праведнаго! Пропитаемъ такими мыслями всѣ наши законы, всѣ наши учрежденія; оснуемъ на ней всю нашу частную и общественную жизнь! — и тогда все наше право будетъ нечѣмъ инымъ, какъ только положеніемъ, во временномъ нашемъ народномъ бытѣ, истиннаго, всеобщаго разума права, вѣчной, Божественной правды; вся наша наука права станетъ единствомъ положительнаго и философскаго права.

Опредѣливъ общее отношеніе между Философіею и Правовѣдѣніемъ, мы положили основу для разсматриванія отношенія отдѣльныхъ философскихъ наукъ къ Правовѣдѣнію.

Въ самую тѣсную связь съ нимъ приводятъ, обыкновенно, Антропологію, соединяемую съ Психологіею. Для этого криминалисты выдумали даже особую юридическую науку, назвавъ ее Уголовною Психологіею.

Правда, что Антропологія тѣсно соединена съ Психологіею, но это соединеніе совершается въ Феноменологіи духа. „Познай самаго себя,“ — это мудрое изрѣченіе Дельфійскаго оракула вѣчно будетъ отзываться въ душѣ человѣка, вѣчно

останется для него существеннымъ требованіемъ, ибо оно касается и его самаго, и міра, его окружающаго и имъ познаваемаго. Познать самаго себя не значитъ уразумѣть свою личность, но познать человѣка вообще, а слѣд. и общество человѣческое. Познать самаго себя значитъ уразумѣть вообще и человѣческое мышленіе, и предметы, ему подлежащіе.

Вотъ почему, въ наше время, сперва на Феноменологію смотрѣли какъ на ключь ко всей Философіи, а потомъ, совершенно послѣдовательно, стали очеловѣчивать и всю Философію. Вотъ почему подъ Философіею, подъ наукою вообще, разумѣютъ развитіе человѣческаго мышленія.

Не понимая истиннаго значенія антропорфизма науки, нѣкоторые философы, на мѣсто Логики, основною философскою наукою начали ставить Антропологію, соединяя ее съ Психологіею.

Варнкёнигъ (знаменитый Фрейбургскій профессоръ) справедливо замѣтилъ (24), что теперь времена болѣе благопріятны для антропологическаго воззрѣнія на Философію права, нежели лѣтъ за 20 тому назадъ. Жаль только, что онъ не понимаетъ, какъ такого рода антропологическое воззрѣніе явилось однимъ изъ слѣдствій ложнаго воззрѣнія на Философію вообще.

Варнкёнигъ разсматриваетъ право эмпирически, „какъ фактъ, данный въ опытѣ, какъ нѣчто историческое, произведенное людьми. Прежде всего (говоритъ онъ) мы вопрошаемъ исторію, потомъ, — природу человѣка, дѣйствующаго въ мірѣ исторіи, основываясь на антрополическихъ и психологическихъ изслѣдованіяхъ; далѣе, углубляемся въ право и находимъ его въ человѣческомъ духѣ, въ его высочайшей способности, которую Философія, подъ именемъ разума, сдѣлала предметомъ особенныхъ своихъ изслѣдованій. Отъ эмпирическаго знанія отвлеченіе возводитъ насъ на высоту философскаго мышленія. Тогда открываются намъ тѣ законы человѣческаго духа, по которымъ человѣкъ въ отдѣльности и всѣ народы различаютъ право отъ неправа, устрояютъ свою общественную жизнь, постановляя тѣ основныя положенія права, которыя почитаются ими священными, и потому охраняются. Итакъ (продолжаетъ Варнкёнигъ), чтобы понять сущность

---

(24) Rechtsphilosophie, als Naturlehre des Rechts, v. Warnkönig. Фрейбургъ (въ Брейсгау), 1839.

права должно сперва отыскать въ человѣческомъ духѣ тѣ законы, вслѣдствіе которыхъ возникаетъ право, проявляющееся въ исторіи. Недостаточно, впрочемъ, указать только на эти законы и твердо установить ихъ понятіе, но необходимо также показать, какъ и подъ какими условіями эти законы — подобно прочимъ законамъ природы — являются дѣятельными, и почему въ правѣ вообще много общаго и вмѣстѣ много особенностей. Только такъ понимая Философію права, мы можемъ придать ей названіе „естественнаго ученія о правѣ." Если намъ удастся понять естественное въ правѣ, т. е. всеобщее, проявляющееся въ Исторіи права какъ произведеніе законовъ природы, владычествующихъ и внутри человѣка и въ обществѣ людей,—мы достигнемъ той цѣли, къ которой прежде тщетно стремились; мы будемъ въ состояніи примирить Исторію съ Философіею, то̀, что̀ есть, съ тѣмъ, что̀ должно быть, и разрѣшимъ важнѣйшіе вопросы, которые отвлеченная Философія права не разрѣшила, а эмпирическая даже не постановляла. Мы покажемъ согласіе спекулятивныхъ истинъ съ эмпирическими и уничтожимъ пропасть, лежащую между раціональнымъ естественнымъ правомъ и правомъ историческимъ. Философія права, такимъ образомъ разсматриваемая, будетъ вмѣстѣ и прагматическою, ибо только то̀ практическое Правовѣдѣніе, которое освѣщено со всѣхъ сторонъ, можетъ найти путь къ истинному совершенствованію юридическихъ учрежденій и законодательствъ."

Съ перваго взгляда покажется, что Варнкёнигъ и другіе философы — юристы, согласные съ нимъ въ началахъ, нашли, въ самомъ дѣлѣ, настоящую методу для прочнаго основанія науки права, и что это основаніе именно и есть антропологическое, или психологическое. Но всмотрѣвшись въ нихъ нѣсколько пристальнѣе, мы легко поймемъ, что метода Варнкёнига есть только новая форма эклектическаго направленія въ Философіи. Эклектицизмъ, не разъ пораженный, теперь снова возстаетъ въ области Философіи; снова хочетъ мирить неразрѣшенныя имъ противоположности, забывая что такой наружный миръ гораздо хуже открытой брани, въ которой, какъ въ огнѣ, очищается самородное золото истины отъ всѣхъ чуждыхъ ему примѣсей.

Эклектики, примиряя внѣшнимъ образомъ эмпиризмъ съ раціонализмомъ, не возводятъ къ высшему единству бытіе и разумъ права, — не понимаютъ, что

разумное бытіе права и есть его истинная дѣйствительность; что дѣйствительность разумна, истинна, восколько въ ней пребываетъ правда; что неправда не имѣетъ истиннаго, дѣйствительнаго бытія, а только призрачное. Они останавливаются на разсудочномъ мышленіи, видящемъ во всемъ только различія; не восходятъ къ разумному, для котораго философское и положительное право едино въ томъ смыслѣ, что всякая истина имѣетъ дѣйствительную жизнь, что всякая идея есть единство сущности съ осуществленіемъ, что правда становится въ жизни правдою, ибо не становящееся бытіе есть тò же, что̀ небытіе; безжизненное бытіе есть или смерть, или ничтожество.

Въ эклектицизмъ ввергаетъ послѣдовательное проведеніе антропологическаго начала тогда, когда къ нему примѣшаютъ всеобщее, философское начало и, такъ сказать, эмпирическое начало, (которое иногда называется историческимъ), не сознавая ихъ высшаго единства. Въ скептицизмъ ввергаетъ послѣдовательное проведеніе того же антропологическаго начала, когда въ различіи философскаго и положительнаго права увидятъ противоположность, которую станутъ разрѣшать тѣмъ, что всеобщее философское начало — разумъ низведутъ на степень разсудка, и потому задачей Философіи права сдѣлаютъ не разумное сознаніе, а критику положительнаго права на основаніи антропологическихъ фактовъ.

Такими скептиками въ наше время явились знаменитый сподвижникъ исторической школы, (недавно умершій Гёттингенскій профессоръ), Гуго (25), а за нимъ и многіе другіе юристы. Гуго назвалъ Философію права — Естественнымъ правомъ, разсматриваемымъ какъ Философія положительнаго права. „Всю почти Философію (говоритъ онъ) можно назвать Антропологіею. Такъ какъ вся Философія можетъ раздѣляться на чистую и прикладную, изъ которыхъ первая называется Метафизикою: то хотя и существуетъ Метафизика права, но для критики юридическаго элемента необходимо много эмпирическихъ положеній. Эта divinarum atque humanarum rerum notitia можетъ прилично быть названа Юридическою Антропологіею, ибо она содержитъ такое ученіе о человѣческихъ предметахъ, которое хотя само по себѣ и не есть юридическое, но на которомъ послѣ основывается юридическое."

(25) Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, v. Hugo. Берлинъ, 1819.

Нѣтъ! Антропологическое, или психологическое начало не есть верховное начало для Правовѣдѣнія, тѣмъ менѣе для Философіи вообще. Вотъ что должна сознать современность, иначе она впадетъ или въ эклектицизмъ, или въ скептицизмъ, который самъ въ себѣ носитъ свое ничтожество. Но не впадемъ ли мы чрезъ то въ догматизмъ? Не впадемъ подъ тѣмъ условіемъ, когда не только что не остановимся на отрицательномъ результатѣ,—на отверженіи верховности антропологическаго начала — и не только что постановимъ какое-либо личное свое начало (догму); но сознаемъ, что начало Философіи вообще есть сама Философія, т. е. мышленіе, что ея развитіе естъ развитіе самаго мышленія, что ступени этого развитія становятся началами отдѣльныхъ наукъ, и что такимъ началомъ для Правовѣдѣнія не есть человѣкъ вообще, а его истинная (нравственная) свобода, составляющая высшее опредѣленіе внутренней сущности человѣка.

Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что Психологія не находится въ связи съ Философіею права, а слѣд. и съ Правовѣдѣніемъ. Слѣдуетъ только, что эта связь не такова, какъ ее часто представляютъ.

Психологія въ обширномъ смыслѣ (т. е. въ соединеніи съ Антропологіею и Феноменологіею духа) есть Философія человѣка, а Философія права есть Философія человѣческаго общества. Сущность человѣка, заключающаяся въ истинной (нравственной) свободѣ, выражается во внѣ въ правѣ вообще, которое становится необходимостію, закономъ въ человѣческомъ обществѣ.

Въ этомъ только смыслѣ можно сказать, что Правовѣдѣніе коренится въ Психологіи, т. е. подразумѣвая, что Психологія уже совершила свое развитіе, выработала окончательно сущность человѣка до понятія о свободѣ, которая становится, потомъ, верховнымъ началомъ права.

Вотъ на чемъ должно, въ наше время, основывать всѣ особенныя приложенія психологическихъ истинъ, какъ къ Правовѣдѣнію вообще, такъ и къ особеннымъ его частямъ, или отдѣльнымъ юридическимъ наукамъ.

Теперь особенно чувствуютъ потребность такого приложенія къ Уголовному праву, и потому стараются обработывать такъ называемую Уголовную Психологію въ видѣ особенной науки.

Вообще говорить о какой-нибудь прикладной наукѣ, какъ наукѣ, совсѣмъ не современно, ибо наше время постигло, наконецъ, самоцѣльность науки. Другое дѣло говорить о приложеніи одной науки, т. е. ея результатовъ, къ другой наукѣ, или же — прямо къ жизни. Перваго рода приложеніе, т. е. одной науки къ другой, основывается на взаимной связи всѣхъ отдѣльныхъ наукъ между собою, или на возведеніе ихъ къ единству науки вообще. Приложеніе же науки къ жизни основывается на томъ истинномъ ихъ соотношеніи, вслѣдствіе котораго наука есть сознаніе сущности жизни, а жизнь есть осуществленіе такого сознанія.

Въ обоихъ смыслахъ приложенія, Психологія можетъ быть прилагаема къ Уголовному праву, т. е. и къ его теоріи, или наукѣ, и къ практикѣ, или уголовному судопроизводству и составленію уголовныхъ законовъ.

Изъ приложенія къ теоріи начали собственно составлять особенную науку подъ именемъ Уголовной Психологіи, а именно уже подъ конецъ прошедшаго столѣтія, хотя эта наука еще мало теперь обработана и притомъ весьма односторонно.

Такъ послѣдователь Канта, профессоръ Шауманнъ, издалъ въ Галле, въ 1792, „Мысли объ Уголовной Психологіи" (26), гдѣ не только старался изложить начала этой тогда новой науки, но и начерталъ ея планъ, хотя и съ эмпирическою односторонностію. Такъ извѣстный медикъ Гейнротъ издалъ въ наше время „Основныя черты Уголовной Психологіи" (27), гдѣ старался представить полную систему науки, на основаніи болѣе современныхъ философскихъ началъ, но какъ медикъ, обратилъ свое вниманіе преимущественно только на то̀, чтобы доказать, что преступленіе не всегда есть слѣдствіе такъ называемыхъ медиками душевныхъ болѣзней.

Что касается до практическаго приложенія психологическихъ началъ къ области Уголовнаго права, то оно, можно сказать, еще только начинается.

Намъ, Русскимъ правовѣдцамъ, особенно необходимо обратить вниманіе на приложеніе къ практическому уголовному судопроизводству психологическихъ истинъ,

---

(26) Ideen zu einer Kriminalpsychologie, v. Schaumann.

(27) Grundzüge der Criminalpsychologie, v. Heinroth. Берлинъ, 1833.

какъ уже сдѣлано начало приложенія ихъ къ законодательству въ новомъ нашемъ Уголовномъ уложеніи. Тогда наши уголовные процессы вовсе не будутъ имѣть недостатка въ психологическихъ началахъ, которыхъ отсутствіе тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о жизни, чести и имуществѣ согражданъ, имѣетъ такія важныя послѣдствія. „Судья (говоритъ Шауманнъ) обязанъ означить качество того человѣческаго дѣянія, которое называется преступленіемъ, чтобы можно было опредѣлить — какія послѣдствія должно соединить, на основаніи законовъ, съ такимъ дѣяніемъ. Но чтобы справедливо обсудить свойство какого-либо дѣянія, надо изслѣдовать качество самаго человѣка, произведшаго это дѣяніе, и всѣ обстоятельства, при которыхъ дѣяніе было совершено.... Для этого необходимо знать человѣка вообще. Наука руководствуетъ къ такому знанію, а собственный опытъ оживляетъ это знаніе, но и въ этомъ случаѣ не можетъ замѣнить науки, ибо опытъ одного человѣка не замѣняетъ опыта всего человѣчества, возведеннаго къ сознанію въ наукѣ. Эта наука и есть Психологія въ обширномъ смыслѣ слова."

„Для человѣка (продолжаетъ Шауманнъ), производящаго уголовное слѣдствіе безъ знанія человѣческой природы, это дѣло должно, конечно, быть весьма тягостнымъ и скоро должно обратиться въ ремесло. Но знающій человѣческую природу.... находитъ въ этомъ дѣлѣ и пищу и занятіе для своего духа. Одна изъ причинъ, почему судьи не выполняютъ своихъ обязанностей, состоитъ въ томъ, что молодой криминалистъ узнаетъ преступленія, а не преступниковъ. Онъ изучаетъ науку,.... знакомится съ законами, но не умѣетъ приложить свои знанія къ дѣйствительной жизни. Я этимъ совсѣмъ не хочу сказать, будто бы посвящающіе себя судейской должности должны пренебрегать изученіемъ Уголовнаго права напротивъ, я требую отъ каждаго изъ нихъ точнаго и основательнаго знанія того, что наука и законодательства постановляютъ. Я говорю только, что этимъ не должно довольствоваться; что правила и положенія Уголовнаго права должно разсматривать не отвлеченно, но въ отношеніи къ людямъ и дѣяніямъ; что должно научиться судить людей .... съ человѣческой точки зрѣнія: ибо ничто столько не препятствуетъ свободному обсужденію людей, какъ привычка разсматривать всѣ человѣческія дѣянія, сходныя со внѣшней стороны, съ одной и той же точки зрѣнія и одинаковымъ образомъ." (Кстати напомнить здѣсь старую юридическую пословицу: „Duo cum faciunt idem, non est idem.")

„Въ отношеніи къ законодательству (говоритъ Шауманнъ), Уголовная Психологія требуетъ, чтобы людей, для которыхъ пишутся законы, рззсматривать не какъ свирѣпыхъ, необузданныхъ звѣрей, подобно Дракону, не какъ рабовъ, подобно Калигулѣ, но какъ людей, подобно Титу и Марку Аврелію. Она научаетъ насъ, что мечь и тюрьма, ссылка и безчестіе не суть единственныя, самыя дѣйствительныя средства къ искорененію преступленій, и что не вооруженною только рукою карательнаго правосудія сохраняется міръ и спокойствіе въ государствѣ. Уголовные законы должны быть такъ составлены, . . . чтобы наказаніе падало только на дѣйствительно-виновнаго; чтобы оно было соразмѣрно съ преступленіемъ . . . . . и чтобы судопроизводство было производимо по человѣчески, съ знаніемъ человѣческой природы!“

Вообще вся приложимость Психологіи къ Уголовному праву основывается именно на томъ, что начало права коренится въ человѣкѣ, въ его природѣ, а именно въ истинной его (нравственной) свободѣ.

Превосходно высказалъ это соотношеніе Гейпротъ въ весьма немногихъ словахъ:

„Преступленіе есть дѣяніе. Дѣяніе истекаетъ изъ воли; волею человѣкъ высказываетъ свое сознаніе, что онъ свободно самъ себя опредѣляетъ. . . Слѣд. нельзя дѣйствовать безъ участія воли; нельзя хотѣть, не опредѣляя себя; нельзя опредѣлять себя, не будучи свободнымъ“...

Такъ должно понимать въ наше время, согласно съ требованіями современной Философіи и современнаго Правовѣдѣнія, соотношеніе между Психологіею въ обширномъ смыслѣ и Уголовнымъ правомъ.

Въ этомъ только смыслѣ первая можетъ имѣть приложеніе къ послѣднему.

Недавно начали прилагать Логику къ Правовѣдѣнію вообще, въ особенности къ судопроизводству, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь далеко отстали отъ современнаго взгляда на самую Логику.

Теперь Логика не есть та формальная Логика, которою она была при Кантѣ, совершенно, впрочемъ, согласно съ верховными началами его философіи.

Теперь перестаютъ думать, что форма вообще независима отъ матеріи; что мы постигаемъ только форму, т. е. явленія, а не матерію, не самую вещь; что потому истина для насъ имѣетъ только формальное значеніе; что наше мышленіе и его законы только формальны.

Теперь Логика вмѣстѣ и формальная, и матеріальная, ибо форма едина съ матеріею, хотя и не тождественна, а различна: форма есть только осуществленіе сущности, а матерія сущность осуществленнаго. Теперь Логика дѣйствительно стала тѣмъ, чѣмъ она становилась въ продолженіе всего своего историческаго развитія, — мышленіемъ о самомъ мышленіи вообще, а слѣд. стала во главѣ всей Философіи, или, лучше сказать, содѣлалась первою ступенью ея развитія, и въ этомъ смыслѣ основною наукою для всѣхъ философскихъ, а чрезъ то и для всѣхъ прочихъ отдѣльныхъ наукъ.

Такъ понимая Логику, согласно съ требованіями современности, правовѣдецъ пойметъ истинную, высшую ея связь и съ своею наукою. Онъ будетъ видѣть въ Логикѣ точно такое же основаніе, какое видитъ и философъ, и историкъ, и филологъ, и математикъ, и естествоиспытатель, и медикъ. Онъ будетъ смотрѣть на Логику какъ на науку, которая даетъ вообще основу не только для формы, методы, но и для содержанія, или матеріи его спеціальнаго предмета. Онъ пойметъ, что общее логическое развитіе должно проходить и чрезъ Правовѣдѣніе, чтобы оно стало наукою въ истинномъ смыслѣ.

Впрочемъ, не смотря на такое свойство Логики, опредѣляющее ее какъ науку по преимуществу, а слѣд. придающее ей полную самоцѣнность, можно говорить и объ ея приложеніи какъ къ юридической теоріи, такъ и къ практикѣ, въ томъ же значеніи, въ какомъ говорилъ я о приложеніи Психологіи къ Правовѣдѣнію. Но и при такомъ приложеніи не надо ограничиваться взглядомъ на Логику, какъ на науку только формальную, чтобы не впасть въ односторонность. Это приложеніе начинается теперь особенно для двухъ наукъ юридическихъ, вслѣдствіе особенно тѣсной ихъ связи съ Философіею, а именно для Философіи права и для Юридической Энциклопедіи. Но къ сожалѣнію, далеко еще эти науки, особенно послѣдняя, не соотвѣтствуютъ, въ отношеніи логическаго, научнаго ихъ построенія, современнымъ требованіямъ, а потому онѣ еще только начинаютъ

становиться науками. Для естественнаго человѣческаго вѣдѣнія существуетъ только то, что человѣкъ понялъ, что проникъ своимъ разумомъ, своею мыслію. Мыслить же не логически значитъ не мыслить, и слѣд. не понимать. Наука безъ Логики не есть наука, не есть знаніе.

Теперь и къ юридической практикѣ пытаются также приложить Логику, но разумѣется, только Логику формальную. Въ этомъ отношеніи замѣчательно сочиненіе Сентъ-Албена, подъ названіемъ „Судебная Логика" (28). Въ немъ разсматриваются пріемы, заимствованные изъ формальной Логики, и употребляемые для защищенія тяжущихся и подсудимыхъ, для обсужденія дѣлъ и для приложенія законовъ къ судебнымъ рѣшеніямъ и приговорамъ. Хотя это сочиненіе не имѣетъ почти никакого ученаго достоинства, но есть въ немъ достоинство практическое, и особенно въ той части сочиненія, которую авторъ называетъ „Логикою совѣсти," и гдѣ излагаетъ нравственныя правила, которыми должны руководствоваться, въ отправленіи своей должности, судьи, изслѣдователи дѣлъ, присяжные, стряпчіе, прокуроры и адвокаты. Многіе знаменитые Французскіе юристы съ похвалою отозвались объ этомъ сочиненіи, напр. Филиппъ Дюпэнъ, Дювержье и пр. Извѣстный своимъ рѣдкимъ умомъ и рѣдкою опытностію, Шведскій король Іоаннъ Бернадотъ (недавно скончавшійся), въ письмѣ къ автору, просилъ его продолжать труды, столь полезные для общества. Онъ считалъ великими истинами два выраженія Сентъ-Альбена о Логикѣ, въ которыхъ онъ говоритъ, что она „царица царицъ," и что „все, имѣвшее продолжительное существованіе, обязано было этою продолжительностію присутствію въ себѣ Логики, а все погибшее, погибло оттого, что въ немъ не было Логики."

Съ Философіею права, какъ наукою юридическою, особенно же съ Исторіею ея находится въ тѣсной связи Исторія философіи вообще. Самимъ именемъ опредѣляется ея понятіе. Какъ всякая отдѣльная наука имѣетъ свою исторію, такъ имѣетъ ее и Философія. Исторія науки есть не что иное, какъ ея становленіе, или логическое развитіе во времени. Это та же наука, но разсматриваемая въ историческомъ ея ходѣ.

---

(28) Logique judiciaire, suivie de la logique de conscience, par H. de Saint-Albin. Парижъ, 1841.

Каждая философская система, входящая въ составъ Исторіи философіи, представляетъ ступень, на которую взошла Философія въ извѣстное время, снявши въ себя все предъидущее философское мышленіе и развивая его далѣе. Какъ при имени Математики, Физики и проч. никто не думаетъ, что напр. Физикою называется сочиненіе по части Физики такого-то писателя: такъ точно не должно и Философію, какъ науку, ограничивать именно только тою или другою философскою системою. Какъ всякое сочиненіе тѣмъ современнѣе, чѣмъ больше соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ: такъ и современною философскою системою можетъ быть названа та, въ которой личныя мнѣнія автора всего болѣе согласуются съ современнымъ общечеловѣческимъ мышленіемъ.

Итакъ, Философія одна, какъ одно мышленіе человѣчества, какъ одна Физика, Математика и т. п. Наука есть нѣчто всеобщее, а потому достояніе всѣхъ народовъ, всего человѣчества. Не смотря на всѣ особенности той или другой философской системы, чрезъ всю Исторію философіи проходитъ одна и та же нить, однѣ и тѣ же основныя истины. Каждая философская система выработываетъ особенное начало, которое является ступенью развитія всей Философіи. Говорятъ о философіи Восточной и Западной, Индійской и Китайской, Греческой и Римской, Нѣмецкой, Англійской и Французской, Языческой и Христіанской, недавно даже стали говорить о философіи Католической и Протестантской; но если дѣйствительно есть между ними различія, то частію онѣ объясняются необходимымъ ходомъ историческаго развитія самой Философіи, или тѣмъ, что тотъ или другой народъ особенно обратилъ свое вниманіе на ту или другую сторону предмета, частію же эти особеннозти не существенны, касаясь только поверхностно самой сущности. Всѣ же прочія особенности представляютъ именно то̀, что̀ не есть Философія. Въ Исторіи философіи, какъ въ наукѣ, тѣ только особенности могутъ имѣть мѣсто, которыя условливаются самою наукою.

Слѣд. философскія системы не противоположны, а только различны и притомъ такъ, что это различіе не только допускаетъ, но требуетъ того единства, вслѣдствіе котораго каждая изъ философскихъ системъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, представляетъ собою только ступень, на которой въ данное время стоитъ человѣческое мышленіе. Нельзя говорить безотносительно о ложности той или другой философской системы; можно только сознавать, что̀ въ ней не соотвѣтственно

своему времени, что̀ представляетъ только мнѣніе философа, а не мышленіе человѣчества въ данное время, что̀ слѣд. не входитъ въ науку, какъ не можетъ входить въ нее ничто чисто-личное, не единое со всеобщимъ. Или же, далѣе, можно сознавать, что такъ называемая философская система ниже своего времени или вообще, или въ той и другой частности. Наконецъ, можно сознавать, что данная система, хотя для своего времени и современна, но уже не современна для настоящаго времени. Вотъ въ чемъ заключаются основныя начала истинной критики философскихъ системъ, какъ ее понимаетъ современность.

Въ такомъ же отношеніи къ Философіи права находится ея Исторія, ибо послѣдняя составляетъ часть Исторіи философіи вообще.

Между тѣмъ, какъ уже давно стали обработывать матеріалы для Исторіи философіи, даже такъ, что она явилась въ наше время вполнѣ наукою,—на Исторію философіи права не обращаютъ особеннаго вниманія ни философы, ни юристы. Философы едва касались ея въ своихъ огромныхъ сочиненіяхъ по Всеобщей исторіи философіи, а юристы едва давали ей мѣсто во введеніи въ Философію права.

Особенная потребность нашего времени въ историческомъ изученіи Философіи права прямо высказана г-номъ Россбахъ (29). „Что Философія права (между прочимъ замѣчаетъ онъ) находится теперь въ критическомъ положеніи, — того отвергать не возможно.“

Борьба идеализма съ эмпиризмомъ вызвала опять въ наше время скептицизмъ, эклектицизмъ и мистицизмъ. Но въ нихъ опять не найдетъ наука своего спасенія. Что̀ дѣлать въ такомъ случаѣ? Перемыслить то̀, что̀ перемыслило человѣчество; изучить исторически Философію права такъ, какъ она никогда изучаема еще не была, не поверхностно, но основательно, не мимоходомъ, но какъ главный предметъ разсматриванія, не подъ вліяніемъ началъ философскихъ системъ, уже отжившихъ, но въ духѣ современной Философіи.

---

(29) Die Perioden der Rechtsphilosophie, v. Rossbach. Регенсбургъ, 1842.

Для такого историческаго изученія множество матеріаловъ. Есть откуда черпать факты, лишь бы достало умѣнья понять смыслъ этихъ фактовъ, видѣть, какъ въ нихъ отражается единый логическій законъ, какъ они представляютъ стройное развитіе человѣческаго мышленія о правѣ. Тогда и самое право, въ его положительномъ значеніи, двинется сознательно и быстро, такъ какъ оно давно уже не двигалось. Тогда мы поймемъ, какъ много недостаетъ для того, чтобы выработались соотвѣтственныя современнымъ требованіямъ понятія о личности человѣка, о собственности, о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о бракѣ, о гражданской жизни, о государствѣ, о народномъ правѣ и т. п.

Къ чести Русскихъ правовѣдцевъ, можно уже и теперь указать на самостоятельный трудъ Кіевскаго, нынѣ Петербургскаго профессора Неволина, который Исторіи Философіи права далъ обширный объемъ и почетное мѣсто въ своей „Энциклопедіи Законовѣдѣнія." — Можетъ быть, всего лучше намъ, Русскимъ правовѣдцамъ, взяться за полное историческое изученіе Философіи права. Въ нашихъ университетахъ, въ нашемъ ученомъ сословіи, въ нашемъ образованномъ обществѣ, — вездѣ теперь преобладаетъ историческое направленіе, которое служитъ твердою опорою для возникающаго народнаго нашего самопознанія. Приложимъ же его и къ изученію Философіи права, чтобы, и въ этомъ отношеніи, приготовиться основательно къ высокому будущему призванію нашего отечества и вмѣстѣ удовлетворить современнымъ всеобщимъ требованіямъ!

Философія Исторіи, подобно Исторіи Философіи, есть философская и вмѣстѣ историческая наука, но по другимъ причинамъ. Она есть мышленіе человѣчества о своемъ собственномъ историческомъ развитіи въ дѣятельности.

Въ этомъ смыслѣ, она образуетъ переходъ отъ философскихъ наукъ къ историческимъ, или положительнымъ вообще; съ другой стороны, она составляетъ сущность той науки, которая собственно называется Исторіею, и потому о Философіи Исторіи я скажу въ связи съ Исторіею вообще.

Объ отношеніи религіи къ юридическому элементу я говорилъ уже прежде, въ связи съ Богословскими науками. Что касается до Эстетики, то объ ней весьма много можно сказать какъ о предметѣ общаго образованія для всякого

спеціальнаго, но ничего почти особеннаго — въ отношеніи къ спеціальному юридическому образованію.

Въ заключеніе, говоря вообще о Философіи, мы должны признаться, что философское образованіе еще не довольно насъ проникло. Мы не можемъ еще пока похвалиться тою истинно-научною дѣятельностію, которая всегда есть плодъ Философіи. Всѣ наши свѣдѣнія какъ-то мало между собою соединены внутреннею связью, не глубоко коренятся въ общихъ началахъ, не могутъ вынести полной философской критики. Жизнь наша не представляетъ полнаго отраженія внутренняго нашего сознанія; напротивъ, мы часто двоимся въ жизни теоретической и практической, частной и общественной. Мы не свыклись съ основною мыслію Философіи, что для естественнаго человѣческаго вѣдѣнія истинно только то̀, что̀ вмѣстѣ оправдывается и разумомъ, и исторіею, и природою, и опытомъ; что становящееся, живущее и есть истина. Мы любимъ или плавать, безъ компаса, безъ руля и безъ якоря, въ океанѣ отвлеченной отъ жизни науки, или же погружаться во всѣ мелочи грубой эмпиріи, которую мы называемъ жизнію. Наука и жизнь у насъ разъединены. Мы еще не можемъ вполнѣ уразумѣть, что философская и положительная дѣятельность снимается въ единствѣ высшаго понятія о наукѣ; что философскія и положительныя науки имѣютъ одно и то̀ же содержаніе, одну и ту же методу, одно и то̀ же начало; что это начало, метода и предметъ заключаются въ человѣческомъ мышленіи, которое развивается и въ наукѣ и въ жизни.

И между тѣмъ, таково истинное соотношеніе между философскими и положительными науками, высказанное современностію.

Положительныя науки, если онѣ являются науками въ самомъ дѣлѣ, не останавливаются на познаніи частностей явленія, но ищутъ въ нихъ всеобщихъ законовъ, и, такимъ образомъ, изъ частностей выработываютъ мысль; освобождая ее отъ всего того, что̀ является непосредственно даннымъ мышленію, онѣ приготовляютъ матеріалъ для Философіи и слѣд. сами снимаются въ Философіи. Съ другой стороны, положительныя науки побуждаютъ Философію развиваться далѣе, требуя отъ нея, чтобы она не останавливалась на общностяхъ, но переходила къ частностямъ, ибо если всеобщее не срастется съ частностями (не станетъ кон-

кретнымъ), то останется пустымъ, неопредѣленнымъ, безжизненнымъ, отвлеченнымъ (абстрактнымъ).

Такимъ образомъ, Философія обязана своимъ развитіемъ положительнымъ наукамъ, а положительныя науки обязаны Философіи тѣмъ, что она дастъ ихъ содержанію существенную, свободную форму мысли, и вмѣстѣ оправдываетъ необходимость этого содержанія не внѣшнимъ только образомъ, какъ чего-то извнѣ даннаго, чуждаго для мыслящаго существа, но внутреннимъ образомъ, какъ усвоеннаго разумомъ, ему уподобленнаго.

Итакъ, философское и положительное направленіе не противоположны, но едины, не тождественны, но различны. Всякая наука, въ отдѣльности разсматриваемая, можетъ быть и философскою и положительною.

Философскою она бываетъ тогда и востолько, когда и восколько она заключаетъ въ себѣ всеобщую мысль.

Положительность науки бываетъ разнаго рода: или по содержанію, или по формѣ, или по способу познаванія. Науки положительны по содержанію тогда, когда онѣ низводятъ общія начала въ область преходящихъ случайностей, въ эмпирическія частности. Такъ Исторія есть вмѣстѣ и философская и положительная наука, поколику мысль, идея есть ея сущность, частныя же явленія случайны, произвольны. Науки положительны по формѣ, если онѣ останавливаются на частностяхъ, не показывая ихъ перехода въ высшую сферу всеобщности. Излагающій Исторію философски такъ группируетъ событія, что мысль отразится въ нихъ, какъ во внѣшнемъ для себя образѣ; что всеобщее обнаружится въ частностяхъ. Наконецъ, науки положительны по способу познаванія тогда, когда орудіемъ познаванія берутся чувства, чувствованіе, разсудокъ, или авторитетъ. Такъ Философія, основываемая на эмпирической Антропологіи, на фактахъ самопознанія, на внутреннемъ созерцаніи, или на внѣшнемъ опытѣ, будетъ не философскою, а положительною наукою.

Кромѣ такихъ положительныхъ наукъ, называютъ еще иногда этимъ именемъ или 1) собраніе разнородныхъ свѣдѣній, приведенныхъ во внѣшній порядокъ; такова напр. Филологія въ томъ смыслѣ, какъ ее долго, да и теперь еще обыкновенно принимаютъ; или же 2) собраніе хотя и однородныхъ свѣдѣній, но тако-

го рода, что основою ихъ совокупленія не есть какая-либо необходимая мысль, что̀-либо разумное, а чистый произволъ; такова напр. Геральдика.

Впрочемъ, предметъ какъ положительныхъ наукъ, такъ и философскихъ, тотъ же: или человѣкъ, или природа. На этомъ основаніи, можно раздѣлить всѣ положительныя науки на два главныхъ разряда: на историческія и на естественныя въ обширномъ смыслѣ.

Къ историческимъ наукамъ относятся: Исторія съ такъ называемыми вспомогательными историческими науками, науки политическія и науки хозяйственныя. Къ наукамъ естественнымъ можно отнести: собственно-такъ называемыя естественныя науки, медицинскія и математическія науки.

Впрочемъ, человѣкъ и природа не суть понятія противоположныя, ибо человѣкъ находитъ и природу въ себѣ, и себя въ природѣ; слѣд. науки историческія и естественныя, не смотря на ихъ различіе, состоятъ въ высшемъ единствѣ.

Исторія, какъ наука философская, называется Философіею Исторіи. Она показываетъ, ка̀къ развивается человѣчество во времени, ка̀къ оно постепенно восходитъ къ самопознанію, ка̀къ осуществляетъ свою сущность — истинную (нравственную) свободу. Въ этомъ смыслѣ, Философія Исторіи составляетъ сущность той положительной науки, которая называется Всеобщею, или Всемірною Исторіею. Частная Исторія есть собственно положительная наука, но и она также можетъ быть разсматриваема съ философской точки зрѣнія. Тогда она содержитъ въ себѣ постепенное развитіе во времени всей дѣятельности народа, всего его самопознанія, той мысли, которую разработать досталось народу отъ человѣчества. Частная Исторія, принимаемая въ другомъ смыслѣ, представляетъ развитіе мысли въ особенной какой-либо сферѣ дѣятельности, или вообще у всѣхъ народовъ, напр. въ юридической (Всеобщая Исторія права), или только у одного или нѣсколькихъ народовъ (напр. Исторія Русскаго права, Славянскаго права, права западныхъ государствъ и т. п.)

Та̀къ понимаетъ современность Исторію во всѣхъ ея видахъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что невозможно уразумѣть ни Всеобщей ни Частной Исторіи, какъ наукъ положительныхъ, безъ Философіи Исторіи, и что Частная Исторія не можетъ быть понятна безъ Всеобщей.

Для изученія Исторіи права поэтому необходимо изученіе не только Частной и Всеобщей Исторіи вообще, но и Философіи Исторіи.

Исторія права еще не вполнѣ приведена въ связь со Всеобщею Исторіею. Впрочемъ, въ наше время, когда Исторія стала наукою, возродилось и стремленіе ко всемірно-историческому воззрѣнію на право. Въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія сочиненіе (къ сожалѣнію, недоконченное) ученика Гегеля (недавно умершаго Берлинскаго Профессора), Ганса: „Наслѣдственное право въ его всемірно-историческомъ развитіи" (30), о которомъ (особенно въ отношеніи Исторіи права новыхъ народовъ) даже противники отзываются съ отличною похвалою. „Исторія положительнаго законодательства" (впрочемъ, еще неоконченная), г-на Неволина, помѣщенная во второмъ томѣ его „Энциклопедіи Законовѣдѣнія" представляетъ такой трудъ, какимъ не могутъ похвалиться и западные юристы.

Главная причина недостаточной обработки Всеобщей Исторіи права заключается въ томъ, что не вполнѣ еще сознано соотношеніе методъ, которыя должны быть употребляемы при историческомъ изученіи положительнаго права.

Такихъ методъ четыре. Одну назовемъ мы частно-историческою, другую — сравнительною, третію — всемірно-историческою, послѣднюю — историко-философскою.

Сперва необходимо изучить положительное право каждаго народа въ отдѣльности; потомъ, — сравнить ихъ между собою. Когда, вслѣдствіе этого сравненія, откроются между ними сходства и различія, надо объяснить причины такихъ явленій. Тогда обнаружится та связь между ними, которая обнимаетъ всю Исторію положительнаго права, которой сущность постигается историко-философскимъ воззрѣніемъ на положительное право.

Такъ постепенно возвышаемся мы до Философіи права, начиная отъ изученія Частныхъ Исторій права, и проходя чрезъ изученіе сперва Сравнительнаго Правовѣдѣнія, а потомъ — Всеобщей Исторіи права.

Таковы требованія современности! Но онѣ еще не вполнѣ удовлетворены. Еще недостаточно изучена Исторія положительнаго права отдѣльныхъ народовъ, а потому Сравнительное Правовѣдѣніе находится еще въ дѣтствѣ, а Всеобщая Исторія права едва только зарождается.

---

(30) Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung, v. Gans. Берлинъ, 1824.

Этимъ я не хочу сказать, чтобы не было до сихъ поръ выработано, и притомъ съ надлежащею основательностію, много такихъ частныхъ фактовъ, входящихъ въ область науки положительнаго права, изъ которыхъ можетъ быть построена Всеобщая Исторія права. Напротивъ, современность можетъ, и въ этомъ отношеніи, похвалиться, что она достаточно сознала прошедшее. Одно только можно сказать объ ней: она еще не успѣла выразить своего познанія въ системѣ, въ наукѣ, и это осталось для нея задачею, которую и мы, Русскіе правовѣдцы, призваны рѣшать съ тѣхъ поръ, какъ и для насъ наступило время самопознанія.

Сперва Россія жила отдѣльною жизнію отъ Всеобщей Исторіи, жизнію только народною. Тогда она не принимала дѣятельнаго участія въ судьбахъ Всемірной Исторіи. Впрочемъ, уже и тогда она втиши готовилась къ своему великому всемірно-историческому призванію. Такова была Россія временъ до-Петровскихъ. Петръ Великій, силою своего генія, осуществилъ на дѣлѣ давно—созрѣвшую въ народѣ мысль. Онъ рѣшительно вдвинулъ Россію во Всеобщую Исторію. Исключительная народность слялась въ общей жизни человѣчества. Теперь, начиная сознавать себя, свое особенное — народное и всеобщее — человѣческое значеніе, мы снова возвращаемся къ нашей собственной, народной жизни, но уже вносим въ нашу народность общечеловѣческую жизнь. Теперь начинаетъ входить и Всеобщая Исторія въ Русскую. Тàкъ и для насъ, народа всемірно-историческаго, начинается единеніе жизни общеловѣческой съ нашею народною.

Этимъ объясняются всѣ современныя явленія исторической нашей жизни; все разномысліе представителей нашей современенности въ частностяхъ и согласіе ихъ въ общемъ; внутренній порядокъ въ наружномъ безпорядкѣ; дѣйствительное начало въ кажущемся отсутствіи начала; созиданіе новаго безъ разрушенія стараго и разрушеніе стараго безъ созиданія новаго; разобщеніе безъ борьбы и борьба безъ противоположностей; значеніе личностей безъ признанія со стороны всеобщаго, и отсутствіе всеобщаго, признанное личностями. Словомъ, мы живемъ во время того кризиса, который есть вѣрный признакъ перехода исторической жизни народа въ новый періодъ.

Сознать точку отправленія этого періода, котораго начало намъ современно, — его сущность, направленіе, соотношеніе съ прошедшими періодами нашей народной и общечеловѣческой жизни — вотъ современная, великая задача Рус-

скаго историка. Вознестись къ такому сознанію въ сферѣ юридической — современная задача Русскаго историка — правовѣдца.

Итакъ, самая сущность нашей отечественной Исторіи требуетъ, чтобы мы вполнѣ изучили ее, не только въ отдѣльности, но и въ связи со Всеобщею Исторіею.

При полномъ отдѣльномъ ея изученіи, мы не можемъ не замѣтить, что многое, вошедшее уже въ составъ Россіи, не взошло еще въ Русскую Исторію. Такъ не вполнѣ взошла туда жизнь южной и западной полосы ея, представляющихъ столь много особенностей; такъ племенные элементы нашей исторической жизни не вполнѣ еще изслѣдованы, и едва только теперь обратились къ основательному изученію Славянскаго и отчасти прочихъ элементовъ, столь разнородныхъ и также значительныхъ; такъ, наконецъ, нѣкоторыя стороны исторической нашей жизни, требующія для своего изученія всего человѣка, едва только теперь стали быть исключительнымъ занятіемъ спеціалистовъ, напр. право, литература, языкъ и т. п.

При полномъ изученіи отечественной Исторіи въ связи со Всеобщею, не можемъ не замѣтить, что вообще въ наукѣ этой связи несравненно менѣе, нежели въ жизни. Такъ не рѣшены еще, съ полною отчетливостію, вопросы объ отношеніи Россіи къ другимъ Славянскимъ народамъ, къ народамъ западнымъ, къ Византіи, къ Востоку; — о томъ, въ какой степени всѣ эти народы и государства вліяли на историческую жизнь нашу; какъ вообще жизнь Русская, подобно жизни всѣхъ народовъ, сложилась изъ туземныхъ и чужеземныхъ элементовъ.

Словомъ, современная Русская Исторія не представляетъ еще той полноты, какую представляетъ собою современная Россія, а слѣд. она еще не выполнила современныхъ требованій, не сознала вполнѣ дѣйствительности.

Послѣ этого, не мудрено, что Русскій правовѣдецъ, вмѣсто того, чтобы черпать готовыя общеисторическіе матеріалы изъ Русской Исторіи для спеціальнаго историческаго изученія своего отечественнаго права, часто принужденъ быть вмѣстѣ и историкомъ вообще и юристомъ. Такимъ отсутствіемъ раздѣленія труда весьма замедляются успѣхи всякой дѣятельности. Но впрочемъ, теперь наступило лучшее время, время самопознанія. Теперь Русская исторія постановила

уже вопросъ, какое особенное призваніе имѣетъ Россія въ общемъ дѣлѣ человѣчества, — и Русскій правовѣдецъ обязанъ, съ своей стороны, принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи этого вопроса. Чтобы оно было удовлетворительно и правильно, много еще предстоитъ трудовъ. Мы напередъ должны воспользоваться всѣми тѣми пособіями, которыя предлагаются историку въ такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ наукахъ.

Чтобы довѣрять показаніямъ Исторіи, надо сперва доказать, что излагаемыя ею событія дѣйствительно произошли: иначе мы будемъ на пескѣ строить науку; увлечемся какою-либо односторонностію; вмѣсто общей мѣрки, примемъ частную; введемъ небылицы въ Исторію.

Исторія преимущественно основывается на свидѣтельствахъ, и весьма мало на собственномъ опытѣ, который потомъ опять обращается въ свидѣтельство. Эти свидѣтельства, или историческія доказательства, называются историческими источниками, или источниками Исторіи. Отысканіе и восполненіе ихъ есть дѣло историческаго изысканія; ихъ объясненіе и оцѣнка — дѣло историческаго изслѣдованія или разсужденія, а основанное на нихъ систематическое изученіе и изложеніе — дѣло историка въ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, для изученія и изложенія Исторіи необходимо знаніе ея источниковъ. Тѣ науки, которыя къ тому служатъ пособіемъ, называются вспомогательными историческими науками.

Какъ ни разнообразны историческіе источники, однако же можно ихъ подвести подъ три главныхъ рода: изустныя преданія, неписьменные памятники и письменныя свидѣтельства.

Изустныя преданія суть сказанія неизвѣстнаго происхожденія временъ отдаленныхъ. Онѣ весьма важны для Исторіи первобытнаго времени народовъ и всего человѣчества, въ особенности для познанія ихъ умственнаго, нравственнаго и религіознаго состоянія. Къ нимъ относятся миѳы, саги, народныя пѣсни, сказки, пословицы, поговорки и т. п. Миѳы древнихъ классическихъ народовъ составили давно уже предметъ особенной науки, подъ названіемъ Миѳологіи, которая много обработана въ частяхъ, и въ наше время сознана какъ начало науки у древнихъ народовъ вообще. Прочія изустныя преданія мало еще разработаны съ

основательностію и не приведены въ связь съ Исторіею. Русскіе ученые и любители древностей, руководимые нынѣ господствующимъ у насъ историческимъ направленіемъ, начали обращать вниманіе и на эти источники для изученія древней Русской Исторіи. Но намъ осталось еще многое сдѣлать. Собрать, обработать и внесть въ составъ Исторіи эти матеріалы — вотъ современное наше требованіе, условливаемое потребностію познанія себя въ прошедшемъ. Тогда и Русскіе правовѣдцы откроють въ нихъ не скудный матеріалъ какъ для познанія своего кореннаго, туземнаго, народнаго, обычнаго права, такъ и для того, чтобы проникнуть, какъ думали наши предки о вѣчной правдѣ.

Неписьменные памятники суть всѣ произведенія рукъ человѣческихъ, свидѣтельствующія объ историческихъ событіяхъ и о народной образованности. Много западные ученые трудятся теперь для разысканія и поясненія этихъ памятниковъ, но ихъ результатами не достаточно еще воспользовались историки. У насъ и на этотъ предметъ обращено теперь особенное вниманіе. Теперь начали сознавать важность этихъ живыхъ историческихъ свидѣтельствъ, стали дорожить ими и сохранять ихъ. Впрочемъ, далеко не все обширное наше царство обыскано, а между тѣмъ безпрестанно многое погибаетъ, не оставивши по себѣ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Не иначе, какъ соединенными силами, должны мы трудиться и въ этомъ случаѣ. Впрочемъ, для правовѣдца, этого рода памятники не имѣють другаго значенія, кромѣ общеисторическаго.

Наконецъ, самыми важными обильными источниками Исторіи служатъ всѣ письменныя свидѣтельства.

Переходомъ отъ неписьменныхъ къ письменнымъ свидѣтельствамъ служатъ гербы, печати, ордена, монеты и медали, и надписи.

Гербы являются довольно важнымъ источникомъ, особенно для западной Исторіи среднихъ вѣковъ, именно для познанія княжескихъ и дворянскихъ родовъ и фамилій. Эти внѣшнія признаки различія между Европейскими высшими классами вошли во всеобщее употребленіе во время крестовыхъ походовъ, въ то же самое время, когда вошло также во всеобщее употребленіе придавать себѣ прозванія (фамиліи). Мало по малу, изъ свѣдѣній о гербахъ, изъ правилъ до гербовъ относящихся, и изъ изложенія правъ на гербы и съ гербами соединяемыхъ составили

особенную науку, подъ названіемъ Геральдики, которую преимущественно обрабатывали сперва Нѣмцы, а потомъ Французы, пока послѣдніе не уничтожили у себя гербовъ въ самомъ началѣ революціи (въ достопамятную ночь 4 Авг. 1789), вмѣстѣ съ прочими остатками феодализма. Изъ этой науки могутъ многое извлечь и историкъ и юристъ. Она вводитъ въ духъ феодолизма, въ средневѣковые нравы вообще; изъ нея черпаются свѣдѣнія о многихъ великихъ историческихъ дѣяніяхъ, также объясненія, касающіяся до родословія и до состоянія имуществъ многихъ знатныхъ родовъ и фамилій.—Употребленіе гербовъ мы позаимствовали отъ Запада и притомъ уже въ позднѣйшее время. Въ царствованіе Императора Павла Петровича учреждено при Правительствующетъ Сенатѣ особое присутственное мѣсто для дѣлъ, до гербовъ относящихся, въ которомъ служащимъ необходимо знать Геральдику. Впрочемъ, еще до сихъ поръ гербы у насъ не вошли въ такое всеобщее употребленіе, какъ было въ средніе вѣка на Западѣ. Мы все еще не свыкнемся съ этимъ средневѣковымъ явленіемъ западной Европы. Наши гербы не имѣютъ потому для нашей Исторіи того значенія, какъ для Исторіи Запада. Для Русскаго правовѣдца они еще менѣе значительны, ибо теперь употребленіе чужаго или произвольнаго герба хотя законами и не дозволено, но обычаями судится весьма не строго. Впрочемъ, принадлежность къ тому или другому роду, основанная на единствѣ гербовъ, и права, съ тѣмъ соединенныя, и у насъ пріобрѣтаютъ значеніе; а потому и на наши гербы, какъ Русскіе историки, такъ и правовѣдцы обязаны теперь обратить свое вниманіе. Первые должны разсмотрѣть ихъ съ общеисторическій точки зрѣнія, т. е. какъ источники, хотя маловажные, нашей новой Исторіи, а послѣдніе — съ юридической, какъ основанія правъ (tituli).

Гербы въ особенности употребляются на печатяхъ. Въ этомъ смыслѣ, печати суть источники Исторіи, нераздѣльные съ гербами. Изъ свѣдѣній о печатяхъ составилась особая наука, большею частію, впрочемъ, входящая въ составъ Геральдики, а именно Сфрагистика. О печатяхъ вообще должно повторить то же, что сказали о гербахъ, но съ слѣдующимъ добавленіемъ, важнымъ для юристовъ. Печатями подтверждается несомнѣнность письменныхъ юридическихъ актовъ, или документовъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ лицъ. Это и у насъ давно уже вошло въ обычай, а потому не только Русскіе историки должны бы обратить на печати нѣкоторое вниманіе, въ пособіе Геракьдикѣ, но и Русскіе правовѣдцы.

Кавалерскіе ордена частію также находятся въ связи съ Геральдикою, хотя познаніе ихъ, какъ источниковъ Исторіи, менѣе важно, нежели познаніе гербовъ. Въ Россіи они весьма поздно были учреждены, да и то только по примѣру Запада. Наши ордена, не находясь въ связи съ рыцарствомъ, намъ чуждымъ, для Исторіи нашей маловажны. Тѣмъ важнѣе знаніе ихъ для службы въ особомъ присутственномъ мѣстѣ называемомъ Капитуломъ орденовъ. Важно также ихъ изученіе для Русскаго правовѣдца, занимающагося новорождающеюся наукою — Правомъ награжденія, для которой у насъ, при множествѣ наградъ, много матеріаловъ.

Гербы, печати и ордена мало, впрочемъ, заключаютъ собственно-письменныхъ свидѣтельствъ. Болѣе, въ этомъ отношеніи, письменными памятниками являются монеты и медали. Кромѣ того, онѣ довольно важны и въ другомъ отношеніи. Часто чеканъ служитъ довольно вѣрнымъ признакомъ степени народной образованности въ данное время, особенно ихъ художественности. Преимущественно важны для историка медали, сохраняя память о важныхъ событіяхъ и лицахъ. Изученіе монетъ и медалей особенно плодотворно для древней Исторіи народовъ классическихъ, а потому давно составилась наука о древнихъ монетахъ и медаляхъ. Впослѣдствіи стали собирать и изучать монеты и медали и другихъ народовъ. Нѣкоторыя событія, цѣлая почти исторія нѣкоторыхъ исчезнувшихъ государствъ (напр. Воспорскаго) преимущественно объяснены Нумизматикою. — Начиная съ прошедшаго столѣтія, нѣкоторые юристы обратили вниманіе на монеты и медали, какъ на источники Исторіи права, разсматривая ихъ и въ томъ отношеніи съ юридической точки зрѣнія, что они излагали законы о монетномъ дѣлѣ, напр. Гейнекцій (31), Гоммель (32) и Клотцъ (33). Для Русскаго правовѣдца болѣе важно знаніе законовъ, до монетнаго дѣла относящихся, нежели знаніе нашихъ монетъ и медалей. Гораздо важнѣе это познаніе для Русскихъ историковъ, которые, въ послѣднее время, много для этого трудятся.

---

(31) Heineccii Comm. de usu et praestantia veterum numismatum in jurisprudentia, cura Goet. Нюрнбергъ, 1744.

(32) Hommelii Jurisprudentia numismatibus illustrata. Лейпцигъ, 1763.

(33) Klotzii Auctarium jurisprudentiae numismaticae Hommelianae. Лейпцигъ, 1765.

Часто на памятникахъ находятъ надписи. Такъ какъ онѣ часто пишутся или сокращенно, или необыкновеннымъ штрифтомъ, или же сохранились поврежденными: то историческій въ нихъ интересъ вызвалъ особую науку, называемую Эпиграфикой, или ученіемъ о чтеніи и восполненіи надписей. Надписи-весьма важный источникъ, особенно для древней Исторіи. Ими много потому звнимались ученые. Нѣкоторые юристы (напр. Эйзенгартъ) (34) разсматривали надписи съ юридической точки зрѣнія, а именно какъ источники для Исторіи права, излагая вмѣстѣ законы, относящіеся до надписей, напр. кому принадлежитъ право дѣлать надписи на памятникахъ, какому наказанію подвергаются портящіе надписи, въ какомъ отношеніи онѣ являются основаніями (tituli) правъ и т. п. Разумѣется, что изученіе надписей особенно важно для историка и юриста у тѣхъ народовъ, у которыхъ весьма была развита жизнь общественная, которые много употребляли надписей даже и въ частной жизни для того, чтобы сдѣлать ее публичною, напр. у Грековъ и Римлянъ. У насъ надписей весьма мало, хотя не такъ уже мало, какъ иные думаютъ. Для Русскаго правовѣдца теперь онѣ не имѣютъ никакого почти значенія.

Изученіе древнихъ шрифтовъ составляетъ предметъ особенной науки, называемой Палеографіею. Она не только важна для изученія надписей, но также и вообще для изученія древнихъ рукописей. Особенно мастерски обработана Палеографія древнихъ классическихъ народовъ. Наша Палеографія только теперь начинается.

Самимъ обильнымъ источникомъ Исторіи являются письменные акты. Наука, которая учитъ читать и разбирать акты, называется Дипломатикою. Ее не надо смѣшивать съ Дипломатіею, наукою юридическою, занимающеюся преимущественно трактатами между государствами. Впрочемъ, между Дипломатикой и Дипломатіею существуетъ тѣсная связь, ибо Дипломатія должна изъяснять международныя отношенія въ особенности на основаніи письменныхъ актовъ. Дипломатику, и въ отличіе отъ Дипломатіи, можно разсматривать съ юридической точки зрѣнія, а именно изучая письменные акты, какъ наиболѣе нынѣ употребительныя основанія правъ. Во всякомъ случаѣ, для правовѣдца

---

(34) Eisenharti Comm. de auctoritate et usu inscriptionum in jure, Гельмштедтъ, 1750.

знаніе Дипломатики необходимо, особенно для открытія источниковъ Исторіи права, для чтенія ихъ, толкованія и критики. Сколь много можно надѣяться юристу открыть новыхъ рукописей, это всего лучше доказывается тѣмъ, что множество библіотекъ, не только частныхъ, но и публичныхъ, или еще совсѣмъ неизвѣстны, или мало извѣстны. Въ наше время, ученые предпринимали, нарочно съ этою цѣлію, путешествія, и много нашлось источниковъ даже тамъ, гдѣ, казалось, все уже извѣстно на перечетъ. Какой же, послѣ этого, богатой добычи, должно ожидать для нашихъ историковъ въ нашемъ отечествѣ! М. П. Погодинъ, собравъ, въ короткое время, такую рѣдкую, многочисленную библіотеку рукописей, не доказалъ ли, что можетъ сдѣлать одинъ частный человѣкъ, если только примется за дѣло съ усердіемъ и умѣньемъ? Русскій правовѣдецъ долженъ принять, съ своей стороны, также дѣятельное участіе въ собраніи древнихъ рукописей, преимущественно для отечественнаго права, но также и для Византійскаго права, котораго обработываніе прямо лежитъ на немъ. Такъ весь ученый Западъ давно уже смотритъ на насъ, что мы откроемъ, наконецъ, вполнѣ Базилики, этотъ основный источникъ Византійскаго права, который, если не лежитъ гдѣ-нибудь въ нашихъ библіотекахъ, пришедши къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ религіею, то непремѣнно долженъ еще сохраниться въ цѣлости въ какомъ-нибудь Греческомъ монастырѣ, на Востокѣ. Но будемъ спѣшить при собираніи вездѣ матеріаловъ для нашей Исторіи, для нашего права, для Исторіи и права вообще! Объѣздимъ всю Россію; осмотримъ всѣ архивы, всѣ библіотеки общественныя и частныя, къ сожалѣнію такъ мало доступныя; будемъ путешествовать для этой цѣли и по Западу и по Востоку; извлечемъ изъ забвенія возможно большее количество драгоцѣнныхъ источниковъ Русской исторіи и Русскаго права, пока они еще не истлѣли, не расхищены, не уничтожены! Послѣдуемъ примѣру Правительства, сдѣлавшаго столь много, въ послѣднее время, для собранія древнихъ нашихъ актовъ! Будемъ такъ же неутомимы въ этомъ дѣлѣ, какъ былъ неутомимъ первый нашъ историкъ, знаменитый Карамзинъ! Соединимъ наши усилія такъ, какъ соединяетъ наше Общество Исторіи и Древностей Русскихъ! Тогда несравненно еще больше появится въ свѣтъ сборниковъ письменныхъ историческихъ источниковъ, нежели какъ уже появилось въ послѣднее время трудами и частныхъ лицъ и обществъ и Правительства. Тогда возможно будетъ приняться намъ за болѣе основательное изученіе нашей общей отечественной Исторіи и Исторіи нашего отечественнаго

права. Тогда мы можемъ приступить прямо къ истолкованію и оцѣнкѣ всѣхъ нашихъ историческихъ источниковъ.

Руководство къ толкованію и оцѣнкѣ историческихъ источниковъ дается науками, извѣстными подъ названіемъ Исторической Герменевтики и Критики. Такъ какъ онѣ, впрочемъ, составляютъ только часть Филологической Герменевтики и Критики вообще, то объ нихъ будемъ говорить въ связи съ послѣдними.

Вотъ всѣ собственно такъ называемыя вспомогательныя историческія науки!

Но есть еще и другія, которыя, впрочемъ, съ одной стороны, являются только частями Исторіи, съ другой - болѣе или менѣе самостоятельными науками. Таковы: Генеалогія, Археологія, Хронологія и Географія.

Генеалогія, или родословіе знатныхъ родовъ и фамилій, важна для историка въ томъ отношеніи, что онъ, съ ея помощію, можетъ объяснять многія историческія событія. Особенно важна она для Русской Исторіи, ибо безъ нея напр. весь удѣльный періодъ, мѣстничество и проч. не могутъ быть понятны. Для правовѣдца она имѣетъ и другое важное значеніе, особенно для опредѣленія порядка наслѣдованія. Наша Генеалогія едва только зарождается, но уже и теперь принесла много обильныхъ плодовъ.

Археологія, въ пространномъ смыслѣ, есть наука древностей вообще, въ тѣсномъ — Исторія искусствъ въ древности. Познаніе ея для историка необходимо, ибо древній бытъ народа есть основаніе всего его послѣдующаго развитія. Собственно она составляетъ потому только часть Исторіи. Русскою Археологіею недавно стали заниматься съ особенною любовью. Извѣстны, конечно, всѣмъ труды по этой части И. М. Снегирева, который, съ обширностью познаній въ нашихъ древностяхъ, соединяетъ, въ такой рѣдкой степени, проницательность, умѣнье сближать самые, по видимому, разнородные факты, составлять изъ мозаиковъ огромную, блестящую картину, словомъ, одаренъ, въ высокой степени, всѣми качествами, необходимыми для ученаго и практическаго археолога. Если бы, подобно ему, занялись открытіемъ, описаніемъ, истолкованіемъ уцѣлѣвшихъ до насъ древностей во всѣхъ углахъ Россіи: тогда не была такъ скудна наша Археологія. Правовѣдцы западные давно уже начали обработывать юридическія древ

ности. Еще до сихъ поръ твореніе Гейнекція (35) для Римскихъ юридическихъ древностей и твореніе Якова Гримма (36) для Германскихъ остаются основными. Онѣ могутъ служить намъ, Русскимъ юристамъ, образцомъ того, какъ воздѣлывать науку Русскихъ юридическихъ древностей.

Хронологія стала недавно самостоятельною наукою. Она теперь имѣетъ двойственный характеръ и потому дѣлится на Астрономическую и Историческую. Впрочемъ, послѣдняя основывается на первой. Познаніе обѣихъ, особенно послѣдней, для историка необходимо, ибо историкъ разсматриваетъ развитіе дѣятельности человѣчества во времени. Нѣкоторые правовѣдцы написали сочиненія о необходимости изученія Хронологіи для юристовъ, напр. Ганъ (37) и Мейстеръ (38). Она для нихъ важна столько же, сколько и для историка, но только въ приложеніи къ событіямъ, прямо входящимъ въ составъ Исторіи права. Въ Русской Исторіи хронологія еще не совсѣмъ установлена, отчего встрѣчается, въ этомъ отношеніи, для науки столько темныхъ мѣстъ.

Справедливо называютъ Хронологію и Географію очами Исторіи. Безъ знанія времени и мѣста историческаго событія, оно превратится въ безобразное отвлеченіе, ибо всякая мысль является бытіемъ именно подъ историческими условіями пространства и времени. Въ этомъ отношеніи не только Хронологія, но и Географія является необходимою вспомогательною для Исторіи наукою, — наукою историческою. Впрочемъ, она имѣетъ еще и другой характеръ, разсматривая землю какъ особое тѣло физическое, или же какъ планету въ цѣломъ устройствѣ вселенной, или, наконецъ, какъ мѣсто жительства людей, народовъ, государствъ. Вотъ почему, обыкновенно, дѣлятъ Географію на Физическую, Математическую и Политическую. Схоластическая форма, которую прежде придава-

---

(35) Heineccii Antiquitatum Romanarum, jurisprudentiam illustrantium, syntagma, cura Haubold. Франкфуртъ на Майнѣ, 1822.

(36) Deutsche Rechtsalterthümer, v. J. Grimm. Гёттингенъ, 1828.

(37) Hahn, De usu chronologiae ac historiarum in jure privato oratio. Гельмштедтъ, 1640.

(38) Meisteri Oratio de studio juris Romani chronologici diligentius excolendi necessitate. Гёттингенъ. 1756.

ли Географіи, долго не дозволяла сдѣлать изъ нея науку самостоятельную. Но уже Гердеръ возбудилъ мысль объ этой самостоятельности и о сродствѣ Философіи, Исторіи и Естествовѣдѣнія съ Географіею. Берлинскій профессоръ Карлъ Риттеръ возвелъ все разнообразіе географическихъ элементовъ къ единству науки. Онъ старался открыть общіе законы, посредствомъ которыхъ можно было бы опредѣлить вліяніе природы на человѣка, народы и государства въ отношеніи всѣхъ сторонъ внутренней и внѣшней ихъ жизни, и провесть мысль о согласіи между землею и развитіемъ человѣческаго рода, между Географіею и Исторіею. Правовѣдцы мало, впрочемъ, извлекли для себя результатовъ изъ Географіи, въ ея современномъ состояніи. Отъ трудовъ новаго нашего Географическаго общества мы вправѣ ожидать разработки Русской Географіи, которая, по многимъ причинамъ, находилась еще, можно сказать, въ дѣтствѣ. Когда и Русская Географія взойдетъ на степень науки, тогда можно и должно будетъ, и Русскимъ историкамъ и Русскимъ правовѣдцамъ, воспользоваться ея результатами для своихъ спеціальныхъ цѣлей.

Вообще, такъ называемыя вспомогательныя историческія науки у насъ мало еще употреблены въ дѣло для Русской Исторіи, еще менѣе для Исторіи Русскаго права. Въ этомъ, впрочемъ, нельзя упрекать однихъ Русскихъ правовѣдцевъ, потому, что и старѣйшіе насъ — правовѣдцы западные — далеко не воспользовались всѣми такими пособіями для Исторіи своего права, ограничиваясь только однимъ Римскимъ правомъ, которое, и съ этой стороны, такъ обработано, что можетъ и намъ служить образцомъ, какъ поступать въ этомъ случаѣ.

Впрочемъ, теперь, когда и для насъ настало время привести въ полное сознаніе свой современный бытъ и его основу — бытъ прошедшій, необходимо намъ обратить вниманіе на всю Исторію нашего отечества, освѣтивъ его всѣми тѣми пособіями, которыя предлагаются такъ называемыми вспомогательными историческими науками.

Такое сознаніе современнаго быта составляетъ предметъ науки, служащей переходомъ отъ историческихъ къ политическимъ наукамъ, а именно Статистики.

Подъ науками политическими разумѣютъ вообще науки, которыхъ предметомъ является государство. Основною для нихъ наукою полагается Философія го-

сударства, которая находится въ особенно-тѣсной связи съ Философіею права. Опредѣлю въ кратцѣ ихъ соотношеніе.

Право становится положительнымъ въ обществѣ людей. Общественный союзъ развивается въ трехъ главныхъ ступеняхъ: какъ союзъ родственный, какъ союзъ гражданскій и какъ союзъ государственный, или политическій.

Родственный союзъ является семейнымъ, племеннымъ и родовымъ, представляя собою основу для народности.

Гражданскій союзъ составляетъ соединеніе членовъ гражданскаго общества, основанное на взаимныхъ интересахъ вещественныхъ и духовныхъ, для достиженія вещественнаго и духовнаго благосостоянія, внѣшней и внутренней безопасности.

Государственный, или политическій союзъ есть полное единеніе людей, основанное на всей полнотѣ свойствъ человѣческой личности, представляющее одинъ организмъ, или одно устройство, и одну, ему соотвѣтственную дѣятельность органовъ — одно управленіе, — единеніе, скрѣпляемое въ государствѣ единствомъ верховной власти.

По отношеніи къ государственному союзу, общественная жизнь людей представляетъ въ Исторіи человѣчества, трожкій бытъ: внѣгосударственный, государственный и общегосударственный.

Во внѣгосударственномъ общественномъ бытѣ люди живутъ или внѣ всякого опредѣленнаго союза, или семьями, или племенемъ, или родами.

Переходъ внѣгосударственной жизни въ государство совершается въ Исторіи незамѣтно и разнообразно. Не смотря на то, онъ совершается по общимъ логическимъ законамъ.

Народы переходятъ изъ родственнаго союза въ гражданскій, перешедши напередъ чрезъ племенный или родовой бытъ.

Этому переходу всегда предшествуютъ три событія: введеніе земледѣльческаго образа жизни, утвержденіе общихъ религіозныхъ вѣрованій и богослуженія, и учрежденіе постоянныхъ брачныхъ союзовъ.

Вмѣстѣ съ введеніемъ земледѣльческаго образа жизни, кочевая жизнь замѣняется осѣдлою. Слѣдствіемъ осѣдлой жизни является владѣніе землею, имуществомъ

недвижимымъ. Это владѣніе есть основаніе всего имущественнаго права, всего того, что собственно составляетъ юридическую сферу. Такимъ образомъ, со введеніемъ земледѣльческаго образа жизни, человѣкъ получаетъ во внѣ твердую точку опоры для своей юридической дѣятельности и въ обществѣ основывается твердый юридическій бытъ.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ общихъ религіозныхъ вѣрованій, человѣкъ пріобрѣтаетъ внутри себя твердую точку опоры для своей нравственной дѣятельности. Такимъ образомъ, въ обществѣ основывается твердый нравственный порядокъ.

Наконецъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ постоянныхъ брачныхъ союзовъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ твердую точку опоры для своей общественной дѣятельности, ибо бракъ есть основаніе всего родственнаго быта, предшествующаго гражданскому.

Юридическая, нравственная и общественная дѣятельность, получивши твердыя точки опоры, развивается далѣе. Раждаются различія въ образѣ жизни людей одного и того же общества, различіе въ ихъ занятіяхъ, въ образованіи, въ достояніи вещественномъ и духовномъ, словомъ, въ ихъ общественномъ положеніи, или состояніи. Люди, близкіе между собою по состоянію, соединяются въ сословія. Взаимныя вещественныя и духовныя потребности и интересы соединяютъ ихъ въ общины. Такъ зарождается союзъ гражданскій.

Чѣмъ болѣе этотъ союзъ утверждается внутри себя и чѣмъ болѣе независимости, самостоятельности пріобрѣтаетъ извнѣ: тѣмъ болѣе единства представляетъ гражданское общество въ своемъ устройствѣ, или организмѣ, и въ своемъ управленіи, или дѣятельности органовъ этого организма.

Когда такой гражданскій порядокъ такъ утвердится и обобщится, что, съ одной стороны, обниметъ все гражданское общество, соединивъ его въ одно нравственное тѣло, а съ другой, выразится въ единой общественной верховной власти: тогда гражданское общество переходитъ въ государство.

Развитіе государства представляетъ также свою постепенность.

На первой ступени стояли или стоятъ тѣ государства, въ которыхъ внутреннее и внѣшнее единство жизни такъ не прочно, такъ мало заключаетъ въ

себѣ необходимыхъ условій для продолжительнаго существованія, что едва государство зараждается, какъ оно уже и умираетъ, то падая отъ самыхъ случайныхъ событій, отъ самыхъ легкихъ внутреннихъ потрясеній или внѣшнихъ натисковъ, то раздробляясь на тѣ части, изъ которыхъ искусственно было составлено, то становясь добычею завоевателей.

На второй ступени государство уже имѣетъ опредѣленный характеръ, но ему не свойственный, не государственный, а чуждый, т. е. характеръ предшествующихъ ступеней общественнаго союза, являясь или только союзомъ родственнымъ, или же гражданскимъ.

На высшей ступени своего образованія государство опредѣляется уже собственнымъ своимъ, слѣд. государственнымъ, или политическимъ характеромъ.

Какой же характеръ приличествуетъ вообще вполнѣ развитому государству? Гдѣ должно искать начала для его опредѣленія? — Въ Философіи права, или человѣческаго общества, ибо высшая его ступень и есть жизнь государственная.

Слѣд. то самое начало, которое является верховнымъ началомъ Философіи права, должно быть вмѣстѣ и началомъ Философіи государства, какъ науки. Это начало состоитъ въ истинной (нравственной) свободѣ, которой бытіе есть правда вообще, или право, нравственность и общественность. Полное развитіе ихъ совершается въ государственной, или политической жизни. Здѣсь осуществляется сущность истинной свободы, правда, право, нравственность, общественность. Въ этомъ смыслѣ, политическій союзъ есть идея истинной свободы, ибо единство осуществленія съ сущностію называется идеею.

Таковъ характеръ государства въ истинномъ, полномъ смыслѣ слова.

Слѣд. чѣмъ болѣе въ данномъ обществѣ осуществляется истинная (нравственная) свобода, правда: тѣмъ выше оно восходитъ на ступень политической своей жизни, тѣмъ справедливѣе носитъ оно названіе государства.

Осуществленіе сущности государственной жизни и есть предметъ наукъ политическихъ вообще, особенно же Политики.

Этимъ опредѣляется не только понятіе о политическихъ наукахъ, но и составъ и отношеніе ихъ къ Правовѣдѣнію, соотвѣтственно требованіямъ современной науки и жизни.

Политическія науки раздѣляются на три главныя отрасли: на философскія, историческія и собственно-политическія науки.

Свое начало политическія науки заимствуютъ изъ Философіи, а именно изъ Философіи человѣческаго общества, или права, котораго начало есть истинная (нравственная) свобода. Эта свобода осуществляется въ политической жизни, сущность же политической жизни и составляетъ предметъ Философіи государства.

Политическій союзъ представляетъ 1) внутренюю жизнь государства, 2) внѣшнюю жизнь государствъ и 3) единство ихъ — общенародный союзъ, переходящій въ союзъ рода человѣческаго, въ человѣчество. Развитіе политической жизни въ человѣчествѣ есть предметъ Философіи политической Исторіи.

Осуществить сущность политической жизни есть собственно задача науки, называемой Политикою.

Въ этомъ смыслѣ, говорятъ объ отличіи политическаго взгляда на государственную жизнь отъ философскаго и отъ историческаго.

Съ политической точки зрѣнія разсматривается государственная жизнь даннаго государства, когда разрѣшается вопросъ: осуществлена ли въ немъ и въ какой степени сущность государства, и какія средства ведутъ къ ея осуществленію? Съ философской точки зрѣнія разсматривается государственная жизнь, когда опредѣляется сущность ея вообще. Наконецъ, она разсматривается съ исторической точки зрѣнія, когда опредѣляется осуществленіе сущности государственной жизни во времени прошедшемъ (исторически въ собственномъ смыслѣ), или въ настоящее время (статистически).

Что касается до юридической точки зрѣнія на государство, то она представляетъ только нѣкоторую особенность философской и исторической вмѣстѣ, условливаемую отличительнымъ характеромъ самаго Правовѣдѣнія. Такъ, разсматривая государство съ философской-юридической стороны, мы показываемъ, ка̀къ сущность права развивается въ государственной жизни, а съ историко-юридической — опредѣляемъ осуществленіе этой сущности во времени.

Итакъ, въ наше время Политика должна заимствовать свои начала изъ Философіи государства и основывать свои правила на историческихъ и статистическихъ данныхъ, а не на томъ такъ называемомъ благоразуміи, которое такъ отвлеченно, такъ произвольно, часто даже такъ безнравственно. Тогда она станетъ вполнѣ наукою философско - историческою.

Предметъ Политики есть государственная жизнь вообще, которая находится съ правомъ въ нераздѣльной связи, восколько она имъ опредѣляется.

Вотъ почему изученіе Политики необходимо вообще для правовѣдца, особенно же для публициста, занимающагося преимущественно Государственнымъ и Общенароднымъ правомъ.

И не смотря на то, на Западѣ правовѣдцы мало обращаютъ вниманія на изученіе Политики, какъ науки, а у насъ изучаютъ только часть ея — Полицію, да и то въ связи со Полицейскимъ правомъ.

Чему же дивиться, если теперь и правовѣдцы, которые должны бы быть компетентными судьями во многихъ политическихъ вопросахъ, такъ же не основательны, какъ и диллетанты? Чему дивиться, если мы, Русскіе правовѣдцы, такъ холодны къ политическимъ современнымъ вопросамъ, и намъ такъ чужды тѣ политическія науки, которыя основаны на Политикѣ, какъ то: Полиція, Политическая Экономія, Наука финансовъ, Статистика и т. д.?

Вредныя послѣдствія того, что, въ наше время, Политика, какъ наука, еще такъ мало обработана, ощутительны. Повсюду встрѣчаемъ поверхностный взглядъ на государственную жизнь. Нигдѣ нѣтъ такого множество софизмовъ и парадоксовъ, серьёзно защищаемыхъ и еще серьёзнѣе принимаемыхъ. Рѣзкости, утопіи, небылицы владычествуютъ въ Политикѣ такъ, какъ никогда онѣ не владычествовали ни въ какой области человѣческаго вѣдѣнія. Коренная причина всего зла состоитъ, можетъ быть, въ томъ, что въ наше время государственная жизнь далеко еще не развита.

Отъ Политики въ собственномъ смыслѣ отдѣлилась и стала обработываться, какъ наука самостоятельная, такъ называемая Полиція.

Нѣтъ ни одного автора, писавшаго о Полиціи, который бы не соединялъ съ ней своего особеннаго понятія, и потому не давалъ бы ей собственнаго своего

опредѣленія. Это странное явленіе, всѣмъ извѣстное, никѣмъ еще не было вполнѣ объяснено, хотя объяснить его весьма не трудно. Полиція отдѣлилась отъ Политики вслѣдствіе раздробленія государственнаго управленія на разныя отрасли, изъ которыхъ одна, въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ различно опредѣляемая, названа была полицейскимъ управленіемъ. Слѣд. это управленіе опредѣлилось совершенно случайно, чисто — положительно, а потому и составъ Полиціи никакъ не можетъ быть подведенъ подъ одну и ту же мысль. Не замѣчая такого особеннаго свойства Полиціи, политики и правовѣдцы обыкновенно хотятъ построить ее, какъ науку, на основаніи одного и того же начала, а потому впадаютъ или въ непослѣдовательность, или же въ односторонность, не будучи, разумѣется, въ состояніи, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, провести одну мысль чрезъ такую науку, которая есть только собраніе разнородныхъ свѣдѣній.

Къ историко-политическимъ наукамъ принадлежитъ, кромѣ Политической Географіи и Политической Исторіи (о которыхъ я уже говорилъ), и Статистика.

Въ обширномъ смыслѣ понимаемая, она есть наука о современномъ состояніи всего человѣчества. Ограничивая ея предметъ только настоящими органами современной исторической дѣятельности человѣчества, Статистика есть наука о современномъ состояніи государствъ вообще.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ, она находится въ связи къ Исторіею. Исторія изображаетъ постепенный ходъ развитія человѣчества, а Статистика представляетъ ту ступень развитія, на которой находится человѣчество въ настоящее время. Нынѣ статистики говорятъ, что задача ихъ науки — предложить государству возможно — совершенное познаніе самого себя.

Изъ этого понятія о Статистикѣ необходимо слѣдуетъ, что она начинается въ то время и для тѣхъ государствъ, когда возможно уже такое самопознаніе, а слѣд. когда государство взойдетъ на высшую ступень политической жизни.

Вотъ почему до сихъ поръ Статистика собственно ограничивалась только западными государствами Европы. Вотъ почему Русская Статистика только что зараждается, съ тѣмъ вмѣстѣ какъ начинается для насъ высшій періодъ политической жизни, періодъ самопознанія. Въ самомъ дѣлѣ, только съ недавняго вре-

мени и у насъ приняты дѣйствительныя мѣры для собранія и разработанія статистическихъ матеріаловъ. Такъ, лѣтъ за десять тому назадъ, учреждено особое Статистическое Отдѣленіе при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и заведены Статистическіе Комитеты во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Необходимость познанія Статистики для правовѣдца очевидна изъ самаго понятія этой науки. И не смотря на то, правовѣдцы наши считаютъ, къ сожалѣнію, занятіе Статистикою не только трудомъ тягостнымъ, скучнымъ, но и совершенно для себя постороннимъ. Этимъ объясняются одностороннія понятія правовѣдцевъ о современномъ состояніи права въ жизни, ибо жизнь права въ государствѣ нераздѣльна съ прочими сторонами жизни. Конечно, до тѣхъ поръ, пока знаніе нашей современности не было для насъ существеннымъ требованіемъ, такое невниманіе наше къ отечественной Статистикѣ было извинительно; но теперь, когда въ немъ именно и состоитъ главное требованіе современности, познаніе Статистики, для насъ, Русскихъ, неизбѣжно — необходимо.

Наконецъ (не говоря здѣсь о спеціальныхъ политико-юридическихъ наукахъ), къ наукамъ политическимъ принадлежатъ Политическая Экономія и Наука финансовъ, или науки Народнаго и Государственнаго хозяйства. Такъ какъ эти политическія науки стоятъ во главѣ наукъ камеральныхъ, то онѣ именно составляютъ переходъ отъ политическихъ къ камеральнымъ наукамъ.

Названіе камеральныхъ наукъ давно извѣстно въ Германіи и придано имъ потому, что къ нимъ относились свѣдѣнія, нужныя для службы въ камерахъ. Камерами же назывались, или еще и теперь называются тамъ, гдѣ онѣ удержаны, присутственныя мѣста, завѣдывавшія или завѣдующія хозяйственнымъ управленіемъ государственныхъ или же, большею частію, частныхъ имуществъ владѣтельныхъ князей (камеральныхъ имуществъ), состоявшихъ или состоящихъ въ земляхъ (въ доменахъ и апанажахъ) и въ разныхъ доходахъ, имъ исключительно предоставленныхъ (въ регаліяхъ).

Впослѣдствіи предметъ камеральныхъ наукъ былъ распространенъ. Подъ этимъ именемъ стали разумѣть вообще всѣ науки, имѣющія своимъ предметомъ хозяйственную, или экономическую дѣятельность, слѣд. всѣ хозяйственныя, или экономическія науки.

Такъ какъ хозяйственное государственное управленіе относится къ администраціи, то камеральныя науки называются иногда также административными.

Вообще, и теперь даже въ Германіи, не всѣ согласились, что̀ именно разумѣть подъ камеральными науками и какія относить къ нимъ свѣдѣнія. Причина та, что происхожденіе камеральныхъ наукъ было, какъ мы видѣли, случайное, и къ нимъ отнесено все то̀, что̀ составляло вѣдомство камеръ, а это вѣдомство не было опредѣлено съ точностію.

Въ такомъ неопредѣленномъ значеніи и составѣ перенесены были камеральныя науки и къ намъ въ Россію, сперва по частямъ, а потомъ и у насъ, впрочемъ, весьма недавно (за исключеніемъ Дерптскаго университета, преимущественно устроеннаго по образцу Нѣмецкихъ), начали учреждать особыя отдѣленія и факультеты камеральныхъ наукъ при университетахъ (до сихъ поръ въ Петербургѣ и въ Казани) и отдѣльно (въ Демидовскомъ лицеѣ).

Но у насъ, гдѣ не было камеръ, нѣтъ и особеннаго историческаго основанія удерживать понятіе и составъ камеральныхъ наукъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онѣ до сихъ поръ существуютъ въ Германіи. Намъ, потому, нѣтъ нужды разногласить между собою въ пониманіи предмета камеральныхъ наукъ вообще и ихъ состава.

Хотя это еще не вполнѣ у насъ сознано, однако же, при введеніи камеральныхъ наукъ въ Россію, мы имѣли довольно такта, чтобы руководствоваться тѣмъ обширнымъ и для насъ вполнѣ вѣрнымъ взглядомъ на науки камеральныя, по которому онѣ у насъ не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только науками хозяйственными.

Этимъ значеніемъ и опредѣляется настоящій составъ ихъ.

Не говоря о наукахъ вспомогательныхъ, собственно къ камеральнымъ наукамъ должно отнести:

1) Тѣ науки, которыя мы прежде уже назвали политико-камеральными, а именно науку Народнаго и науку Государственнаго хозяйства;

2) Тѣ науки, которыя суть вмѣстѣ и юридическія, а именно Государственное право, съ частію (хозяйственнаго) Полицейскаго права и съ Финансовымъ правомъ;

3) Статистику, о которой я уже говорилъ прежде;

4) Науку о торговлѣ;

5) Технологію;

6) Науку о горномъ дѣлѣ;

7) Сельское хозяйство;

8) Лѣсоводство;

9) Землемѣріе и

10) Гражданскую Архитектуру.

Не говоря о камерально — юридическихъ наукахъ, которыя относятся къ спеціальному образованію правовѣдца, мы обо всѣхъ прочихъ камеральныхъ наукахъ можемъ сказать, что ихъ познаніе необходимо для юриста, особенно въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ у насъ это слово принимается.

До сихъ поръ Русскіе юристы болѣе посвящають себя занятіямъ по части администраціи, а одною изъ главныхъ отраслей администраціи является хозяйственное управленіе. Преимущественно въ наше время, оно получило такую важность для государственной жизни, что въ вопросахъ, касающихся хозяйственнаго управленія, скрываются всѣ почти современные политическіе вопросы.

Извѣстно, что Французскую революцію открыло, можно сказать, само правительство, по поводу хозяйственныхъ вопросовъ; что въ Англіи всегда развивалась государственная жизнь въ нераздѣльной связи съ развитіемъ хозяйственной дѣятельности; что все участіе въ государственномъ правленіи законодательныхъ собраній на самомъ дѣлѣ держится правомъ субсидій, предоставленнымъ имъ основными законами; что всѣ новыя теоріи о преобразованіи настоящаго гражданскаго быта преимущественно основываются на новыхъ же теоріяхъ о хозяйственномъ управленіи; что, наконецъ, нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ промышленный.

Итакъ, современность требуетъ отъ всякого образованнаго человѣка, не равнодушнаго къ дальнѣйшему развитію общественной жизни, особенно же отъ юриста, поставленнаго въ ея среду самимъ своимъ званіемъ, обратить особенное вниманіе на изученіе наукъ камеральныхъ.

Пользу отъ распространенія камеральнаго образованія въ Россіи Харьковскій профессоръ, г-нъ Платоновъ выразилъ (39) въ слѣдующихъ словахъ:

„Польза, которой надлежитъ ожидать отъ распространенія камеральныхъ свѣдѣній, столь велика и обширна, что не можетъ быть вполнѣ нами опредѣлена и измѣрена. Если благосостояніе народа составляетъ существенную цѣль образованія гражданскихъ обществъ, и если эта важная цѣль можетъ быть не иначе достигнута, какъ посредствомъ просвѣщеннаго и разумнаго дѣйствія на міръ имуществъ, на коемъ зиждется благоденствіе общественное и частное: то распространеніемъ камеральнаго образованія, имѣющаго дѣло со всевозможными видами вещественнаго блага человѣческаго, необходимо должно возвыситься и могущество государства, и благосостояніе народа. Тогда всѣ части государственнаго управленія, раздѣленнаго между столькими министерствами, найдутъ на всѣхъ ступеняхъ достойныхъ и просвѣщенныхъ дѣлателей; пойдутъ удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ ходомъ; примутъ обширнѣйшее и свойственнѣйшее себѣ развитіе, и принесутъ плоды обильнѣйшіе и вожделеннѣйшіе. Тогда всѣ отрасли промышленности сдѣлаются въ количествѣ способовъ разнороднѣе, въ производствахъ скорѣе и совершеннѣе, въ сбытѣ продуктовъ счастливѣе, въ прибыли обильнѣе. Тогда сельское хозяйство, на которое теперь обращено всеобщее вниманіе, получитъ направленіе болѣе раціональное, въ выборѣ отраслей сдѣлается благоразумнѣе, въ сужденіи о заведенныхъ изстари порядкахъ свободнѣе, въ приложеніи разныхъ системъ разсудительнѣе, въ соразмѣреніи производительности съ количествомъ потребленія безошибочнѣе, для обезпеченія внутренняго продовольствія благонадежнѣе и въ предугадываніи запроса на иностранныхъ рынкахъ дальновиднѣе. Тогда мануфактурная промышленность наша научится лучше пользоваться отечественными богатствами природы, освободится отъ узъ подражительности, теперь ее тяготѣющей, сдѣлается самостоятельнѣе, независимѣе, самоизобрѣтательнѣе, изыщетъ болѣе удобныя и сходныя средства для своихъ производствъ и откроетъ наиболѣе требовательные рынки для сбыта своихъ издѣлій. Тогда и торговля приметъ болѣе живое и обширное движеніе, ознаменуетъ себя предпріятіями смѣлыми и поставками счастливыми; тогда духъ компаній, совершившій такіе великіе подвиги въ Англіи, глубже проникнетъ и въ торговлю Рус-

(39) См. „Рѣчь о камеральномъ образованіи.“ Харьковъ, 1846, стр. 141—143.

скую, и соединеніемъ силъ и капиталовъ будетъ производить обороты быстрые и исполинскіе.“

Хозяйствомъ вообще называется дѣятельность, имѣющая цѣлію удовлетвореніе человѣческихъ нуждъ и потребностей, и потому состоящая въ пріобрѣтеніи предметовъ, удовлетворяющихъ этимъ нуждамъ и потребностямъ.

Сколько въ народѣ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, удовлетворяющихъ своимъ нуждамъ и потребностямъ, столько и отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ. Но законы ихъ такъ просты, что нѣтъ нужды приводить ихъ въ систему. Впрочемъ, эти частныя хозайства вливаются въ общественную хозяйственную дѣятельность, въ одно народное хозяйство, ибо частныя хозяйства ведутъ къ удовлетворенію общихъ нуждъ и потребностей народа. Народное хозяйство представляетъ собою единую систему хозяйственной дѣятельности, одно цѣлое, одаренное своею органическою жизнію, имѣющее свои законы. Такъ народное хозяйство становится предметомъ науки, называемой, обыкновенно, Политическою Экономіею, или, правильнѣе, наукою Народнаго хозяйства.

Съ нею не должно смѣшивать, какъ иногда еще дѣлается, науку Государственнаго хозяйства, или, какъ ее обыкновенно называютъ, Науку финансовъ, ибо эта наука имѣетъ особенный предметъ — хозяйственную дѣятельность правительства, которая производится по отношенію къ государственному управленію и совершается по особеннымъ своимъ законамъ.

Такъ какъ мѣры, посредствомъ которыхъ можно содѣйствовать успѣхамъ народнаго и государственнаго хозяйства, излагаются въ этихъ камерально-политическихъ наукахъ, а самые положительные законы, установляемые сообразно такимъ мѣрамъ, въ юридической наукѣ, извѣстной подъ общимъ названіемъ Камеральнаго права: то отсюда уже очевидна прямая связь наукъ хозяйственныхъ съ Правовѣдѣніемъ.

Давно уже юристы обращали вниманіе на эту связь, а потому требовали познанія камеральныхъ наукъ какъ вообще для юридическаго образованія, такъ и въ частности для изученія отдѣльныхъ юридическихъ наукъ, состоящихъ въ непосредственной связи съ отдѣльными камеральными науками (напр. науки о торговлѣ для Торговаго права и т. п.). Но не прежде, какъ въ наше время, нача-

ли, въ самомъ дѣлѣ, излагать отдѣльныя юридическія науки въ связи съ хозяйственными.

Такъ теперь введено у насъ въ обычай преподавать Хозяйственную Полицію въ связи съ Полицейскимъ правомъ, а Науку финансовъ въ связи съ Финансовымъ правомъ. — Такъ Куттлингеръ первый (40) поставилъ въ параллель ученія юридическія съ хозяйственными, а потомъ (41) старался даже соединить эти ученія въ одно цѣлое.

Въ предисловіи къ первому сочиненію, онъ говоритъ: „Я замѣтилъ, что большая часть молодыхъ юристовъ чувствуютъ совершенное отвращеніе отъ т. н. камеральныхъ и административныхъ наукъ; потому что они не видятъ связи, существующей между ними и юридическими науками въ собственномъ смыслѣ. Это привело меня къ мысли попытаться, въ предлагаемомъ сочиненіи, связать эти, по видимому, разнородныя науки, и тѣмъ возбудить въ юристахъ любовь къ хозяйственнымъ свѣдѣніямъ, такъ юристами принебрегаемымъ.“

„Теперь нельзя уже болѣе отрицать, что хозяйственная и въ особенности промышленная дѣятельность достигли такого совершенства, что пріобрѣтеніе камеральныхъ свѣдѣній обратилось вообще въ необходимость. Оттого такія познанія требуются отъ юристовъ въ большей части государствъ, особенно тамъ, гдѣ юстиція не отдѣлена еще отъ администраціи. Простой здравый смыслъ и простая опытность, пріобрѣтаемая въ служебной жизни, теперь уже не достаточны для того, чтобы правильно судить о дѣлахъ, часто встрѣчающихся и часто весьма запутанныхъ, которыя находятся въ связи съ хозяйственною дѣятельностію..... Для этого теперь необходимо систематическое изученіе наукъ хозяйственныхъ. Такое изученіе много облегчится и понравится молодому юристу, если ему, въ самомъ началѣ, предложены будутъ хозяйственныя ученія въ связи съ его главнымъ предметомъ, съ Правовѣдѣніемъ.“ . . . .

Впрочемъ, такое соединеніе камеральныхъ и юридическихъ наукъ полезно не только въ формальномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи. Много есть та-

---

(40) Grundzüge einer allgemeinen Rechts — und Wirthschaftslehre, von Kuttlinger. Эрлангенъ, 1836.

(41) Untersuchungen über die wirthschafliche Grundlage des Rechts. Ансбахъ, 1844.

кихъ юридическихъ ученій, которыя могутъ быть объяснены только хозяйственными, и на оборотъ.... Камеральное образованіе внесетъ жизнь въ юридическое, о которомъ такъ часто кричатъ, что оно слишкомъ сухо; дастъ возможность приложить юридическія знанія къ предметамъ, взятымъ изъ дѣйствительной хозяйственной жизни, и такимъ образомъ, откроетъ, какъ для учащаго, такъ и для учащагося, обильный источникъ примѣровъ, лежащихъ на хозяйственной основѣ. Тогда весьма легко будетъ понять какъ спорныя, такъ и безспорныя юридическія отношенія между людьми, занимающимися различною промышленностію — горнымъ дѣломъ, земледѣліемъ, лѣсоводствомъ, ремесленною и мануфактурною промышленностію, и торговлею. Почти тò же можно сказать и о Народномъ и Государственномъ хозяйствѣ, ибо только чрезъ ихъ посредство научились мы вполнѣ оцѣнять народную и государственную жизнь."

Въ предисловіи ко второму сочиненію, автор, защищаясь противъ нѣкоторыхъ упрековъ, говоритъ: „Я постараюсь показать, что я не думалъ, безъ всякой пользы, смѣшивать различныя науки, но старался соединить двѣ сродныя. Уже всѣми признано, что такъ же желательно требовать отъ юристовъ ближайшаго знакомства съ камеральными науками, какъ отъ камералистовъ съ юридическими..... Противъ моихъ воззрѣній будутъ упрямо стоять или только однѣ предразсудки нѣкоторыхъ практиковъ, занимающихся юстиціею въ строгомъ смыслѣ слова, а съ ними согласятся и односторонніе теоретическіе юристы, или же, съ другой стороны, тѣ старые практики, занимающіеся администраціею, которые или ничему не учились, или учились одному только Правовѣдѣнію...."

Конечно, выполненіе этой современной мысли, о тѣсной связи между юридическими и хозяйственными науками, еще далеко; но эта мысль и сама въ себѣ справедлива, и важна для современной науки и жизни права. Ея осуществленіе приведетъ правовѣдца къ тому полному сознанію своего предмета, въ которомъ и состоитъ задача всякой науки, обратившаяся и для насъ, Русскихъ правовѣдцевъ, въ существенное современное требованіе.

Въ ближайшей связи съ хозяйственными науками находятся т. н. естественныя науки, ибо послѣднія суть такія необходимыя вспомогательныя науки для первыхъ, что обыкновенно познаніе естественныхъ наукъ требуется непремѣнно отъ камералистовъ.

Впрочемъ, естественныя науки представляютъ и сами по себѣ отдѣльную отрасль наукъ, которыхъ совокупность называютъ Естествовѣдѣніемъ.

Естествовѣдѣніе, въ обширномъ смыслѣ слова, имѣетъ своимъ предметомъ внѣшнюю природу. Слѣд. во главѣ всего Естествовѣдѣнія стоитъ та философская наука, которая называется Философіею природы.

Давно уже раздѣлилось Естествовѣдѣніе на три отдѣльныя области: на науки естественныя, или Естествовѣдѣніе въ тѣсномъ смыслѣ, на науки медицинскія, или Медицину, и на науки математическія, или Математику.

Теперь составъ области наукъ естественныхъ ограничивается собственно Физикою, Химіею и такъ называемою Естественною Исторіею со всѣми тѣми ея частями, которыя пріобрѣли также научную самостоятельность.

Одно изъ важныхъ современныхъ требованій общаго образованія состоитъ вообще въ пріобрѣтеніи свѣдѣній, относящихся къ наукамъ естественнымъ въ обширномъ смыслѣ. Не могу лучше и короче выразить основанія такой потребности, какъ приведя то̀, что̀ недавно у насъ сказалъ объ этомъ г-нъ П—ръ (42). „Намъ кажется почти невозможнымъ безъ Естествовѣдѣнія воспитать дѣйствительное, мощное умственное развитіе. Никакая отрасль знаній не пріучаетъ такъ ума къ твердому положительному шагу, къ смиренію предъ истиной, къ добросовѣстному труду, и, что̀ еще важнѣе, къ добросовѣстному принятію послѣдствій такими, какими они выйдутъ, какъ изученіе природы. Имъ бы мы начинали воспитаніе для того, чтобы очистить отроческій умъ отъ предразсудковъ, дать ему возмужать на этой здоровой пищѣ и потомъ уже раскрыть для него, окрѣпнувшаго и вооруженнаго, міръ человѣческій, міръ исторіи, изъ котораго двери отворяются прямо въ дѣйствительность, въ собственное участіе въ современныхъ вопросахъ.“

Кромѣ такого общаго образованія, познаніе естественныхъ наукъ необходимо для правовѣдца при изученіи Камеральнаго права, потому что оно предполагаетъ познаніе камеральныхъ наукъ, а камеральныя науки — познаніе естественныхъ наукъ. Даже для юриста, въ строгомъ смыслѣ слова, полезно Естествовѣдѣ-

---

(42) См. „Московскія Вѣдомости, 1845 г., № 147.

ніе, ибо какъ часто встрѣчается ему обсуживать юридическія отношенія, постановлять судебныя рѣшенія и приговоры по такимъ дѣламъ, гдѣ необходимо знакомство по крайней мѣрѣ съ главными результатами наукъ естественныхъ.

До сихъ поръ старались приложить къ Правовѣдѣнію, изъ естественныхъ наукъ, одну только Химію. Впрочемъ, это приложеніе собственно вмѣщаетъ въ себѣ приложеніе всѣхъ естественныхъ наукъ, вслѣдствіе нераздѣльной связи, въ которой съ ними состоитъ Химія. Приложеніе Химіи къ Правовѣдѣнію было особенно возбуждено новыми уголовными процессами, за которыми съ такою жадностію слѣдила вся образованная публика обоихъ міровъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны всѣ сочиненія знаменитаго Парижскаго профессора Орфилы. Добытые имъ и его сподвижниками результаты изложилъ, въ пособіе юристамъ, Грейфсвальдскій профессоръ Гюнефельдъ (43). Это сочиненіе есть новѣйшее руководство для правильныхъ судебно-химическихъ изслѣдованій, которыя составляютъ только видъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій, такъ что Судебная Химія (Chemia forensis) обыкновенно составляетъ только часть Судебной Медицины (Medicinae forensis).

Впрочемъ, судебно-химическія изслѣдованія представляютъ много такихъ особенныхъ трудностей, что, по мнѣнію Орфилы, онѣ могутъ быть поручаемы тѣмъ немногимъ искуснымъ и опытнымъ химикамъ, которые преимущественно занимаются Химіею, а не медикамъ вообще, какъ это, обыкновенно, дѣлается. Вотъ почему многіе извѣстные Парижскіе химики (Orfila, Dariste, Pelletier, Caventou, Pelletan и пр.) предлагали недавно Французскому министру внутреннихъ дѣлъ учредить особенный факультетъ, гдѣ бы Судебная Химія преподавалась вмѣстѣ съ Судебной Медициной, и гдѣ бы спеціальному изученію только этихъ предметовъ могли посвящать себя молодые люди. Знаменитый ветеранъ медицины, С. Г. Фогель говоритъ (44): „Штатсфизикъ долженъ быть въ состояніи изслѣдовать всякій предметъ, подозрительный для здоровья. Во всѣхъ университетахъ должны быть читаемы особенныя лекціи по части Судебной Химіи, и, сколько возможно, больше практически“.... При-

---

(43) Die Chemie der Rechtspflege, oder Lehrbuch der polizeilich — gerichtlichen Chemie, v. Hünefeld. Берлинъ, 1832.

(44) Summarische Zusammenstellung der sämtlichen Gesichtspuncte, worauf die Physiker in ihrem Wirkungskreise ihr Augenmerk zu richten haben, v. Vogel. Ростокъ, 1832.

бавлю, что для правовѣдца такія лекціи не менѣе полезны, какъ и лекціи Судебной Медицины; но надо, чтобы для юристовъ читались особенные курсы Судебной Химіи, къ нимъ именно приспособленные, какъ читаются уже, почти вездѣ на Западѣ, лекціи по Судебной Медицинѣ особенно для юристовъ и особенно для медиковъ. Тогда и Судебная Химія станетъ такъ же спеціальною юридическою наукою, какъ уже стала Судебная Медицина. Въ этомъ преимущественно заключается требованіе современности отъ правовѣдца.

У насъ юристы не слушаютъ ни той ни другой науки: Судебной Медицины потому, что она у насъ читается только для медиковъ, а Судебной Химіи потому, что она вовсе не читается. Кромѣ того, у насъ изъ естественныхъ наукъ удержалась въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ реальныхъ гимназій) одна только Физика, а прочіе исчезли вмѣстѣ со введеніемъ новыхъ уставовъ, между тѣмъ какъ прежде онѣ читались, разумѣется кратко, болѣе описательно, даже въ низшихъ училищахъ, въ народныхъ школахъ. Если это произошло отъ недостатка въ преподавателяхъ, то скоро можно надѣяться возстановленія естественныхъ наукъ во всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ физико-математическій факультетъ раздѣленъ вездѣ въ нашихъ университетахъ на два особенныя отдѣленія: естественное и математическое. Теперь въ естественномъ отдѣленіи можетъ уже приготовится достаточное число преподавателей естественныхъ наукъ.

Отъ естественныхъ наукъ отдѣлились, подъ именемъ медицинскихъ, тѣ науки, которыхъ предметъ есть животненный, преимущественно человѣческій тѣлесный организмъ, и притомъ разсматриваемый особенно въ отношеніи къ его здоровому и болѣзненному состоянію.

Медицина представляетъ такое раздробленіе на множество болѣе или менѣе самостоятельныхъ наукъ, какъ ни одна область человѣческаго вѣдѣнія. Причина заключается въ видимой ихъ потребности, которая потому рано чувствуется даже въ мало-образованномъ обществѣ. Другимъ слѣдствіемъ этой же причины было весьма раннее образованіе особеннаго сословія медиковъ, вездѣ предшествующее появленію сословія юристовъ, ибо сколько-нибудь образованный человѣкъ не ввѣритъ своего здоровья не-медику, между тѣмъ, какъ часто ввѣряетъ не только свое имущество, но и жизнь, и, что выше всего, честь не-юристу.

Для общаго образованія преимущественно важно изученіе слѣдующихъ медицинскихъ наукъ: Физіологіи и Анатоміи человѣка, и Гигіены; а для правовѣдца — Судебной Медицины и Медицинской Полиціи. Послѣдняя входитъ, обыкновенно, въ составъ Полиціи вообще, а Судебная Медицина преподается въ особенномъ ея приложеніи для юристовъ. Тогда эти науки, имѣющія вообще двойственный характеръ, и потому излагаемыя въ особенныхъ курсахъ для медиковъ и для юристовъ, являются уже предметами не общаго, а спеціальнаго юридическаго образованія. Поэтому не мѣсто говорить объ нихъ здѣсь, гдѣ разсматривается не спеціальное, а только общее образованіе юристовъ.

Замѣчу только, что у насъ ни Медицинская Полиція, ни Судебная Медицина, къ сожалѣнію, не преподаются для юристовъ отдѣльно, т. е. въ особыхъ курсахъ, какъ того требуетъ современность, и что потому, и въ этомъ отношеніи, въ жизни нашего права ощутительны тѣ недостатки, которые должны быть пополнены съ тѣхъ поръ, какъ зародилось сословіе Русскихъ юристовъ.

Въ ближайшей связи съ естественными науками находятся, кромѣ медицинскихъ, еще и математическія. Эта связь основывается не только на томъ, что математическія свѣдѣнія прилагаются преимущественно къ естественнымъ, но и на томъ, что Математика имѣетъ вообще вещественный, чувственный элементъ, и что она чувственнымъ образомъ конструируетъ свой предметъ (величину вообще), а не развиваетъ его философски. Въ приложимости Математики къ естественнымъ и другимъ наукамъ заключается матеріальная ея польза для общаго образованія.

Впрочемъ, Математика разсматриваетъ свой предметъ и какъ чистое отвлеченіе, освободивъ мышленіе отъ всего конкретнаго. Тогда она, не будучи сама наукою философскою, можетъ однако же приготовить умъ къ философскому мышленію, въ чемъ преимущественно и заключается формальная польза Мамематики для общаго образованія (45).

---

(45) См. Die Philosophie der Mathematik, v. Frantz. Лейпцигъ, 1842.

Такимъ двойственнымъ характеромъ Математики объясняется общепринятое дѣленіе ея на чистую и прикладную.

Хотя польза Математики и у насъ почти всѣми чувствуется; хотя и у насъ знаніе Математики, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, требуется отъ всякого, вступающаго въ университетъ; но къ сожалѣнію, мы, Русскіе юристы, учимся большею частію Математикѣ non vitae, sed scholae, ибо и тѣ немногія математическія свѣдѣнія, которыя мы пріобрѣтаемъ до университета, скоро почти совершенно нами забываются. По причинѣ почти такого же недостатка математическихъ свѣдѣній и у западныхъ юристовъ (по крайней мѣрѣ Германскихъ), издано, для ихъ спеціальнаго употребленія, множество сочиненій, большею частію подъ именемъ Судебной Математики (Mathesis forensis), гдѣ или изъясняются законы (преимущественно Римскіе), предполагающіе нѣкоторое знаніе Математики, или же предлагается руководство къ рѣшенію разнаго рода математическихъ задачъ, наиболѣе для юриста необходимыхъ (напр. для счисленія процентовъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, для приложенія теоріи вѣроятностей къ разнымъ вопросамъ такъ называемой Политической Ариѳметики и проч.) или, наконецъ, излагаются самонужнѣйшія свѣдѣнія, заимствованныя изъ прикладныхъ математическихъ наукъ, для приложенія ихъ къ юридическимъ случаямъ (46). —

Но подобное безсвязное изложеніе произвольно — выбранныхъ математическихъ свѣдѣній не достойно того истинно — научнаго направленія, которое требуется современностію вообще для всѣхъ наукъ, и которое для нѣкоторыхъ, между прочимъ и для математическихъ, условливается самимъ ихъ предметомъ и ему сообразною методою.

Пора и намъ, Русскимъ юристамъ, изучать Математику, какъ стройное цѣлое, какъ науку самостоятельную. Тогда только мы почувствуемъ въ себѣ тò ея

---

(46) Напр. Programm über den zweckmässigen Vortrag und den Nutzen der juristischen Mathematik, v. Droysen. Грейфсвальдъ, года не означено. — Vermischte juristich — mathematische Abhandlungen, v. Tönne. Альтона, 1769. — Pollack, Mathesis forensis. Лейпцигъ, 1770. — Geometria forensis, v. Reinhold. Мюнстеръ, 1781. — Arithmetica forensis, v. Reinhold. Мюнстеръ, 1785. — Juristisch-mathematisches Magazin, v. Schneidt. Вюрцбургъ, 1798. — Das gerichtliche Rechnungswesen, v. Dittmar. Дармштадтъ, 1838. — Anleitung zu finanziellen, politischen und juridischen Rechnungen, v. Oettinger. Брауншвейгъ, 1845.

благотворное вліяніе на наше образованіе, которое давно уже приписываютъ Математикѣ, и которое давно уже сравниваютъ съ вліяніемъ другой важной области человѣческаго вѣдѣнія, а именно Филологіи.

Долго не имѣли яснаго сознанія объ идеѣ Филологіи. Обыкновенно только исчисляютъ всѣ отдѣльныя ея части, или же берутъ изъ нихъ нѣкоторыя и принимаютъ ихъ за цѣлое. Причина заключается частію въ недостаткѣ логическаго мышленія объ этомъ предметѣ, частію же въ разнообразіи самаго предмета, которое весьма трудно подвести подъ общее понятіе. Главная ошибка состоитъ въ томъ, что понятіе Филологіи хотятъ опредѣлить самымъ предметомъ, что̀, конечно, возможно для нѣкоторыхъ наукъ, напр. для Грамматики; но другія науки могутъ быть опредѣлены только самымъ образомъ пониманія, напр. Философія, Исторія въ обширномъ смыслѣ и Филологія (47).

При установленіи понятія всякой науки необходимо обращать вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1) Въ понятіи науки должно заключаться нѣчто такое, что̀ принадлежитъ этой только наукѣ и чѣмъ слѣдовательно она отличается отъ другихъ наукъ;

2) Въ этомъ понятіи должно заключаться и то̀, что̀ на самомъ дѣлѣ относятъ къ данной наукѣ; и

3) Въ понятіи науки должны заключаться такія опредѣленія, которыя суть необходимыя, внутреннія опредѣленія самой науки, а потому всякое произвольное ограниченіе науки должно быть уничтожено. Иначе наука не будетъ имѣть души, и внутренняя сущность науки не будетъ сознана.

Всѣ различныя воззрѣнія на Филологію могутъ быть подведены подъ 6 разрядовъ:

Одни говорятъ, что Филологія есть изученіе древности; но такое пониманіе совершенно не соотвѣтствуетъ названію Филологіи. Греки, выдумавшіе это

---

(47) При установленіи понятія и состава Филологіи я преимущественно руководствовался выслушаннымъ мною курсомъ Филологической Энциклопедіи у знаменитаго Берлинскаго профессора Бёка.

названіе, для изученія древности имѣли другое слово, именно „Археологія“; а потому воззрѣніе па Филологію, какъ на изученіе древности, совершенно-случайно. Далѣе, занятія, признаваемыя на дѣлѣ за филологическія, не могутъ также привести къ такому воззрѣнію па Филологію. Занимающійся новыми языками занимается также филологически. Критика и Герменевтика составляютъ безспорно филологическую дѣятельность, а онѣ могутъ имѣть мѣсто и не по отношенію къ одной только древности. Каждое научное явленіе каждаго народа и каждаго времени можетъ быть подвержено филологической дѣятельности. Вообще слова: „древнее и новое“ могутъ быть только развѣ подраздѣленіемъ понятія (напр. древняя и новая Исторія), а не его опредѣленіями. Наконецъ, называя Филологію изученіемъ древности, нельзя составить себѣ идеи Филологіи, ибо изученіе древности есть сборъ свѣдѣній изо всѣхъ возможныхъ наукъ, отнесенныхъ къ опредѣленному пункту времени. Если Филологію назвать изученіемъ только классической древности, т. е. Греческой и Римской, то это ограниченіе совершенно произвольно, а потому должно быть отброшено.

Другіе говорятъ, что Филологія есть изученіе древнихъ классическихъ языковъ; послѣ сказаннаго, нѣчего и говорить о томъ, что такое ограниченіе совершенно произвольно. Иные принимаютъ Филологію за Языкоученіе (Лингвистику) вообще, что̀, говорятъ, оправдывается и самымъ словомъ „Филологія,“ т. е. любовь къ языкамъ; но скорѣе Филологія значитъ любовь къ бесѣдѣ, къ сообщительности. Со времени Эратосѳена, Филологія не значитъ изученіе языковъ, ибо онъ противополагаетъ себя, какъ филолога, грамматикамъ. Далѣе, и фактически такое мнѣніе ложно. Большая часть предметовъ, издавна признаваемыхъ предметами филологическаго изученія, не относятся къ Языкоученію, хотя и справедливо, что послѣднее есть важная часть Филологіи. Наконецъ, тѣ, которые придали ей высокое значеніе, говоря, что она развиваетъ человѣчность, наполняя человѣка мыслями, идеями, никакъ не могли видѣть въ ней одного Языкоученія, ибо исключительное занятіе грамматическими формами производитъ, напротивъ, пустоту въ мышленіи.

Нѣкогда утверждали, что Филологія есть Полигисторія, или Полиматія. Первое названіе еще довольно скромно, послѣднее — слишкомъ притязательно; но вообще ни то ни другое не могутъ быть названіями науки, ибо „многимъ или

малымъ“ не опредѣляется наука. Многознаніе не ведетъ еще къ истинному знанію, особенно если оно ограничивается только внѣшнимъ знаніемъ, какъ это было въ Полигисторіи, которая представляла сборъ разныхъ познаній, накопленныхъ памятью. Въ такомъ случаѣ, Критика, гдѣ все зависитъ отъ сужденія, противополагалась бы Филологіи.

Филологію принимаютъ иногда только за Критику. Слово „Критика“ происходитъ отъ слова, „κρίνω, раздѣлять, разсуждать, судить.“ Возведенная до самаго высшаго понятія, она состоитъ въ сравненіи особеннаго съ общимъ и въ опредѣленіи ихъ соотношенія, основанномъ на такомъ сравненіи. Слѣдовательно Критика только изслѣдуетъ такое соотношеніе, самое же это изслѣдованіе имѣетъ цѣлію дать средство для пониманія предмета, подвергаемаго критикѣ. Въ этомъ смыслѣ, Критика будетъ имѣть внѣшнюю цѣль, а слѣдовательно не будетъ вполнѣ наукою. Далѣе, критическая дѣятельность есть, очевидно, только формальная дѣятельность, посредствомъ которой приготовляется что̀-либо матеріальное, а только въ познаніи матеріальнаго можетъ состоять научная цѣль. Впрочемъ, не вся формальная дѣятельность исчерпывается въ критической, ибо есть еще и особенная, герменевтичеккая дѣятельность, которая также принадлежитъ къ Филологіи. Вообще, Критика не есть наука, а только искусство, котораго правила, впрочемъ, могутъ быть опредѣлены наукою, что̀ должно сказать и о толкованіи.

Филологіею называютъ Литературу, особенно Французы и Англичане. Это воззрѣніе имѣетъ за себя важный авторитетъ Канта, который Литературою называетъ критическое знаніе сочиненій; но это воззрѣніе составлено изъ слишкомъ разнородныхъ понятій, да и самъ Кантъ имѣлъ весьма ограниченный взглядъ на Филологію. Конечно, Литература имѣетъ нѣчто общее съ языкознаніемъ, но языкознаніе не есть Литература; съ другой стороны, Литература содержитъ въ себѣ знанія, относящіяся къ наукѣ вообще, но наука, сама въ себѣ, не есть Литература (напр. Юридическая Литература не есть Юриспруденція). Вообще Литература есть опредѣленный образъ соединенія языка съ мыслями, какъ оно проявляется въ языкоискусствѣ какого-либо народа. Исторія литературы состоитъ собственно только въ историческомъ пониманіи извѣстныхъ формъ, именно эстетическихъ, которыя могутъ быть и второстепенными для извѣстныхъ родовъ Ли-

тературы. Словомъ, если принять Филологію только за Литературу, то многое не войдетъ тогда въ составъ Филологіи, что̀ на самомъ дѣлѣ входитъ.

Наконецъ, обыкновенное понятіе о Филологіи, перешедшее и въ жизнь, состоитъ въ томъ, что Филологія имѣетъ значеніе науки, по преимуществу развивающей человѣчность (Humanitäts-Studium). Какъ ни привлекателенъ этотъ взглядъ на Филологію, но онъ весьма не опредѣленъ. Имъ только обозначается, чего должно достигать посредствомъ Филологіи, а именно гуманитета, человѣчности, образованія, сообразнаго съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Имъ выражается только практическое слѣдствіе Филологіи, а не ея сущность, такъ что Филологія становится только средствомъ. Притомъ, не къ одной Филологіи должно относить такое послѣдствіе: и Философія напр. развиваетъ человѣчность, но она не есть Филологія. Кантъ говоритъ, что Филологія ведетъ къ образованію вкуса, но тогда Филологія есть Эстетика.

Такимъ образомъ, всѣ эти воззрѣнія не вѣрны. Чтобы понять, что̀ такое Филологія, надо разсмотрѣть самую филологическую дѣятельность.

Философія, какъ мы видѣли, есть основная наука, ибо все познаніе лежитъ въ ней и различныя науки суть только ея отрасли.

Философія разсматриваетъ все: самое познаніе или мышленіе, природу и человѣка. Слѣд. ничто не исключается изъ области Философіи. То̀ же, хотя и въ другомъ смыслѣ, можно сказать и о Филологіи; напр. познаніе природы не принадлежитъ къ Филологіи, но познанное о природѣ можетъ быть предметомъ филологической дѣятельности. Такъ Философія природы, какъ таковая, не есть филологическій предметъ, но познанное натурафилософами есть предметъ филологическаго занятія. Слѣд. сущность филологической дѣятельности не состоитъ въ постановленіи первоначальнаго познанія, но въ познаваніи того, что̀ познано. Филологія есть воспознаніе познаннаго, познаніе всего, что̀ произведено человѣческимъ мышленіемъ.

Но, спрашивается, что̀ изъ Исторіи принадлежитъ къ Филологіи. Такъ какъ и Исторія есть самопознаніе человѣчества: то филологъ познаетъ то̀, что̀ познано объ этомъ самопознаніи человѣчества.

Но познаніе познаннаго не возможно безъ передачи (traditio), а потому передача есть основа Филологіи. Она преимущественно производится посредствомъ языка, слова, т. е. или слушанія, или чтенія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что чтеніе и слушаніе передаваемаго тоже принадлежатъ къ филологической дѣятельности.

Такъ какъ Филологія предполагаетъ познаніе какъ извнѣ данное, то она необходимо требуетъ изученія, что для философа не есть неизбѣжное условіе. Поэтому Филологія предполагаетъ науку, а слѣд. ей предполагаются всѣ отдѣльныя науки. Вотъ почему я поставилъ ее на концѣ.

Теперь только можно понять, какъ произошли выше нами изложенныя одностороннія воззрѣнія на Филологію.

Съ тѣми, которыя Филологію называютъ Языкоученіемъ, мы можемъ согласиться только въ томъ, что дѣйствительно языкъ есть средство для передачи познаннаго.

Ограниченіе предмета Филологіи изученіемъ древности и притомъ классической имѣетъ также свои основанія. Во время зарожденія Филологіи, какъ науки, мало было познаній, кромѣ переданныхъ классическою древностью. Тогда казалось, что только это и заслуживаетъ познаванія. Сверхъ того, и труднѣе познать переданное древностью, потому что она слишкомъ отдалилась, слишкомъ стала чуждою, такъ, что нужно воспроизводить познанное ею. Притомъ древность, въ сравненіи съ новою исторіею, представляетъ, въ развитіи человѣчества, что-то оконченное, въ себѣ сомкнутое, заключенное цѣлое. Особенно-классическая древность выразила собою всего полнѣе идею древняго человѣчества. Наконецъ, зависимость новаго міра отъ древности продолжается и теперь.

Въ Филологіи видѣли только Литературу; но литературныя произведенія суть только источники, въ которыхъ сложено познанное, воспознаваемое Филологіею, — и притомъ источники, конечно, главные, но не единственные.

Подобное же соотношеніе мы видимъ между Филологіею и Критикою. Въ самомъ дѣлѣ, не возможно достигнуть познанія познаннаго, не употребляя по-

стоянно критической дѣятельности; но она есть только часть формальной филологической дѣятельности.

Что Филологія есть наука, по преимуществу развивающая человѣчность, въ этомъ справедливо только то̀, что и она, какъ познаніе произведеннаго человѣческимъ духомъ, ведетъ къ гуманному образованію.

Можно подумать, что вообще воспознаніе излишне; но филологъ, воспознающій, репродуцирующій, тѣмъ самимъ познаетъ, продуцируетъ, ибо безъ воспознанія не возможны дальнѣйшіе успѣхи въ познаваніи. Особенно трудно познаніе сохранившагося отрывочно, напр. воспознаніе древности, гдѣ нуженъ особенный гадательный даръ, чтобы конструировать цѣлое изъ частностей.

Вообще, при филологической дѣятельности болѣе надо заботиться о глубинѣ, т. е. основательности, нежели объ объемѣ познанія. Филологъ долженъ обнять все цѣлое, какъ цѣлое, и проникнуть въ нѣкоторыя частности до самой глубины ихъ, гдѣ часто необходима и микрологія.

Воспознаніе познаннаго есть не что̀ иное, какъ пониманіе. Пониманіе есть или самая дѣятельность понимапія, или же ея произведеніе. Такимъ образомъ, Филологія дѣлится на двѣ части: формальную и матеріальную.

Такъ какъ дѣятельность предшествуетъ своему произведенію, то формальная часть должна быть разсматриваема прежде матеріальной.

Филологически понимать можно:

1) Или воспознавая познанное само по себѣ — пониманіе само по себѣ. Это пониманіе есть герменевтическое.

2) Пониманіе предметовъ, разсматриваемыхъ въ связи съ другими предметами — это сущность Критики, ибо Критика есть не что̀ иное, какъ пониманіе предмета въ связи съ другими, въ чемъ и заключается уже сужденіе. Это пониманіе критическое.

Матеріальная часть Филологіи есть пониманіе всего, что̀ произвело человѣчество, и притомъ только тѣхъ произведеній, въ которыхъ сложено познаваніе,

мышленіе человѣчества, слѣд. вся его этическая, а не физическая жизнь. Итакъ Филологъ долженъ понять:

1) Всеобщую идею, въ которой заключены всѣ частныя, напр. въ древности филологъ долженъ понять вообще „античное." (Это составляетъ предметъ всеобщей части матеріальной Филологіи);

2) Всѣ различныя направленія жизненной дѣятельности со всѣми ея произведеніями. (Это предметъ особенной части)

Человѣческая дѣятельность является практическою и теоретическою. Практическая раздѣляется на общественную и частную: общественная, въ которой, какъ во всеобщемъ, снимается особенная личность; частная — низведеніе всеобщаго къ особеннымъ личностямъ. Теоретическая дѣятельность есть или художественная, или научная; но филологъ долженъ разсматривать только ея выраженіе въ языкѣ и литературѣ, или въ словѣ. Итакъ особенная часть дѣлится на практическую и теоретическую. Послѣднюю можно назвать Словесностію, которая состоитъ въ Языкоученіи и въ Литературѣ.

Формальная филологическая дѣятельность, сказали мы, состоитъ въ пониманіи. Казалось бы, нѣтъ нужды въ особенной наукѣ о пониманіи, или теоріи пониманія; но точно такъ же, какъ необходима наука о мышленіи, или Логика, необходима и наука о пониманіи, ибо понимать такъ же трудно, какъ и познавать; въ пониманіи ошибки и заблужденія такъ же возможны, какъ и въ познаваніи.

Пониманіе можетъ быть двоякимъ: или пониманіе даннаго предмета, какъ онъ является самъ по себѣ, или пониманіе даннаго предмета, съ присоединеніемъ сужденія, т. е. съ опредѣленіемъ отношенія даннаго предмета къ другимъ предметамъ, или частнаго къ общему. Перваго рода дѣятельность называется герменевтическою, а послѣдняго рода — критическою. Практическая наука герменевтическаго пониманія называется Герменевтикою, — а критическаго — Критикою.

Герменевтическую дѣятельность называютъ часто экзегетическою, а потому Герменевтику — Экзегетикою. Различіе между ними не велико: ἑρμηνεύειν значитъ

просто сдѣлать понятнымъ, истолковать, перевесть; ἐξήγειν — изложить, экспонировать, объяснить.

По различію предмета пониманія, можно говорить и о различныхъ Герменевтикахъ. Такъ юристы давно уже стали обработывать, въ видѣ особенной науки, Юридическую Герменевтику.

Хотя Юридическая Герменевтика есть только особенное приложеніе Всеобщей Герменевтики къ историко-юридическимъ памятникамъ, или къ такъ называемымъ источникамъ Исторіи права (fontes historiae juris); однако же она должна быть изучаема юристами какъ спеціальная юридическая наука, преимущественно потому, что толкованіе законовъ, изданныхъ общественною властію, представляетъ много особенностей. Не распространяясь здѣсь объ этихъ особенностяхъ, довольно для примѣра указать на то̀, что при толкованіи законопостановленій первое мѣсто занимаетъ автентическое толкованіе (interpretatio authentica), и притомъ въ особенномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. толкованіе со стороны того лица, которое, вовремя самаго дѣйствія даннаго закона, имѣетъ законодательную власть; что здѣсь только имѣетъ значеніе обычное толкованіе (interpretatio usualis), т. е. основанное на обычномъ правѣ; что только въ недостаткѣ двухъ предшествующихъ родовъ толкованія, юристъ можетъ прибѣгнуть къ толкованію, основанному на общихъ началахъ Герменевтики, какъ науки (interpretatio doctrinalis) и т. п. Впрочемъ, послѣдняго рода толкованіе всего употребительнѣе. Вообще современность требуетъ, чтобы не только обычное, но и самое автентическое толкованіе не противорѣчило научному, и чтобы потому всѣ роды толкованія законостановленій производимы были юристами.

Пока у насъ не было сословія юристовъ, не возможно было говорить о практической потребности изученія Герменевтики, а только развѣ о теоретической. Теперь же, — когда научное пониманіе есть необходимо-предполагаемое слѣдствіе спеціальнаго юридическаго образованія, пріобрѣтаемаго въ нашихъ университетахъ, — соверменность требуетъ отъ Русскаго правовѣдца изученія Герменевтики какъ науки. Слѣд. настало время, чтобы и въ нашихъ университетахъ преподаваема была какъ Всеобщая Герменевтика въ факультетахъ филологическихъ, такъ и Юридическая Герменевтика въ факультетахъ юридическихъ, и чтобы это препода-

ваніе такихъ наукъ, практическихъ по самой своей природѣ, не ограничивалось только изложеніемъ теоріи толкованія, но было бы сопровождаемо практическими упражненіями въ толкованіи. Тогда и мы, Русскіе правовѣдцы, не только изучимъ основательно свои юридическіе памятники, но вмѣстѣ будетъ умѣть прилагать свои знанія къ практикѣ, какъ того требуютъ отъ насъ сами законы. Прилагая законы, не допустимъ „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій;" будемъ „слѣдовать общему духу законодательства, и держаться смысла наиболѣе оному соотвѣтствующаго" (48).

Критика, въ томъ смыслѣ, какъ она здѣсь принимается, есть практическая наука, излагающая начала, на основаніи которыхъ должно судить о подлинности письменнаго памятника и о достовѣрности сказаній, въ немъ содержащихся. Впрочемъ, только перваго рода сужденіе есть дѣло собственно такъ называемой Филологической Критики, ибо сужденіе о достовѣрности относятъ, обыкновенно, къ Исторической Критикѣ.

Филологическую Критику можно раздѣлить по Внѣшнюю, называемую, обыкновенно, Дипломатическою, и Внутреннюю.

Дипломатическая Критика рѣшаетъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли внѣшняя форма памятника той эпохѣ, къ которой относятъ памятникъ, напр. по матеріалу, на которомъ написанъ памятникъ, по самой формѣ письма и т. п.?

Внутренняя Критика рѣшаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Соотвѣтствуетъ ли языкъ памятника законамъ языка того времени, къ которому относятъ памятникъ? (Критика Грамматическая).

2) Соотвѣтствуетъ ли личность писателя содержанію памятника, напр. не противны ли его личныя убѣжденія тому, что̀ имъ высказано въ памятникѣ? (Критика индивидуальная).

3) Соотвѣтствуетъ ли содержаніе памятника духу того времени и той мѣстности, къ которымъ относятъ этотъ памятникъ? (Критика Историко-Филологическая).

---

(48) См. Сводъ Основныхъ Законовъ, ст. 65.

4) Соотвѣтствуетъ ли содержаніе памятника правиламъ, которыхъ, обыкновенно, придерживались при составленіи того же рода сочиненій? (Критика Родовая, Генетическая, или Эстетическая).

Историческая Критика рѣшаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Могъ ли авторъ сказать истину?

2) Хотѣлъ ли? и

3) Смѣлъ ли ее высказать?

Филологическую и Историческую Критику вмѣстѣ называютъ часто высшею; тогда говорятъ, что дѣло низшей критики заключается въ возстановленіи текста памятника въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ автора.

Всѣ эти роды и виды Критики должны быть прилагаемы и къ юридическимъ памятникамъ. Безъ предварительной оцѣнки ихъ, основанной на Критикѣ, точно такъ же, какъ и безъ предварительнаго ихъ пониманія, основаннаго на Герменевтикѣ, сознаніе права вообще не возможно.

Сочиненія по части положительнаго права тогда только имѣютъ значеніе, когда онѣ основаны на критическомъ и герменевтическомъ изученіи и обработаніи источниковъ.

Вотъ почему западные юристы издавна обратили вниманіе на Критику юридическихъ памятниковъ, преимущественно же Римскаго права. Вотъ почему явились даже особенныя сочиненія, въ которыхъ доказывается необходимость познанія Критики и показывается ея приложеніе къ Правовѣдѣнію, напр. Гейнекція, Беста, Шварца, Генне, Тибо, Гуфеланда и другихъ (49).

---

(49) Heineccii, Praef. de artis criticae utilitate in jurisprudentia. См. Ejusd, Opera, tom. III, стр. 17. Женева, 1748. Best, Ratio emendandi leges, ed. Neuhaus. Лейпцигъ, 1745, — Schwarz, Sermo de finibus critices in libris veteris jurisprudentiae regundis. Грёнингенъ, 1752. — Henne, De usu et abusu artis criticae in jurisprudentia. Эрфуртъ, 1773. — Grundlinien zu einer Theorie der juristischen Critik, v. Feuerbach, in Dessen Civilistischen Versuchen, Th. I, стр. 81. Гиссенъ, 1843. — Ist die Critik dem Practiker erlaubt? v. Thibaut, in Dessen Versuchen, B. I, стр. 285, Ѣна, 1817.

Но всегда критическому и герменевтическому обработыванію и изученію источниковъ должно предшествовать ихъ собираніе, чтобы имѣть напередъ, въ достаточномъ количествѣ, матеріалы, надъ которыми бы можно было трудиться.

Для насъ, Русскихъ юристовъ, время сознательнаго изученія нашего отечественнаго права, основаннаго на источникахъ, настало съ тѣхъ поръ, какъ правительство и частныя лица принялись съ такимъ рвеніемъ за собираніе матеріаловъ. Въ этомъ преимущественно заключается требованіе современности отъ Русскаго правовѣдца, стремящагося достигнуть самопознанія на историческомъ поприщѣ своего отечественнаго права. Но для полнаго удовлетворенія этому требованію мы должны напередъ изучить не только Герменевтику, но и Критику, какъ науку; должны практически пріобрѣсть такой же навыкъ въ герменевтической и критической дѣятельности, какимъ отличаются, даже и у насъ, Филологи; словомъ, должны снабдить себя всѣми тѣми орудіями, съ помощію которыхъ откроется для насъ, въ новомъ совершенно свѣтѣ, весь нашъ настоящій юридическій бытъ, какъ созрѣвшій плодъ прошедшаго для будущности, широко — растилающейся предъ нами.

Но какъ герменевтическая, такъ и критическая дѣятельность являются только средствами для цѣли, а именно для познанія самаго содержанія, или матеріи. Содержаніемъ, или предметомъ Филологіи можетъ быть все, такъ же, какъ и содержаніемъ Философіи, и наукъ положительныхъ въ ихъ совокупности. Слѣд. матеріальная филологическая дѣятельность простирается на все, подобно философской и положительной, но съ тѣмъ отъ нихъ различіемъ, что это „все" разсматривается въ Филологіи какъ уже познанное человѣчествомъ, а не какъ предметъ первоначальнаго мыслительнаго или опытнаго познаванія.

Для нашей цѣли, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы можемъ, впрочемъ, допустить еще и другое различіе, ограничивъ Филологію не только въ отношеніи способа познаванія, но и самаго предмета. Въ этомъ случаѣ мы не отступимъ отъ обычнаго у насъ воззрѣнія на Филологію, какъ на Словесность.

Филологія какъ воспознаніе познаннаго, не возможна безъ передачи.

Эта передача преимущественно совершается чрезъ слово. Слѣд.—Филологія, въ этомъ отношеніи, можетъ назваться Словесностію, и есть наука о выраженіи

мышленія въ словѣ. Органомъ такого выраженія является языкъ народа, а опредѣленный образъ соединенія языка съ мыслями чрезъ письменность называется Литературою; слѣд. языкъ и литература суть предметы Филологіи, въ смыслѣ Словесности. Такъ Филологію, со стороны матеріальной, можно раздѣлить на Языкоученіе (Лингвистику) и на Литературу.

Для всякого образованнаго человѣка необходимо познаніе Словесности, т. е. языка и Литературы 1) древнихъ классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, или Древней Филологіи, ибо въ классической древности коренится современная образованность; 2) Новой Филологіи, особенно Словесности тѣхъ народовъ, которые являются главными представителями современной образованности, а именно Словесности Французской, Нѣмецкой и Англійской.

Изъ древнихъ языковъ, кромѣ Латинскаго, важно для юриста познаніе Греческаго языка: 1) потому, что онъ, въ формальномъ отношеніи, приноситъ пользы, еще болѣе Латинскаго, какъ языкъ и болѣе богатый, и болѣе развитой, и разнообразящійся въ діалектахъ, и представляющій образцы болѣе художественные въ литературномъ отношеніи, и какъ преимущественно языкъ философскій; 2) и въ матеріальномъ отношеніи, по самому содержанію написаннаго на Греческомъ языкѣ, онъ никакъ не уступаетъ языку Латинскому; наконецъ, 3) потому, что нѣкоторые источники Римскаго и всѣ источники Византійскаго права написаны на Греческомъ языкѣ; для насъ же, Русскихъ юристовъ, Византійское право по содержанію столь же важно, сколько Римское право — по формѣ.

Замѣчу здѣсь, что, въ особенности по отношенію къ этому языку, господствуетъ у насъ предразсудокъ, будто бы онъ слишкомъ труденъ. Конечно, какъ я сказалъ, онъ богаче, развитѣе, разнообразнѣе Латинскаго, но главная его трудность состоитъ не въ этихъ качествахъ, а въ томъ, что мы обыкновенно слишкомъ поздно, въ сравненіи съ Латинскимъ, начинаемъ его изучать, и слѣд. слишкомъ мало посвящаемъ ему времени.

Изученіе Латинскаго языка находится въ тѣсной связи съ изученіемъ важной вспомогательной для юриста науки, Римской Исторіи, а вмѣстѣ и съ изученіемъ главной, юридической науки — Римскаго права. Изученіе Римскаго права потеряетъ для насъ всю почти свою пользу, если оно не будетъ сопровождаемо

изученіемъ его источниковъ. Только при изученіи этихъ источниковъ Римскаго права, — и притомъ въ ихъ подлинникѣ, на томъ именно языкѣ, на которомъ они большею частію написаны, — мы можемъ вглядѣться въ жизнь этого права, проникнуть въ духъ его и напитаться его великими произведеніями. Тогда только пріобрѣтемъ мы тотъ неподражаемый юридическій тактъ, ту тонкость юридическаго сужденія, ту логическую послѣдовательность юридическаго мышленія, то̀ необыкновенное практическое искусство разлагать и опять слагать элементы юридической жизни, то̀ умѣнье найтись въ безконечномъ разнообразіи, въ хаосѣ юридическихъ случаевъ, которыми обладали, въ такой высокой степени, Римскіе юристы.

Итакъ, познаніе Латинскаго языка необходимо для самаго изученія источниковъ Римскаго права, безъ котораго даже Римское право не можетъ принесть намъ всей пользы.

Съ другой стороны, изученіе Латинскаго языка необходимо какъ могучее средство умственнаго развитія, какъ средство пріучиться къ сосредоточенію нашего вниманія и къ постоянству въ трудѣ. Хотя въ этомъ отношеніи Латинскій языкъ уступаетъ Греческому, однако же можетъ его достаточно замѣнить для тѣхъ, которые не имѣютъ или времени, или охоты, или рѣшимости заниматься послѣднимъ.

Кромѣ того, Латинскій языкъ сродняетъ насъ прямо съ тѣми великими Римскими писателями, которыхъ слова̀ еще и теперь часто приводятся публично, особенно въ той странѣ, которая имѣетъ, въ своемъ практическомъ тактѣ, въ своемъ политическомъ воззрѣніи, столько сходства съ древнимъ Римомъ, а именно въ Англіи. Эти писатели возбуждаютъ въ насъ множество великихъ мыслей, вызываютъ насъ, изъ среды мелочной жизни, въ тотъ великій міръ великаго народа, гдѣ сильно бьется наше сердце ко всему достойному человѣка. Подобно развалинамъ древняго Рима въ Римѣ новомъ, они говорятъ намъ, на всемірномъ языкѣ, ка̀къ жилъ и палъ великій народъ, — возвышая наши мысли, облагораживая наше сердце, придавая намъ всю силу чувства собственнаго человѣческаго достоинства. Въ этомъ отношеніи, польза Латинскаго языка едва ли уступаетъ Греческому. Хотя Греки учители Рима, но они не имѣли въ исторіи того широкаго поприща, той истинно-всемірной дѣятельности, какъ Римляне. Доконченная художественность произведеній Греческаго исскуства, возвышенность и самостоятельность ихъ

философскаго мышленія; даже политическая свобода ихъ маленькихъ республикъ не искупаютъ тѣсноты внѣшняго круга ихъ дѣятельности, который у Римлянъ такъ широкъ, такъ величественъ, такъ многозначителенъ. Если, въ политическомъ значеніи, сравнить Грецію съ Англіею, не имѣющею почти ничего общаго съ развитіемъ всего континента, заключенную въ себѣ самой: то Римъ сравнить можно съ Франціею, которой жизнь бьется общимъ пульсомъ, которой Исторія такъ же отзывается во всѣхъ концахъ новаго міра, какъ отзывалась нѣкогда Исторія Рима во всѣхъ концахъ древняго. И языкъ Французовъ въ дипломатическомъ мірѣ имѣетъ то̀ же космополитическое значеніе, какое въ ученомъ мірѣ имѣетъ и теперь языкъ Римлянъ.

Впрочемъ, доказывать у насъ необходимость изученія Французскаго языка совсѣмъ излишне; скорѣе надобно убѣждать въ томъ, чтобы не забывали для него своего отечественнаго языка.

Для юриста онъ важенъ, особенно какъ языкъ, на которомъ написано много отличныхъ практико-юридическихъ и политическихъ сочиненій, какъ языкъ общенароднаго права.

Изученіе Нѣмецкаго языка необходимо для юриста, какъ и для всякого образованнаго человѣка: 1) не только потому что на немъ столько написано по всѣмъ отраслямъ знанія и что почти все замѣчательное переведено съ иностранныхъ языковъ на Нѣмецкій; но 2) еще и потому, что въ наше время Правовѣдѣніе, какъ наука, наиболѣе процвѣтаетъ въ Германіи, и что въ переводѣ на Нѣмецкій языкъ можно читать почти, все написанное, по части Юриспруденціи, на прочихъ языкахъ.

Англійскій языкъ только недавно входитъ у насъ въ употребленіе, какъ одинъ изъ предметовъ нашего общаго образованія. Нечего опасаться, чтобы онъ, въ какой либо сферѣ, могъ вытѣснить отечественный языкъ. Онъ не имѣетъ въ себѣ той легкости, гибкости, въ которыхъ столько нуждается и новое общество и новая дипломатія, и которыми такъ изобилуетъ языкъ Французскій; зато на немъ едва ли не болѣе еще существуетъ превосходнѣйшихъ литературныхъ и сціентифическихъ сочиненій, нежели на Французскомъ. Для юриста онъ особенно необходимъ какъ языкъ развитой практической юриспруденціи, такъ напоминающей дре-

вною Римскую, какъ языкъ политическій, на которомъ рѣшаются многіе важные политическіе и общественные вопросы, не съ тѣмъ, конечно, блескомъ, не съ тѣмъ остроуміемъ, какъ на языкѣ Французскомъ, но едва ли не съ большею основательностію.

Но разумѣется, что всего необходимѣе познаніе Словесности отечественной. „Языкъ отечественный (говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ) есть сердце народа, которое въ немъ сохраняетъ и круговращаетъ любовь, жизнь, пищу и теплоту.“ Вѣрнѣйшій признакъ умирающей народности есть смерть роднаго языка. Нагляднѣйшее мѣрило народной образованности заключается въ народной литературѣ.

Для спеціальнаго юридическаго образованія, согласнаго съ требованіями современности, познаніе отечественной Словесности теперь есть дѣло первой важности, какъ въ теоретической, такъ и въ практической дѣятельности правовѣдца.

Теоретическая дѣятельность правовѣдца заключается въ толкованіи законовъ, въ преподаваніи юридическихъ лекцій и въ изданіи сочиненій по части Правовѣдѣнія.

Отъ правильнаго толкованія законовъ, основаннаго на знаніи языка, зависитъ справедливость приложенія законовъ къ жизни и вѣрность ихъ пониманія въ наукѣ, зависитъ слѣд. настоящая жизнь и настоящее сознаніе отечественнаго права.

Юридическія лекціи, дающія первоначальное руководство ко всей послѣдующей юридической дѣятельности, преподаются живымъ словомъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, должны отражаться живыя же мысли.

Юридическія сочиненія составляютъ одну изъ важныхъ отраслей литературы, которая представляетъ единое цѣлое. Литература же находится въ постоянномъ воздѣйствіи съ жизнію. Чѣмъ публичнѣе въ наше время сдѣлалась жизнь, тѣмъ высшее значеніе пріобрѣла юридическая литература, тѣмъ больше стала она занимать всѣхъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ общедоступномъ изложеніи юридическихъ истинъ.

Практическая дѣятельность юриста заключается въ отвѣтахъ на юридическіе вопросы правительства и частныхъ лицъ, въ хожденіи по дѣламъ, въ отправленіи судебныхъ и административныхъ должностей, въ первообразномъ предначертаніи и послѣдующемъ разсматриваніи законовъ.

Отвѣты юристовъ (Responsa prudentum), даваемые словесно и письменно, требуютъ такого умѣнья владѣть языкомъ юридическимъ, въ отношеніи котораго мы, новые юристы, не должны бы по крайней мѣрѣ отставать отъ Римскихъ, отдѣленныхъ отъ насъ почти двумя тысящелѣтіями.

Успѣхи въ хожденіи по дѣламъ, или въ адвокатствѣ, котораго особенная важность признана современностію, преимущественно основываются на томъ краснорѣчіи, которое въ словѣ видитъ дѣло.

При отправленіи судебныхъ и административныхъ должностей, изъ дѣловаго слога долженъ исчезнуть и языкъ подьяческій невѣжественныхъ ябедниковъ, и педантство недоученыхъ школьниковъ.

Наконецъ, первообразное предначертаніе и послѣдующее разсматриваніе законовъ должны быть выполняемы юристами такъ, чтобы слѣдующія основныя требованія законодательства были сохраняемы: „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ (60); законъ, въ надлежащемъ порядкѣ обнародованный, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ (61); законы должны быть исполняемы безпристрастно. . . по точному и буквальному смыслу оныхъ (62); запрещается подъ предлогомъ мнимой неясности испрашивать указа на указъ“ (63).

Вообще, мы, юристы, должны устранить отъ себя обвиненіе, которое не разъ на насъ падало: что будто мы не только мало знакомы съ языкомъ отече-

---

(60) См. Сводъ Основныхъ Законовъ, ст. 62.

(61) См. Сводъ Основныхъ Законовъ, ст. 63.

(62) См. Сводъ Основныхъ Законовъ, ст. 64 и 65.

(63) См. Сводъ Основныхъ Законовъ, ст. 52., примѣч.

ственнымъ, не только плохіе стилисты, не только не находимъ для себя занимательности въ отечественной литературѣ, но даже состоимъ подъ подозрѣніемъ пренебреженія къ отечественной Словесности.

Если такое обвиненіе взводится на сословіе юристовъ, то оно заключаетъ въ себѣ и другое, болѣе важное обвиненіе, именно, что такіе юристы не являются тѣмъ, чѣмъ они должны быть, т. е. органами народной жизни. Намъ, Русскимъ юристамъ, такой упрекъ не возможенъ, ибо наше сословіе едва зараждается. Но у насъ, къ нашему стыду, въ т. н. высшемъ обществѣ едва только начинаютъ лепетать на своемъ родномъ языкѣ, знакомиться съ своею родною страною, со всѣми многообразными сторонами крѣпкой, богатой и незаглохшей еще жизни роднаго народа. У насъ языкъ, и словесный и письменный, нашего т. н. образованнаго класса, есть языкъ, чудно, конечно, воздѣланный, и потому уже заслуживающій быть всемірнымъ языкомъ дипломатіи, но намъ по всему чуждый, никогда не способный стать нашимъ роднымъ языкомъ, безъ потери всего того, что̀ составляетъ сущность истинно-Русскаго человѣка.

Вотъ почему и мы, Русскіе юристы, должны особенно, даже на нѣкоторое время почти исключительно, заняться изученіемъ, обработываніемъ и распространеніемъ нашего отечественнаго языка, отъ котораго мы такъ удалились, что мало понимаемъ сильную простоту въ устахъ того класса, который является исключительнымъ хранителемъ самостоятельной нашей жизни, не сочувствуемъ изящной, повѣянной туманомъ народной поэзіи, которая живетъ еще въ едва досягаемой нами глубинѣ народныхъ повѣрій, поговорокъ, пѣсенъ и т. п. Если мы хотимъ дѣйствовать въ нашемъ отечествѣ и дѣйствовать могучимъ образомъ, то безъ Русскаго языка мы не можемъ сдѣлать впередъ ни одного шагу. Русскому также необходимъ Русскій языкъ, какъ необходимъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ, земля, на которой живетъ, вся жизнь, въ которой онъ вращается.

Итакъ, употребимъ всѣ свои силы, чтобы изучить Русскій языкъ, который, и по свидѣтельству самыхъ иностранцевъ, если не превосходитъ другіе языки, то никакъ имъ не уступитъ ни въ силѣ, ни въ богатствѣ, ни въ гибкости, ни въ легкости образовать изъ себя безчисленныя формы, словомъ, ни въ чемъ томъ, что̀ составляетъ достоинство всякого языка!

Сознавая въ себѣ, съ возвышенною скромностію, что нашъ языкъ еще не обработанъ столько, сколько предназначенъ къ тому самымъ своимъ существомъ; встрѣчая въ насъ самихъ, въ окружающемъ обществѣ множество препятствій къ надлежащему его развитію, — мы не должны отчаяваться и впадать въ бездѣльное уныніе, но въ самихъ препятствіяхъ находить для себя новыхъ двигателей; и если уже непремѣнно и въ этомъ намъ нужны чужіе примѣры, то вспомнимъ, что еще недавно Нѣмецкій языкъ, нынѣ такъ воздѣланный, былъ угнетенъ до того, что одинъ изъ величайшихъ монарховъ Германіи, Фридрихъ Великій, говорилъ, писалъ и думалъ на чужомъ языкѣ.

Вотъ почему необходима для Русскаго юриста Теорія Русскаго языка и вотъ какъ надо ею заниматься.

Хотя другіе существенные предметы Русской Словесности, т. е. Исторія языка и Исторія Литературы, болѣе необходимы для Русскаго филолога, нежели для юриста, однако же онъ и съ ними долженъ быть знакомъ, по крайней мѣрѣ съ ихъ результатами, если онъ имѣетъ притязаніе на истинно — образованнаго человѣка.

Кромѣ того, оба эти предмета — Исторія Русскаго языка и Исторія Русской Литературы, — находятся въ такой нераздѣльной связи съ самою Теоріею Русскаго языка, что послѣднюю нельзя основательно знать безъ двухъ первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же и образовался Русскій языкъ и вся его теорія, какъ не въ историческомъ развитіи языка и литературы Русской.

Особенно плодотворно будетъ для насъ изученіе этой Исторіи, если мы, въ соединеніи съ нею, станемъ читать образцы нашего языка и литературы нашей; если, какъ юристы, преимущественно обратимъ вниманіе на юридическій языкъ нашъ, который, особенно прежде, когда онъ развивался съ бо̀льшею самостоятельностію, имѣлъ множество теперь забытыхъ, ему только свойственныхъ достоинствъ, — и если мы станемъ внимательно читать образцы нашей юридической литературы, весьма, конечно, немногіе, но тѣмъ не менѣе замѣчательные.

Тогда мы не будемъ имѣть нужды прибѣгать къ иностраннымъ языкамъ для отысканія въ нихъ словъ и фразъ, выражающихъ юридическія понятія; не будемъ

имѣть нужды въ рабскихъ переводахъ этихъ чуждыхъ намъ словъ и выраженій, въ натянутой формаціи словъ и ихъ совокупленій, несвойственной духу нашего языка и нашему образу понимания.

Тогда, проникнувъ въ духъ своего языка (что̀ дается его Теоріею), воспользовавшись потерянными, но вновь открытыми юридическими терминами (что̀ дается Исторіею языка), и, наконецъ, свободно подражая достойнымъ образцамъ нашей юридической литературы, и напитываясь ими для собственнаго творчества (что̀ дается Исторіею Литературы), мы обогатимъ нынѣшній нашъ юридическій языкъ, бѣдный только потому, что не возсоздана его Исторія. Мы разовьемъ далѣе этотъ юридическій языкъ, не вслѣдствіе рѣдко удающейся прививки чуждыхъ ему элементовъ, но изъ него самаго, изъ его свѣтлаго, широкаго источника. Мы обогатимъ нашу юридическую литературу, которой бѣдность не есть признакъ слабости, а только необходимое слѣдствіе ея младенчества.

Вотъ почему необходимо для Русскаго юриста не только познаніе Теоріи отечественнаго языка, но и достаточное знакомство съ Исторіею этого языка и съ Исторіею его Литературы, преимущественно юридической. Вотъ въ чемъ состоятъ, въ этомъ отношеніи, требованія современности отъ Русскаго правовѣдца.

Нашъ языкъ есть одинъ изъ языковъ Славянскихъ. Въ этомъ уже заключается необходимость изученія вообще Славянскихъ нарѣчій для всякого образованнаго Русскаго. Для юриста познаніе Славянской Словесности особенно важно какъ орудіе для изученія того Общеславянскаго права, которое, въ наше время, начинаетъ быть предметомъ особеннаго изученія, подобно Общегерманскому праву.

Но къ сожалѣнію, вообще изученіе языковъ народовъ или вошедшихъ въ составъ Россіи, или же имѣвшихъ важное вліяніе на ея Исторію, слишкомъ мало занимаетъ Русскихъ юристовъ.

Конечно, раздѣленіе труда необходимо; но доведенное до крайности, оно раждаетъ механизмъ, односторонность, педантство. Притомъ, воспользоваться

для изученія права результатами филологовъ не значитъ еще раздроблять свою дѣятельность. Наконецъ, въ заключеніе прибавлю, что теперь еще не время раздѣлять намъ общую собственность науки на частные участки, теперь, когда именно не иначе мы можемъ произвесть что-либо значительное въ наукѣ, какъ только общими силами, общимъ трудомъ, общею дѣятельностію.

Таково общее образованіе, требуемое современностію отъ Русскаго правовѣдца!

Вообще оно основывается на возведеніи всѣхъ отдѣльныхъ познаній и наукъ къ одному ихъ верховному началу, всѣхъ отдѣльныхъ дѣятельностей къ общей дѣятельности человѣчества, всего разнообразія жизни къ единству науки. Такъ вообще соединяется спеціальное образованіе съ общимъ, личная и народная жизнь съ общечеловѣческою, практика съ теоріею! Такъ истинно-образованный юристъ признаетъ, что юридическая правда заключается во всеобщей правдѣ, или въ истинѣ вообще; что призваніе юриста есть только особенная сфера общаго призванія каждаго гражданина и человѣка; что право становится бытіемъ, не призрачнымъ, но дѣйствительнымъ, и потому не преходящимъ, но вѣчнымъ. Для него одностороннo и поверхностно то̀ изученіе Правовѣдѣнія, которое разъединено съ прочими науками и съ наукою вообще. Какъ членъ особеннаго сословія и какъ органъ народной жизни, онъ участвуетъ въ общемъ дѣлѣ человѣчества. Мышленіемъ сознаетъ онъ правду въ жизни и дѣятельностію проводитъ правду въ жизнь.

Такія общія современныя требованія науки и жизни стали и для насъ существенными требованіями особенно съ настоящаго времени, когда мы вступили въ періодъ полнаго самопознанія.

Поприщемъ такой общей нашей дѣятельности является вся Россія; дѣятелями на этомъ обширномъ поприщѣ — всякій истинно-образованный Русскій; но центромъ, душою, сердцемъ этой дѣятельности — то̀ мѣсто, которое не даромъ и у насъ называется университетомъ. Эта дѣятельность, стекаясь сюда, обновляет-

ся здѣсь свѣжимъ дыханіемъ науки и передается будущности въ чистомъ сосудѣ юношескаго сердца. . . . . .

Слава же сознающимъ значеніе нашего университета для Россіи и дѣйствующимъ въ духѣ этого сознанія! Слава его Основательницѣ, дщери Великаго Петра! Слава его **АВГУСТѢЙШЕМУ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЮ**!

DE ARDUO MEDICI OFFICIO

ORATIO,

QUAM

IN SOLLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

UNIVERSITATIS CAESAREAE MOSQUENSIS,

die 15 mensis Iunii MDCCCXLVI.

HABUIT

ALEXANDER AUVERT,

Med. et Chir. Dr. Clinic. Therap. Prof. Ordinar.

Fortis est miles in pugna, fortior pater familias in rebus adversis, fortissimus omnium medicus in epidemiis contagiisque, coram acervis demorientium

VIRI EXCELLENTISSIMI, ILLUSTRISSIMI, ERUDITISSIMI!

AUDITORES OMNIUM ORDINUM HONORATISSIMI!

Quae omni tempore ac singulis fere horis deprecati a DEO SUPREMO ET OMNIPOTENTE sumus, eadem jam animo et voce precamur, hoc ipso potissimum die, quo, ritu institutoque majorum, anniversaria fit supplicatio, atque in omnem vitam pie precabimur cuncti, ut AUGUSTISSIMI IMPERATORIS ET DOMINI nostri CLEMENTISSIMI, NICOLAI PRIMI, qui summis usque beneficiis hanc almam literarum Universitatem ornavit, vita conservetur, ut omnes Ei res publicae atque privatae fauste, feliciter, prosperequé eveniant, ut Imperium Russicum sempiterna pace, concordia, opibus, salute communi et felicitate augeatur, et in dies magis magisque effloreseat.

Jam video, quotidianam civium academicorum trepidationem silentio quodam intermitti, et, in nostra literarum arena quum a carceribus ad calcem jam sit decursum, eam tranquillitatem, quae plerumque majorem industriam, navitatemque praecurrat, intra hos parietes versari. Mihi vero prius, quam congregati in hunc locum juvenes, circa scholas professorum semper assidui, a studiorum continuatione requiescant, et hujusce templi Musis sacrati fores occludantur, reliquum est, negotiumque mandatum, uti, exsecutus tanquam supremum officium, salvere eos jubeam, qui, nunc ex discipulis meis collegae facti, a schola et magistris divertunt. Neque enim quidquam mihi aequius et convenientius videtur, quam, quid eos in munere futuro maneat, praemoneri. Futurae sortis sunt inscii hi juvenes: vos dico, vos affari volo, qui, adhuc in fidem hujus Universitatis atque tutelam traditi, studia per otium coluistis, et inde ab hodierno die medicinam exercere auspicaturi, ad societatem civilem remque publicam accedetis! Quidnam, quaeso, est illud vivere in hominum conventu? Hoc est [1]) circumferri, huc et illuc cursare inter homines, qui totius vestrae vitae se ipsi judices severos constituunt, qui semper medici opem, misericordiamque implorant, requirunt, exposcunt, flagitant, qui denique plus, quam par est, atque scientia fert, praestari volunt, gratiam

rependunt nullam! [2]) Mihi credite, juvenes humanissimi, quae me moverunt, atque movent, movebunt eadem et vos profecto. Subeatur tamen, quaecumque fortuna proponetur.

Sed hoc ipso coram celeberrimo virorum ornatissimorum coetu, si, quid haereat mihi in visceribus, persuasissimumque habeam, rite dicerem, aut copiose disputarem de malis atque miseriis, in quibus sese terit humanum genus: defuturum me esse putarem et splendori hujus diei festi ac sollemnis, et loci religioni, et amplitudini hujus concionis, verererque, ne vix artis scientia tentata paene fractos vos videar in locum, maximo per quinque deinceps annos labore perlustratum jam, exploratumque reducere. Neque enim ego quidem difficilia artis capita in oratione publica censeo esse tractanda, quae nemo, nisi artis peritus, intelligat, sed quae ab omnibus ex aequo intelligi, omnibusque vel emolumento esse, vel delectationi possint, inhumanum ratus, omnium ordinum hominibus ad audiendum convocatis, ea dici, quae non omnes vel audire velint, vel intelligere valeant. Imo potius optimum duxi, de re verba facere, cujus gravitate audientium animi facilius tenebuntur. Ardet enim animus, et vobis, artem medicam facturis, ostendere, quanti momenti sit diurnum munus et ministerium, quo vestra sponte et voluntate fungemini, et iis, qui me audiant, explanare, quanta reverentia, atque adeo veneratio [3]) susceptis omnibus, non modo cum caritate mortalium, sed etiam cum rerum externarum contemptione, laboribus debeatur medici.

Quid igitur? Ars profecto salutaris, ad quam exercendam accincti estis, plurimum habet in se gloriae, cur expetatur. [4]) Vos quidem, quid sustinuistis, quid exantlastis, ut, summam votorum consecuti, scientiae sancta penetralia adire possitis? Libet mihi primum repetere, quanto tandem labore, quantaque vos opera perveneritis ad exitum, medicinae studiosis propositum omnibus. Certe vos, omnes gravioribus studiis delectationes suavissimas, voluptatesque gratificati, curas, inopiam, sollicitudines, vigilias pertulistis, atque in maximis et corporis et animi contentionibus tam diu perseverastis, ut, quod summe exoptatum est, vobis contigerit. Qui, ut quisque crudelissime oppugnatur, eum lenissime sublevastis, per quinquennium humani corporis infirmitatem et vitia operose investigastis, et, aegrotorum lectis assidentes, satis superque vidistis Mortem, tota in sua nuda foeditate jacentem. Quocum vos tanquam in certamen descendistis, ut cadaveris acceleretur dissolutio. Tum ab ista natura et temperatione discerpta, concisa, et paene friata, ab ista carne putida, quam corpus humanum vocant, coacti estis,

cum periculo vitae, consilia, praecepta, leges [5]) petere, quibus ducti praeclarissimam illam artem factitabitis. Exinde inter studia clinica spectavistis hominem, mortis horrore ac formidine correptum, in tota conditione misera et afflicta, in tota naturae suae debilitate prostratum [6]). Iam quotidie multum commentati, meditatique vobiscum de fragilitate corporis, saepenumero magnum in aegrotationibus leniendis levandisque studium, multam operam, et adhaerescentem fastidiis laborem impigre consumsistis, et licet iniquitatem hominum prospexeritis, quae vobis cumulum excepti laboris afferet, tamen certe invalidum et male affectum miserati estis [7]). Verum tamen in hoc vobis acquiescendum non esse existimavistis: nam propria quadam sentiendi ratione, et generoso naturae quasi consensu permoti, dolorem alterius, ut ita dicam, vobis acquisiistis, quo facilius rectiusque, perspecta mali caussa, remedia ad depellendum morbum idonea proponatis. Magna profecto laus est, elaborare in ea scientia, quae profuerit omnibus, et omnibus sit profutura. Debet homo homini, quicunque sit, consulere ob eam ipsam caussam, quod is homo est. Itaque dum omni ope atque opera contenditis, ut levatio inveniatur doloribus, animi motu quodam liberali, et generoso affecti, praeclara illa virtute, ac paene divina, quotidie assuevistis, quae *caritas* appellatur. Ne plura: didicistis, omnes sine ullo discrimine homines, fraterna vobiscum necessitudine quadam conjunctos, diligere, consolari, sustinere. Neque enim negari potest, in ejus artis, tam elatam mentem requirentis, studio et exercitatione vim esse tantam, ut communi in usu necesse sit animos non solum doctrina excoli, augerique scientia, sed etiam emendatos magis magisque, ad virtutem informari, atque ita gravissimo illo et amplissimo, quod obituri sitis, munere dignos exsistere.

Perscrutantibus omnes et singulas humani corporis partes, et in omnibus remotissimisque rerum naturalium, fossilium, plantarum, animantium latebris perreptantibus [8]) vobis obversatur et longe patet via, omnibus difficultatum generibus substrata, continuis laboribus, ac multis referta corporis animiqué jacturis, plena periculorum latentium, qua inde ab hoc ipso tempore ars liberalis atque ingenua debebit a vobis exerceri. Sed in via, gloriosa illa quidem, et maxime ardua, aliquantulum volutato mihi liceat, paullisper esse duci vestro et velut indici, ut, procul designatis scopulis, quos in obeundo munere offendetis, admoneam vos officiorum, ut animum vobis faciam ad partes muneris bene religioseque implendas necessarium, ut denique illa vos fide, illa morum severitate, illo spiritu imbuam, qui nunquam declinat ab religione officii.

Omnino fortis animus, et magnus, duabus rebus maxime cernitur, quarum una in rerum externarum contemptione ac despicientia ponitur, quum persuasum sit, nihil hominem, nisi quod honestum et decorum sit, aut admirari, aut optare, aut expetere oportere, nullique neque homini, neque perturbationi animi, nec fortunae succumbere. Altera est res, ut, quum ita sitis affecti, ut supra dixi, res geratis magnas quidem et maxime utiles, sed plenas laborum et periculorum, tum vitae, tum multarum rerum, quae ad vitam pertinent. Harum rerum duarum splendor omnis et amplitudo, addo etiam utilitatem, in posteriore est; caussa autem et ratio, efficiens magnos viros, in priore [9]). In eo est enim illud, quod excellentes animos et humana contemnentes facit. Vos igitur, si quis ejusmodi in vobis est animus, nec voluptatem requirentes, nec fugientes laborem, omnium ceterarum rerum obliti, nihil abjectum, nihil humile cogitantes [10]), in omni vitae et studiorum curriculo sentitis atque agnoscitis, fontem et principium felicitatis non esse in terris, neque ab extraneis rebus manare, sed ab optimae mentis fiducia, atque conscientia recte factorum [11]).

Medicus, quippe qui arbiter sit vitae hominis, et restituendae sanitatis curam suscipiat, magnum profecto opus et arduum, officio suo consentaneum et quasi inhaerens, sua sponte in se recipit [12]). O rem gravem atque difficilem! Semper in medici caput recidet morbi eventus; quoquo modo negotium gesserit, culpam praestabit; periculum illud, quod sponte et ultro praestat, in singulis quotidie casibus, quotiescunque ad grabatum accersitur, de integro instauratum videbit [13]). Sed ea non sunt omnia, quibus curatio impeditur. Huc enim accedit, ut medicus per totam vitam miserabilibus aspectu et peracerbis aliorum doloribus intersit atque assideat. Et tametsi quotidiana malorum animadversio ejus animum percellit, ac luce clarius videtur, quam invalida inutilisque sit medicina in morbo insanabili: tamen neque licet unquam, neque oportet, medici benevolentiam, assiduitatem, ardorem extenuari atque languescere.

Equidem vobis fontes, unde vim industriae admirabilis et supra hominem hausturi sitis, atque itinera ipsa putavi esse demonstranda. Tantum esse innatum in homine studiorum amorem et beneficentiae constat, ut nemo dubitare possit, quin ad eas res hominum natura, nullo emolumento invitata, rapiatur [14]). Qua re igitur medicus, ut agat, ut prodesse velit quam plurimis, impellitur? Quid tandem eum ad misericordiam, ad aegritudinis societatem, humanitatemque adducit? Nihil aliud certe, nisi tum ipsa *digni-*

tas muneris ampli et praeclari, a gravitate officiorum profecta, quibus non animas negotians, sed artis peritus medicus inter homines satisfacere debebit, tum *affectus quidam animi*, qui in mente bene sibi conscia ponitur [15]), et multa difficultatum, continenter ingruentium, omnesque prius, quam propositum consequatur, ejus contentiones conatusque praecludentium cognitione et scientia confirmatur, tum *denique fides*, quae in studio medici et labore, cui contraria est injustitia hominum, mirifice exsplendescit [16]).

Quodsi mihi est in animo, juvenes humanissimi atque doctissimi, enarrare difficultates itineris, et flexus viae, in quos artem facturi incurretis, et sancta illa officia atque negotia, quae vobis imponentur, in memoriam revocare: nihil in eo prius et antiquius habeo, quam ut, quid sit grave, excelsum magnificumque in ministerio, cui ab hoc die initiabimini, perspiciatis. Utinam ille cogitationis studiorumque ardor, et tanquam ignis, in medici pectore gliscens, halitu meo in animis vestris, doctrinae studio fortasse refrigeratis, denuo accendatur, ac laetius exardescat!

Quamobrem oratio mea in duas partes dividitur: quarum una *difficultates* studii et artis medicae exponet; in altera ejus *officia* expromam. Videamus primum, quam noxiam atque funestam vim saepius habeat ars colenda in naturam, mores et animum medici.

Duae sunt res, quae hominem in vita maxime pellunt: una est ipsa natura; altera, circulus societatis, in quo vivit et agit. Quodsi vero negari non potest, in communi vitae consuetudine tantam esse vim et auctoritatem, quantam esse in ipsa natura profitemur, ut homo fiat is, qui est: apparet facile, quantam vim habeat in medicum tironem et studium et exercitatio medicinae, in qua omne tempus collocat, et omnes nervos contendit. In hoc tanto tamque lato campo theatrum virtutibus studiisque ejus datum est; in quo quum liceat medico vagari libere, periculum est, ne recta via decedat. Itaque quum omnibus, tum praecipue medico in officiis persequendis animi est adhibenda contentio maxima, et diligens praeparatio [17]): ea est sola officii tanquam custodia [18]). Mihi credite, non facile devitari nocentem artis effectum, ac saepe perniciosum posse. Neque tantum peregrino et hospiti in arte, verum etiam callido cuidam, et nulla in re tironi ac rudi medico circumspicienda sunt omnia, ut in exsequendo munere atque officio ne erret, ne labatur, ne peccet. Quamobrem uniuscujusque medici propria esse debet assidua observatio, quotidiana, ad usum vitae applicata, severa, subtilis,

sine qua qui exorditur, nihil perficit. Ea, ea sola cernitur et continetur RELIGIONE CHRISTIANA, quae hominem omni vita atque cultu excolit, et ad humanitatem effingit [19]). Principiis consentiunt exitus, et, ut initia fuere, sic cetera sequuntur. Itaque, cujus ars non tenetur pietate et doctrina CHRISTI, ejus animus in omni vitae genere labat et perturbatur.

In *Anatomia* sunt posita omnium studiorum, ad cognitionem naturae hnmanae pertinentium, fundamenta. Quare tiro neque potest, neque debet, nisi per gradus amphitheatri anatomici, in occultas atque reconditas scientiae partes penetrare. Nam ibi dumtaxat mortuorum corporibus insecandis quasi heluatus, singulas naturae et temperationis humanae partes cognitas perspectasque habebit. Tum *Physiologia* illam corporis enodationem anatomicam ita persequitur, ut singularum deinceps partium actionem investiget, eoque in diversum tendat. Quippe versati in hac naturae ratione, vitam aut puta pura quadam machinatione moveri vident, aut effici ex continuatione ac serie, ut sic dicam, reactionum chemicarum demonstrant. Sed in hanc opinionem docti discessere tum, quum et scalpello anatomico, et, ut vocem repetam, reagentibus chemicis analytica ad perscrutandam corporis temperationem via et ratio patefacta est. Deinde *Anatomia Pathologica* docet, organicas laesiones cadaverum et vitia naturae, quae in Physiologia Pathologica exponuntur, mutua vice non stabili et constante quidem, sed frequentissima inter se cohaerere. Postremo *Anatomia comparata* in omni serie animantium exquirit, qua via omnia, ad naturam et constitutionem corporum pertinentia, non modo similitudine quadam, sed etiam cognatione inter se connexa sint, et paullatim filo progrediantur. Sed hae omnes disciplinae medicis eam opinionem praematuram et inconsultam attulisse videntur, ut medicinae studium sola observatione factorum, quae scalpro, reagentibus chemicis et microscopio praeberi possint, in exiguum gyrum, atque angustias concludendum esse arbitrentur,

Hisce ex fontibus haurienda sunt artis ad usum translatae principia; hisce in fontibus, inquam, non in libris excutiendis, volutari quotidie debet medicus, artis vel accuratius discendae, vel amplius proferendae, locupletandaeve studiosior.

Mors non muta est: in qua effulget eloquentia ad commune judicium, popularemque intelligentiam accommodata. Ex ea quidem multa disci, capique praeclara sapientiae documenta possunt, quae, quantacunque negotiorum et curarum mole vitam tolerant homines, bene ac probe intelligunt. At solus medicus mortem non habet pro di-

sciplina et praeceptis, neque veretur. Mors ipso aspectu nulli medico injicit admirationem sui. Solus enim mortem nudam et apertam, ejusque naturam et veram vim contuetur; solus cum ea contendit, ut naturae dissolutionem acceleret. Est vero medici in hac naturae cum doctrina certatione, textibus, qui membrorum partes componunt, lente ac paullatim morbo consumptis, quum diversos apparatus diligenter exquirere, tum inde singulas, quibus affecti sunt, laesiones eruere ac probare. Exinde ad morbi proprias notas, in vivo homine observatas, ab his laesionibus recedens, oportet earum, ut alia ex alia nexa et omnes inter se aptae colligataeque videantur, continuationem seriemque percipiat, et, si non semper, at certe plerumque per synthesin, ex corporis sectione effectam, iterata connexione, morbum de integro discernat et quasi redordiatur. Ne plura: medicus, si diligenter ac religiose praestat officium, ubique debet admirabilem illum consensum atque conspirationem membrorum, illam aptam, convenientemque corporis partium compositionem discindere, et postremo distructam naturae formaeque humanae temperationem et concisam reficere [20]).

Adeamus nunc cum medico tirone theatrum studiorum clinicorum, et loca, ubi artem exercet. Ibi quoque hominem videt quasi ruina incidentis miseriae exanimatum, et persaepe stupet, fortissimum quemque, quum doloris ei faces admoveantur, maxime demissum ac debilitatum horrere et contremiscere. Quid vultis? Sive philosophus, quem cogitatio rerum abstrusiorum absorbet, et a corpore secernit, sive poëta, divino spiritu inflatus, qui nihil aliud carminibus, quam animos a metu mortis abstrahere videtur, sive miles, qui caput suum in proelii dimicatione manifesto periculo sexcenties obtulit, et quisquis, ingenii praestantia atque sollertia insignis, animi nunquam acquiescentis motu agitatur, omnes hi saepe acerbo doloris tempore magis tremebundi apparent, quam infans, vitae inscius, vel homo infelix, labore tantum atque inopia assuetus. Ita medico tironi artis exercitatio, munerisque tuendi studium imponit necessitatem, hominis in humili et abjecto corporis et animi statu videndi, et scrutandi. Quum in medicina cadaver, ex quo tot et tam sanctae res addisci queunt, nihil sit aliud, nisi scalpello anatomico objecta compages corporis: documento non potest esse medico imprimis tironi Mors, quae in se habet praeclara praecepta. Etenim animo ejus semper omnes obversantur humanae infirmitates, omnes vitae corporisque sordes, omnis nuda et tetra deformitas foeditasque mortis, ita ut totam, quam vocant, vitam pro velamine habeat, in quo ista imago fragilitatis inclusa putescit. Itaque, quod est maximi momenti, medicus,

quum semper hominem quasi per vitrum aspiciat, invitus amittit omnia, quae cogitatione sibi depingit, et suavia sensuum mendacia, et splendidas animi praestigias atque glaucomas. Diutiusne puella splendore formae et venustatis oculos medici praestringet, et animum irretiet? Num orator eloquens, qui numero et jucunditate orationis permovet animos omnium et ad se rapit, eo adducet medicum, ut dicentis praestantiam atque ingenium habeat opus Creatoris? Imo etiam se decipi medicus neque patitur, nec, si velit, potest, sed ubique mortem fucata specie corporis tegi sentiet. Quis est igitur, qui non intelligat, medicum ad sua studia et ad muneris functionem oportere animo excelso, magnificoque accedere, ne continua naturae figuraeque corporis investigatione et analysi ante tempus ille tollatur, ut ita dicam, *sensus pulcri et excelsi.* Qui enim sine dubio magis magisque deminuitur perpetua turbarum pathologicarum observatione. Verumtamen, sive sanum hominem contemplamur, sive aegrum, semper inest in animo singularis quaedam *summae perfectionis imago* et species, cogitatione concepta, quam scientia comprehensam habere ac sequi debebat: ea est perfectio organismi et absolutio,—est concentus et quasi collusio vitae constans, alterna, et ad universam totius corporis summam ex singulis partibus conveniens, — est norma, ad quam phaenomena pathologica sunt quodammodo directa, est denique lex, cui parent atque obediunt. Itaque Galenus, sub libri de Anatomia finem, admirabili captus congruentia et compositione membrorum, quae pellucet e complicato humanae constitutionis machinamento, exclamat: „librum hunc esse hymnum in divinitatem.“ [21]) At proh dolor! paucissimi sunt medici, qui in tam sublime fastigium artis venire possunt. Plerique enim aut corporis contentione, quam ad studia et munera quotidie adhibent, vitae perfectam et undique expletam formam ac speciem amisere, aut omnino non intelligunt, viae rationisque analyticae limites esse transeundos [22]). Quotusquisque medicorum invenitur, qui sit ita moratus, ita animo et vita constitutus, ut ratio postulat? qui disciplinam suam non ostentationem scientiae, sed legem vitae putet? Videre licet alios tanta levitate et jactatione, iis ut fuerit non didicisse melius; alios pecuniae cupidos, gloriae nonnullos, multos libidinum servos, ut cum eorum vita et arte mirabiliter pugnet oratio [23]): quod quidem mihi videtur esse turpissimum. Neque enim ullo modo fieri potest, quin istius modi medici studiorum ardore incensi sint, habeantque in se sensum aliquem pulcri et elegantiam, qua sub variis formis ejus, quod est, et in oculos cadit, absolutionis imago perfici, atque ars ad speciei optimae similitudinem dirigi possit [24]). Nam quum totos se conferant ad silvam rerum, corporibus et exteriori vitae parti adjunctarum, comparan-

dam, nihilque observent, nisi phaenomena organismi male affecti, quae mutuo vim exercent in vitae principium, et rerum humanarum miserias, in morbo manifestas, semper conspiciant: facile est intellectu, et liquet, hoc quotidiano aspectu et hac diuturna praeceptione rerum, quae non fictae, sed verae foedaeque visu sint, animum ejus, qui unam experientiam sequitur ducem, vehementissime commoveri, ingeniique aestum, omni mentis agitationi necessarium, comminui oportere. Qui semper foedum videt, postremo sentit foedum et cogitat, neque, quum nihil, nisi corpora in rerum natura esse statuat, a mortali concretione animum abstrahere ullo modo potest [25]).

His vero, quos dixi, finibus perexiguis non continetur vis omnis damnosa scientiae, quae, quum, in tempore opportuniore, suisque auspiciis, humanitatem in medici pectore et caritatem mortalium excitare possit, optimo jure ars vitalis ac paene divina et sit et habeatur. Nam sive medicus explorat hominem, atque examinat in statu sanitatis et in contagione excitantium normalium, quae vitam alunt et sustentant, sive morbo correptum, et vitam in depravatione pathologica perscrutatur: semper et ubique obversatur ante oculos materia et concretio, sensibus subjecta, in qua totius rei ab se indagatae coactus est caussam quaerere. Ut enim toto in organismo vim quandam posuerit, quae indicia et actiones vitae inter se copulet omnesque partes artissimo vinculo et indissolubili colligatione connectat, atque ita principium unitatis vitae explicet, et ut virium, quibus materia obnoxia est, systema quoddam statuerit: tamen elucet, immutationes, quaecunque corporeis organismi elementis partibusque interveniant, maxime sensibus posse percipi, et inter omnes perturbationes, quas illae vires in statu normali subierint, facillime observari. Itaque adducitur medicus, ut observet eam potissimum vitae partem, quae aspectu sentitur, vel omnino in sensus cadit. Ex ea enim praecepta tot et tanta facile capiuntur, ut doctrina quaedam vitae applicanda constitui possit. Sed ejusmodi studium, ab innata quadam animi ad visa sensuum propensione profectum, semper intra terminos valde exiguos increscit et mentem inducit in consuetudinem logicam, quae inclinat ad Materialismum. Etenim duas vias esse ad inquirendam et inveniendam veritatem, auctore Bacone Verulamio, inter omnes constat [26]): „Altera a sensu et particularibus *advolat* ad axiomata maxime generalia, atque ex iis principiis eorumque immota veritate judicat, et invenit axiomata media; atque haec via in usu est. Altera a sensu et particularibus *excitat* axiomata, ascendendo continenter et gradatim, ut ultimo loco perveniatur ad maxime generalia: quae via vera est, sed intentata.“

In hanc difficultatem, dico materialismum, incurrunt non ii tantum, quibus vel scientiae obscuras et abstrusas partes investigare, vel complicatissimas quaestiones persolvere licet per dignitatem ingeniique praestantiam [27]), sed etiam ii, qui artem accipiunt traduntque eam, quae est, neque aliud quidquam contendunt, quam ut eam vel quaestus vel muneris tuendi caussa factitent, itaque in periculum studii, quod praecipue ad phaenomena organismi, in sensum cadentia, conversum est, temere se inferunt. Unde fit, ut inter hujus generis medicos inveniantur gregales et asseclae istius materialismi spurcissimi, qui ne videri quidem gestiunt doctrinam a ratione susceptam, ad artem revocatam, perpetuisque praeceptis ordinatam habere. Quod est, seu quod esse potest, pro eorum prudentia, finem ibi capit, ubi sensus deficiunt, neque diutius suum officium praestare aut volunt aut possunt [28]). Illi profecto nihil, nisi corporeum quiddam et naturale vident; etiamsi eo procedant intelligentiae, ut viam rationis sequantur, qua paullatim orta jam in nobis et procreata excoluntur: tamen in mente humana positam esse opinantur quasi functionem quandam physiologicam, quae tantum pro incremento substantiae nervosae, quae in capitis calvaria continetur, summam efficacitatem exhibeat. Senectus, e contrario, et morbus ostendunt naturam figuramque corporis in ea defectione virium et ruina, ut simul animi functiones debilitatae appareant. Haec igitur praecepta, e curatione et aspectu quotidie capta, eorumque vim in medici animum probe sequentibus nobis liquet, praecipua, addo etiam sola rerum apertarum in oculosque cadentium observatione sensim omitti perdique illud principium, a ratione profectum, et ab omni concretione segregatum, sine quo neque animo sentiri potest, nec mente cogitari. Permultum interest medicorum, quam viam ingrediantur, quoniam majoris momenti quaestio, ad philosophiae partem moralem pertinens, continua studiorum vi in eos, qui hanc aut illam rationem sequuntur, sine dubio implicata est. Medicus enim, si ista via atque vi studiorum non caret, neque stabili et immoto philosophiae CHRISTIANAE principio nititur, conceptam animo non habet verecundiam amoris plenam, mansuetudinem et caritatem, quae dolorem sedat, ac tantopere juvat secundatque effectum scientiae nostrae praestantissimae atque divinae. Doctrina CHRISTI vult et jubet, hominis dignitatem agnosci etiam in infimo miserrimoque societatis gradu, in quo pannis et sordibus obsita toties et dissimulata est. Optimum atque sanctissimum adversus errores sensuum est remedium illa CHRISTIANA religio et doctrina: cujus expers medendi artifex quidem scientiae quaestiones, quae difficiles habeant explicatus, pervestigare poterit, sed brevi honestissimos animi appetitus, celsissimas cogitationes in suo pectore exstingui sentiet. Quum autem

omnes ingenii facultates arto cognationis vinculo inter se junctae sint, et in muneribus exsequendis sibi inter se opitulentur: mens impietatis plena medicum movebit loco, quem tenet, atque in inferius feret, quam pro gravitate et amplitudine officii, quo fungitur.

Nunc accedo ad alteram artis nostrae difficultatem. Est mihi dicendum de *dubitatione* ac *diffidentia*, qua homines tum in medicinam, tum in medicos repleti esse solent.

Homo valetudine affectus a medico flagitat, et flagitandum esse credit, ut dolorem leniat, ut morbum depellat, ut vitam conservet. Huic legi parere, aequo animo libenterque imperata facere, aegrotorum voluntatibus obsequi debet medicus. Et quaecumque vel levatio invenitur doloribus, vel curatio morbis adhibetur: semper exposcunt homines, ut medico res praestanda sit, et rei exitus ad spem respondeat. Hercle sane deploranda et indignissima suspicio insidit omnibus, artem salutarem, a medico factam non modo non efficacem, sed omnino non esse artem, quam vocant, accurate exstructam et ad praecepta revocatam. Pervulgaris illa quidem et inveterata suspicio aliquid habet offensionis [29]). Neque enim unquam mittunt dubitationem, neque medico desinunt contumeliarum aculeos injungere [30]), facereque injurias insanabiles, quae semper ab hominum effrenata lucis cupiditate proficiscuntur. Etiam ii, qui melius animati sunt, quum hominis carissimi mortem complorent, saepe medicum inviti addubitando fodicant. Dum alii docti et literati homines pro pretio laborum consequuntur admirationem, et gratiam merentur aequalium: medici persaepe vident suas contentiones parum intellectas, invidia detrectatas, malignitate et diffidentia pollutas.

Sed non ex uno fonte manat dubitandi obstinatio, quae medicum quotidie mordet et consternat. Etenim nulla facile ars et disciplina plus vel invidiae vel infamiae suscepit, quam vitae adjutrix medicina. Quae primum quidem impatientiae morarum, qua quis in doloribus tenetur, et immoderatae lucis cupidini nunquam satisfaciet. Tum vero sunt etiam pessimi animi motus, in quibus caussa illius suspicionis injuriosae delitescit. Non multi sunt, quorum animus atque constantia impetu morbi non frangatur; invitusque medicus persaepe interest pusilli animi et ignaviae signis, quae doloris faces, morbique ictus aegrotantibus extorquent. At sanitate restituta, dubitando gratiam referunt, ut importuna praeteriti temporis memoria obliteretur. Alii, iique majore numero, scientiae fidem a se non tribui simulant, id quod etiam miserabiliorem animi motum significat [31]). Nempe enim medicina acerbe severa dissolutam vitae disciplinam rigidius astringit, praeceptisque vexat libidinosum, qui omnia ventre et voluptate corporis metitur,

neque aliud quidquam in vita, nisi libidinis expletionem esse opinatur. Ista, credo, intempestiva medici severitas animis vulsorum et delicatorum hominum scrupulos injicit. Nimirum impatientia doloris et formido mortis homini restillabunt verba lecta et splendida, ut beneficio se obligatum dicat, mirificamque medico gratiam habeat. Vix autem, functionibus vitae in integrum restitutis, periculo morboque evasit, quum etiam subtilior exsistit dubitatio, quam novo verbo liceat appellare Scepticismum convalescentiae [32]). Oblivio haec est beneficiorum, quae grati animi speciem induit et personam sibi aptat.

Ingenue confitemur, tantum abesse, ut medicina certa sit, nec errori obnoxia, ut vehementer erret nunc in conjecturis, nunc in ratione, qua morbis humanum genus corripientibus curatio admovetur. Sed quamquam res, in quibus ista duplex nititur diffidentia, sunt ejusmodi, ut in oculos cadant: tamen in hac suspicione communi et ad artem redacta plus libidinis esse patet, quam scientiae. His igitur addendi sunt etiam alii fontes.

Parva fides, quae arti medicae habetur, vetus, usitata et sermone hominum, literisque, ut sic dicam, memoriae tradita est. Omnes et optimi et levissimi scriptores de tristibus nostris conjecturis, dirum quiddam exsibilantes, temere ac maligne verba fecerunt. Num vero ex eorum alucinatione petitum est unum quidem contra scientiam argumentum? Imo etiam verborum disceptatio, logi, acerbae facetiae veram artem nunquam labefactabunt et convellent. Caveant modo illi obtrectatores, ne publice ars nostra pro acceptis injuriis eos ipsos ulciscatur, et damnum beneficiis rependat! Suspicio, quae toties ad medicinam pertinet, excusationem habet impudentiae, qua multi praestigiatores medicorum collegio sese intrudunt. Horum audacia vix ignominiam assequitur et exaequat [33]). Et nobis quidem officium simul studio salutis publicae, simul privatae dignitatis cura impositum est, istum evolutum integumentis artis ac disciplinae nummum adulterinum, nudatumque, in lucem proferendi, quem belle et urbane vocant venditationem scientiae (Charlatanisme). [34]) Hi agyrtae insectorum modo mirum in modum accrescunt; eorum turba referta sunt omnia, et redundant; variis induti formis, figurisque parasitantur. Utinam descripturo mihi homines fraudulentos liceret, rei tristitiam mitigare lenitate verborum! Quidam videntur esse alati more phalaenarum: qui sunt nominibus ornati, et amplissimos dignitatis honorisque gradus adipiscuntur [35]). Cimicibus alii similes humiliter reptant, odore insignes, quibus nihil vilius atque odiosius esse potest. Alii jacent in tenebris, et veluti acari, oculorum aciem fugiunt. Alii denique non modo

se venditant existimationi hominum, sed etiam in arte fulgent, commorantur in atriis exedrisque [36]) et animum observatoris in se convertunt murmure quodam ac strepitu, quem edunt, ut crassi illi scarabaei colore nigricantes et permiris formis conspiciendi [37]). Omnis haec agyrtarum ostentatio defenditur armis impudentiae, sicut Coleoptera élythro corneo, quo a natura obducta sunt [38]).

Medici probi et modesti! vos omnes, qui corporis sanitatem et rem familiarem studio gratificamini, ut, quoad fieri poterit, vobis scientiam et peritiam artis comparetis; qui per totam vitam in nosocomiis aut labore fracti aut artis studio paene immorientes expallescitis, et noctes diesque de difficillimis et perobscuris doctrinae partibus meditamini; qui denique, vobismet ipsi temperantes, vitae dulcedini, societatisque jucunditati renunciatis, et vos ipsi abstinentia et inopia cruciantes, extranea omnia atque humana despicitis: quid, quaeso, et quantum proficietis contentione omni et patientia? Nihil potest, isti fallaces homulli, qui contra omnia Hippocratis et mentis sanae praecepta medicinam usurpant, semper et ubique vobis praeferentur, optime audient, et prae ceteris omnibus enitebunt [39]).

Isti, dubito, num appellandi sint medici, sibi ipsi quidem diffidunt, neque ignorant, quam exigua et quam mediocris sua sit scientia. Verum fide ac pudore destituti, infamia cooperti, existimationem suam et famae celebritatem in amore sui, in fallacia, in hominnm levitate posuerunt. Tanta enim temeritas hominibus innata est, ut levem auditionem pro comperta re habeant. Sed fama, quam proterve sibi vindicarunt, et magna auctoritas, quam sibi cum fronte expudorata sumpserunt, nulla erit, si quid hominum de iis opinioni contrarium acciderit. Quod vero maximam habeat offensionem, addendum esse irascor et furo. Si enim persona exitu curationis, quam adhibuerunt, capiti eorum detracta est, innocentes sincerique artis ministri injustam plerumque et injuriosam, quam nullo pacto meruere, diffidentiam simul subire coguntur. Quid plura? Quaerentibus nobis, cur medico ejusque arti tam saepe parum nihilve fidei ab hominibus habeatur, facile apparet, hujus plebejae pervagataeque suspicionis artificium esse vel in quodam animi motu iniquo, vel in errore collocatum. Verum est, ut aegrotans, exitu morbi adductus, paullo post aliter sentiat, et errorem abstergeat. Sed tamen medicus ante decursum medicationis utraque caussa diffidentiae vehementer impeditur, omni opera eniti, et efficere, ut aegrotatio prospere succedat. Neque cum ementiente verborum superjectione veritatem egredior, quum fide, quam ultro et libenter scientiae

adjungamus, totam corporis naturam et complexionem ad vim atque efficacitatem remediorum, quae ad morbum depellendum adhibeantur, melius praeparari disponique contendo. Nam qui medicinae fidem et vim salutarem ex animo tribuit, is ad morbi usque seu vitae exitum spe quadam tenetur, quae remediorum effectum prosperat, et organismum hominis ad normalem vitae statum dirigit in eoque reponit. At homo difficilis et suspiciosus, qui contra omnia disserit, et a rebus incertis assensionem cohibet, quum infirma valetudine utitur, ad stimulos et impatientiam doloris addit sollicitudinem animi, cruciatur tanquam febrili quadam disserendi subtilitate, urgetur angoribus ac paene conficitur. Nam vitae pericula confingit, et augendo superjacit, eique, si qua sanatio est morbi levioris, jam appropinquare nixus laboriosi videntur.

Itaque medicus, qui, quantum iste animi habitus ad morbi decursum exitumque valeat, experiendo didicit, perniciosum illum, si ita dicere liceat, scepticismum, etiamsi sit in facetiarum scurrilitate dicteriisque positus, in communi consuetudine debet insectari, atque ex hominum animis penitus exstirpare. Quaeritis jam, quomodo id effici possit? Quum medicus optima fide officiis fungatur, et semper salutem communem suis commodis praeferat! Si enim ita sese gesserit, hominibus facile persuadebit, quanto in errore versentur; spe animoque implebit fluctuantes, et sui ipsius et injustitiae, quam immerito pertulit, oblivione permulcebit; aget victor ex inimicorum dolore triumphum iustissimum. Aliter enim sentiunt et agunt isti medicatores a Deo immissi, ut hominum internecionem faciant, ac veri sincerique Meditrinae cultores, qui aegros et verbis et rebus confirmant, solantur, vigilant, sustentant, qui, quum extremo et difficillimo vitae tempore artem nihil valere intelligant, affectos certe, quanta fieri potest caritate, benevolentia, sollicitudine prosequuntur, et curis omnibus ad extremum vitae spiritum venarumque pulsum humanissime levant ac liberant.

Quoniam satis ostendisse mihi videor, quantum medicinae studia in unoquoque genere vitae ad medici mores atque ingenium valeant: consequi videtur, ut ad thesaurum incommodorum molestiaeque, ad *iniquitatem civium*, *ingratosque erga medicum animos* transeamus.

Si officia, studium, labores medici respicis, et quantae muneris ei necessitates obveniant, perpendis: et propter tempus aliorum temporibus reservatum et propter curam ad aliorum aerumnas collatam facile concesseris, eum plus aliis praestare, ideoque dignum esse, cui justus gratusque animus et beneficiorum memoria deferatur. Attamen fructus, quem

ille ex omni officio laboribusque capiat, operae pretium non est; longe alia mercedis est ratio, cum medici contentionibus comparata. Neque ulli facile operi quotidiano, nedum arti, minus gratiae refertur, quam medicinae [40]). Magna vitae parte legibus artis edi scendis dicata, magna fortunarum parte in studio absumpta, scientia denique in examine comprobata, tandem medicus artem suam profitetur, et quaestum pecuniasque ex curationibus suscipiendis ita facturum se esse sperat, ut victum arte sua quaeritare possit. Sed atrae curae eum manent, noctesque insomniis protractae; spe decipitur, votorum non damnatur, fortunam optatis suis non respondere videt. Saepe enim inter primordia laborum curarumque eventu fallitur, adeo ut etiam summa ingenia sibi diffidant, vulgique [41]) fallax et iniquum de se judicium opinione justius esse suspicentur. Qua de re unum satis erit dictum: Holmiam per aliquot annos effusis laudibus virum illustrissimum, Linnaeum, magnifice prosecutam esse, maxima tamen ejus penuria non sublevata, ita ut tantus ille vir facete de se diceret: „Laudatur et alget [42])!" Etsi quibusdam medicis palma defertur patientiae, virtutis, improbique laboris: tamen quot alios invenies, qui, salute desperata, labi demergique coeperint, ac totam per vitam in ea conditione versentur, quae cum studio, cum opera, cum religione eorum nequaquam consentanea esse videatur! Hominum de medici meritis judicium fluxum est, atque incertum, quia vulgus simplicem veramque laudem ab usurpata falsaque discernere nequit. Splendor et nomen saepius praestringit oculos [43]). At sumamus, contigisse medico, ut omnes difficultates, quae in limine artis eum excipiant, fauste feliciterque superentur. Hoc posito et concesso, tamen usus fructusque laborem et molestiam perraro aequant. Primum animus generosus atque ingenuus nunquam concedet, ulla mercede, ne maxima quidem, studium, officia medici, et accurationem in aegris sanandis omni ex parte compensari posse. Etenim diligens medendi artifex ad se sensum aegroti doloremque vindicat, et morbum, ut sic dicam, quasi suum sentit, quo mali vim facilius meliusque minuat, infringat, comprimat. Maxima quidem praemia, quae quis e morbo recreatus persolvit, cum officioso gratoque animo solvere nequeunt. Qui morbum passus convaluit, viresque integras recuperavit, nemini unquam plus debet, quam medico. Haec enim honesta, quam diximus, artis medicae professio pretium omne superat, et gratum insuper animum desiderat, ac requirit. Alii quidem nunquam nimis gratiam, sed semper tantam, quantam maximam animus capere possit, medico referendam esse intelligunt; alii vero, eaque major pars ne agere verbis quidem volunt [44]). Qua re medicus damnum accipit, quod resarciri

nullo modo potest. Homines enim ita morati sunt, ut plenam gratiam habere neque possint, neque cupiant [45]. Quis est, quin pecunia curam non persolvi videat?

Praeterea medici officia, omnibus miseris auxilium laturi, peculiare quoddam studium requirunt. Cujuscumque enim dignitatis honorisve est, tamen opera ejus pauperibus atque egenis potissimum dicari debet. In ptochotrophiis et nosocomiis primam otii sui partem in levando tenuiorum dolore consumit: ex otii vero, temporisque usu res ejus familiaris pendet, et salus familiae. Neque enim licet oblivisci, omnibus fere medicis tempus pro patrimonio esse. Quo quisque plus ponit in arte facienda temporis, eo majores quaestus faciet, eoque locupletior erit. Quid autem, quaeso, ex labore quotidiano, ex tanta sui oblivione percipit commodi atque emolumenti? Saepe nihil, vel si quod honorarium huic muneri tribuitur, quod, ut haec interponam, ab hominibus honoris nomine offerri, neutiquam pro officio debito imponi potest, id plerumque est derisorium ac levidense munusculum.

Fac medicum, nosocomio publico praepositum, ita celebrari, ut multos ex bene nummatis, seu primoribus nanciscatur, qui sanitatem sibi redditam velint, et impendia curationis, egentibus admotae, quodammodo resarciant: tamen concedas, ejus operam, miseris navandam, solo nosocomio finiri non posse. Nam multi homines inopes a portu declinant, qui in nosocomiis patet, eoque auxilio posthabito, medicum, cui maxime fidunt, ad domesticos grabatos acciri volunt: quibus, salva religione fideque, medicus, quamvis plurimis occupationibus distineatur, auxilium denegare nequit, haud secus, ac si maxima praemia exposita essent [46].

Sed utut id est, in enumerandis hoc loco medici incommodis sancte testamur, nos neque tales tantasque curas recusare, neque alios a studio ferendi tenuioribus auxilii avocare voluisse. Imo vero quo magis instat periculum, quo promptioris pauper indiget levamenti; eo libentius celeriusque officium ei praestandum est, quod humanitas ipsaque ars medica imponunt et imperant. Verum hoc auxilio lato, nonne licet quaerere, num tantis curis, tantaeque diligentiae nihil debeatur, quam ingratus ille animus, quo ubique excipitur, aut parva illa gratia, quae artis operosissimae cultoribus quotidie refertur [47]?

Inter morbos perniciales, pestilentiaeque contagia, quae civitates terrore implent, attonitasque tenent, quis, nisi medicus, forti animo constantique pericula subit, quae si vellet, defugere posset, aliosque confirmat et solatur, securum eundemque semper vultum prae se ferens, quamvis ex artis praeceptis bene norit, quibusnam periculis sese offerat? Quaero ego iterum iterumque et rogito, quid sit hujus officii, humanitatis suique oblivionis praemium? Satis scite et prolixe promittunt tempore periculi; quod si, praeterlapsum, sive amotum est, promissa in irritum cadunt. Quum aegri jacent, ait Seneca, medicorum genua tangunt. Omnibus virtutibus praemia ponuntur, praeter fortem animum medici, qui in duris haud unquam deficit. [48])

Hoc vero non satis est. Quo modo se gerit medicus in tumultu et turbine oppidorum, ubi tot, sine ullo ordinis atque aetatis discrimine, homines morbo corripiuntur? Etiam hic saluti communi suam vitam seque ipsum condonat, et prae commodo et valetudine hominum omnia post esse putat. Quidquid ei est fortunarum scientiaeque, id omne hominum incolumitati, generoso libentique animo, devotum est. Si forte nomen invenit, in quo cives spem suam ponunt, nulla est hora diei, qua vacare possit. Aliis enim reliqua vitae curricula vadari cogitur, quum divites pauperesque adjumenta scientiae eodem jure expetant atque desiderent. [49]) Et ille profecto omnibus sine ullo discrimine artis suae beneficium largitur. Sin medicus nondum bene audit, jamque tiro est et animum in tenebris praeparat ad studiorum rationem et suscipiendam et ingrediendam: tota ejus vita atque industria item vel studiis gravioribus, vel arti exercendae dicata est. Numne igitur vobis demirandum videtur, quod veteres corporis curandi artem deorum immortalium inventioni consecratam esse existimarunt?

Denique si medicum vicanum consideras, dies noctesque et eundem invenies iniquitati, votis libidinique aegrotorum obtemperantem. Ibi quoque magna locorum spatia emetitur, coelique asperitatibus sese offert, ut paganis rusticisque morbo laborantibus nonnihil afferat levamenti. Quodsi licet a difficultate et molestia officiorum, quae medico praestanda sunt, abhorrere: viris tamen generosissimis, qui muneris officia religiose tuentur, reverentia quaedam et admiratio minime potest abnui ac pernegari.

Sane ex his omnium virium perpetuis contentionibus, quibus interest quotidie medens, percipi possent perinde crebra sententiis ac praeclara praecepta et documenta, quae ab omnibus facile intelligerentur. Sed omnes, quas animus liberalis e medici officiorum studio capere posset, utilitates in irritum recidunt, et spem fallunt, quoniam ini-

qua, ingrata societas hominum justo minoris caritatem aestimat, qua medicus muneris officia obit, exsequiturque omnia. Quid enim, si etiam viri, ingenio praestantissimi, in eam veniunt opinionem, ut medicinam nihil aliud complecti putent, nisi artem pecuniosam et studia, quae dumtaxat quaestus aut commodi caussa coluntur? Ex studiorum, ad quae medicus incumbit, et laborum, quos liberaliter suscipit, despicientia, obtrectatione ac saepius oblivione ingrati cives tironem cogunt, ab initio vitae publicae sibi ipsi diffidere, de se ipso ac de hominum fide dubitare; cogunt in pejus declinare et ab altissima dignitatis sede, ad quam studia, vigiliae, ipsaque caritas eum evexerunt, descendere; cogunt in transversos tramites aequo promptioris et inconsultae medendi rationis decurrere, quae semper ad agyrtarum vicem, artisque venditationem perducit. Neque eo secius eadem illa civium societas hujus ignominiae pariter consors est, ac medicus, eademque, quae omnia ad utilitatem refert, plus quam dici potest, afferre momenti ad vitam hominum, salutemque periclitandam videtur. Quidquid enim provideri, praecipique animo potest, ista contumeliosa suspicione ad irritum semper redigitur [50]).

Quodsi igitur verus Aesculapii cultor a populo pluris aestimatur; quam qui fraude et fallacia vivunt, et ab inopia et fame, quippe quae sit pessima consiliorum moderatrix, defenditur: omnes securi ab insidiis erunt, quas artis ostentatio et planorum praestigiae tendunt vulgi credulitati. Si vobismet consulere praeoptatis, nihil potius erit, quam medicum e tenebris et silentio in lucem producere, ad dignitatem et honores attollere, observantia et verecundia prosequi. Hujus enim munus sanctum est, quum omnia pro aliis profundat, et, quanti sit hominum vita, haud inscius, de humanitate bene sentiat ac mereatur. Iam audeo dicere, multa esse medicorum vitia, non medicinae. Quocirca si homines in medicinam, quae est res socialis et quodammodo vitalis, justius se, et generosius gererent: major omnibus medicis injiceretur ambitio exsequendi cum majore probitate officii, et melius, humanius, religiosius sentiendi, cogitandi, agendi [51]).

Quodsi jam is sentiendi et agendi modus, quo plerumque homines adversus medicum utuntur, ei bilem et stomachum movet aegreque facit: nunc demonstrandum videtur, quam difficili ratione medicus *suam proximi misericordiam caritatemque cum arduo muneris officio* conjungat.

Misericordia est aegritudo ex miseria alterius, injuria laborantis [52]). Aequitas hominibus innata, et naturalis quaedam animi bonitas dolore discruciatur, quum sentit morbum ac dolores pati alios. Ille sensus, quo quis in se ipsum descendit seque in loco

aegri collocat, partem moralem misericordiae et compassionis constituit: quem sensum ad homines, qui sunt fratres inter se omnes, sublevandos annitentem excitat aliorum dolor sive visus sive auditu compertus. Quid multa? Indolentia est huic sensui contraria, qui ab natura profectus et quasi in naturam versus, caritate benevolentiae et inclinatione voluntatis in alios propendet. Sed tamen aliquid habet in se physicum, ut ita dicam, et corporeum, quod pendet ex natura nervorum, ex ingenii indole, ex corporis temperatione [53]). Haec est illa pars misericordiae, de qua aetas, conditio vitae et tempora aliquid immutare possunt; haec est illa, quam consuetudo et rerum experientia facile obtundunt aut mitigant; haec est illa, quae gravissimum medici munus permagnis circumdat et opplet difficultatibus; haec est denique illa, quae medicum accersit, invitat, perpellit omni aetate, omnibus locis atque temporibus, in vitae rebus maxime variis, ut proximum consoletur, sustentet, levetque molestiis.

Tum constitutio corporis animique natura, tum diuturna affectio vim notabilem habent in compassionem misericordiae. Atque ita temperamentum sanguineum [54]) facillime commovetur et visis cedit, neque potest resistere, sed propter rapidam motuum successionem minime aptum est ad oblatam extrinsecus impulsionem servandam. Temperamentum phlegmaticum modice tangitur, quum sentiendi vi careat, animusque sit mollis ad visa sensus accipienda. Homines ita constituti aequo lentoque animo, neque de se nec de aliis laborant, et in neutram partem moventur. Temperamentum melancholicum facile sentiens est, graviterque pari molestia afficitur, dummodo cogitationes ad unam rem directas evitet, intemperiem tristitiae vincat et quasi ex se ipsum excedat. Misericordia melancholicorum, quos tristes plerumque ac taciturnos videmus, modo repentina animi commotione, ita ut verba tanquam sentiendi vi jactentur, modo natura intractabiliore, interdum etiam excogitationibus atque arbitrio beneficentiae cernitur. Temperamentum biliosum, valde nervosum, facile incitatur et excandescit, possetque facilius misericordia frangi, nisi tam imperiosum esset, tamque impulsum pronumque ad agendum, ut in sensus incitatos animi agitatio et studium agendi dominetur. Ita facti homines sic cogitando et agendo intenti praepropere agunt, ut non possint aut fingere, se esse eos, qui sunt alii, aut miserciordiam tribuere dolori aliorum [55]).

Sed ex eadem etiam misericordiae parte, quae ex corporis natura pendet, emanant caussae, cur unusquisque nostrum sui ipsi dispar sit pro corporis affectione temporali, quae et ipsa ab sexcentis caussis diversissimis, externis et interioribus, corporis

et animi, varia vi et potestate proficiscuntur. Inveniendum igitur tempus est opportunum ad commovendam misericordiam medici, ut non alienum a se statum nostrum putet, ac dolorem leniat. Namque idem homo alius est ante seu post coenam, alius matutino tempore aut vesperi, alius ubi surgit e lectulo aut per diei spatium, alius hieme et aestate, in siccitate, in humecto coelo aut tempestate turbida, aut etiam pro vento, qui flat conseditve. Scilicet enim medicorum non pauci ad id, unde aliquis flatus ostenditur, vela dare consueverunt. Ne plura, visa mentem medici, sensusque acriter et varie pellunt, et animus, sicuti cera, multipliciter imprimitur. Verba quoque aliorum, quae exaudit, eum ita afficiunt, ut aliter aliis horis diei sentiat [56]).

Facile intelliguntur et popularem ad sensum vulgaremque accomodatae sunt magnae et graves difficultates, quae, quoquo eat, ubique medico sese offerunt. Proficiscuntur enim a corporali, ut ita dicam, misericordiae elemento, quo ille pariter praeditus est atque alii homines. Quis est porro, qui non mente comprehendat perpetuas contentiones, stabilem et aequalem animi ad se ipsum intentionem et animadversionem, magnam vim conscientiae, qua agitatur, et scrupulorum angorem, qui animum dignitate muneris expletum stimulat et vexat? Et cavendum semper videtur esse medico, ne de via decedat, quam ipse invitus, animoque coactus iniit, et pugnandum, ut exuat durum jugum, quod ceteris hominibus injunctum est. Omitto hic diuturna, quae toleravit, et cum se ipso et cum aliis certamina; relinquo incommoda, praetereo detrimenta omnia, quae ante cepit, quam votorum compos factus fuerit. Profecto necesse est, incredibili quadam vi atque divina imbutum esse medicum, ne media in pugna labatur et cadat. Miris certe ac summis laudibus mihi dignus esse videtur is, qui diligentia industriaque superavit impedimenta, semper et sine intermissione renascentia, quae viam ejus arduam difficultatibus obruunt ac saepe praecludunt.

At medicus, qui ad miserias hominum sublevandas accitur, non eo debet esse affectus animo, ut rebus praesentibus et undiqne circumfusis molestiis obsequatur. Affectus enim, qui ex rebus ipsis concipitur, ei quidem cum aliis hominibus communis est, communis autem non esse debebat. Praecipue in medico illud deterius et corporale, quod vocamus, elementum, quo altera pars naturae hominum constituitur, tum etiam conticescat oportet, quum alii, corporis incommodis atque doloribus excruciati, auxilium medici implorant. Tum dies noctesque advigilat et quasi in statione est pro genere humano; tum officium muneris ei imponit, pro utilitate ac salute aliorum, plenissimam sui

oblivionem. Sed tantummodo post conatus acerrimos, non sine summa industria contingit medico, ut corpusculi sui voluptates abjiciat, ut domitas habeat libidines, omnesque coërceat cupiditates, ut respuat intempestivam naturae mortalis efflagitationem, ut ingenium emendet, et dignus evadat, qui sancto munere et officio fungatur.

Nunc venio ad locum, qui non esse videtur praetermittendus. Non solis divitibus et opulentis, medici est, arte sua consulere, prodesse, succurrere, auxiliari. Nam apud eos, qui rebus ad cultum delicatiorem necessariis locupletes et copiosi sunt, omnibus curarum generibus magnitudo mali lenitur, minuitur, extenuatur. Quidquid desiderant, et opus sibi esse comminiscuntur, statim suppetit et prae manu est. Sed medico tum maxima clementia praesto esse debet, quum homines miselli omniumque egeni opem et auxilium ab eo petunt et exposcunt. Infima conditio et faex populi plerumque incommodis, damnis et morbis afficitur; omnes inter homines potissimum humili loco natos, tanquam ex solo fecundo, infirmitates enasci videmus; praesertim in valetudinariis contagia serpunt, morbi grassantur et ingravescunt et mirum in modum per ignota capita vagantur. Inter tot tantosque dolores, ingenti auctos incremento, facile intellectu est, medici pietatem et misericordiam interdum hebescere et aequo crebrius omnino exstingui. Cujus rei caussa est, quod tantis malis saepe mederi nullo modo potest. Eique semper et in se ipsum et in aegrum morbumque intendenda cogitatio est, si artem suam constanter insignitam velit illa caritate, sine qua, imprimis in perfugiis pauperum, saepe periculum est, ne ars praeclara degeneret in farraginem quandam experientiae mixtam ex colluvie omnium generum valetudinis [57]). Vel maxime in ptochiis et nosocomiis, ubi plerumque empirici artem faciunt, cavendum videtur, ne, quasi appulsa ad scopulos rationis empiricae, ars nostra depravetur. Quod periculum saepissime amor studiorum scientiaeque obscurat. Vae medico, qui non honestate severa ductus, merae nudaeque experientiae viam ingreditur, quique non elata philosophia morali edoctus, vitam hominum inviolabilem esse nescit. Is enim malum malo addere poterit cum illa lentitudine animi et saevitia, quae longissime abest a rectae voluntatis conscientia et religioso studio officiorum [58]).

Neque quisquam omnis humanitatis expers est, nec sine animi commotione adesse potest doloribus aliorum, nisi forte omnis benignitas ex ejus animo extirpata est. Hominem ex homine exuens naturam odisse videtur. Itaque aspectum sanguinis vulnerumque tremit et horret. Quod explicatur generali partium communione, qua, si una

pars in corpore laborat [59]), omnes ceterae pro positione et nexu male afficiuntur. Sic et singuli homines, natura, genere, organisatione sui similes, totum quiddam constituentes, quum alterum dolere vident, dolore affliguntur. Sed quantacunque vehementia est commotionis, semper et ubique medicus animo praesenti uti debet. Quid enim de aegro fieret, si chirurgus animo trepido atque demisso esset, eodem ipso temporis momento, quum semianima spasmo micat palpitatque membri amputati caro, quum sanguinis per arterias apertas effunditur vis, animaque in eo est, ut edatur? Nonne torpor animi, lentitudo, et ipsa indolentia in hoc extremo temporis vestigio prorsus ad salutem alterius necessaria sunt medico? An forte decet unquam et ornat belli ducem, animo linqui et torpere aspectu caedis, aut propter nervorum valetudinem collabi auditu clamorum et quiritationis, quam saucii et cadentes profundunt? [60]) Sunt mehercle in vita medici tempora difficilia, iniqua, afflictiora, sunt functiones muneris, quibus officii caussa cogitur sibi imperare, animum coërcere et misericordiam comprimere, vel saltem occultare. Vix ab animo impetrare potest, ut audito clamore gemituque aegrorum sibimet ipsi temperet, cohibitoque animi motu, sensus suos trepidantium angoribus, oculos fastidioso aspectu horribilique assuefaciat. Respersus sanguine, quem fecit ex amore officii, et misericordiam ex imo pectore anhelans, vix efficere valet, ut supremo vitae momento, quidquid in se est humanum, molle et mansuetum, reprimat atque restringat. Neque enim secus bene et diligenter exsequi potest munia plena laborum, quae ei sanctum officium injunxit.

Quaerite potius ex iis, qui muneris labores exanclarunt, quaerite ex artis veteranis, quibus vita, molestiis periculisque referta, plurimum venerationis acquisivit, quaerite ex iis, qui nominis famam et gloriam recte et jure consecuti sunt! Aperte confitebuntur, quantum aegris libaverint, quanta tormenta perpessi sint, ut honeste et decore ad sedem dignitatis ascendant, quam virtus optimo cuique servavit. Medicorum laus omnis [61]) in actione consistit. Quaerite, quot horas laborum dolorisque plenas certando cum morte duxerint atque contriverint! Quaerite, quot dies et noctes metu, anxiis curis, afflictatione, aestu, perpetuis vigiliis egerint! Quaerite, quam intenti ad artem faciendam eorum animi fuerint, quam metu suspensi, solliciti, torti! quanta nervorum crispitudine et contentione vix tolerabili, quum graviore morbo ars eorum est opitulatioque requisita, inter spem et metum fluctuaverint! Reposcite ab expertis rationem illius contentionis animi, qua res omnes externas et humanas contempserunt, suique ipsorum obliti cum ardentissimo officii studio artem suam exercuerunt; et interrogate hos viros usu prudentia-

que praestantes, quidnam eorum animos conturbaverit, tum quando cum periculo bonae et tot tantisque laboribus partae existimationis, quae summum bonum in terris est, arte ipsa coacti sunt ultimum idemque anceps remedium ad vitam hominis servandam adhibere! Quid tandem illi respondebunt? imo vero adaperient caput suum calvitio venerabile et augustum; ostendent os suum corrugatum et frontem contractam; monstrabunt corpus labore afflictum, aegritudine debilitatum, praemature incurvum; exponent vobis introspiciendum pectus maerore confectum et (ut dicam, quod res est), vacuum, solutum ac liberum ab omni vitae laetitia, voluptate, deliciis; enarrabunt denique, se nec impensae nec labori pepercisse, ut aliorum fortunis consentaneam cum munere et postulatam ab officio, quo functi sunt, misericordiam, pari molestia affecti, impertiant.

Ex propositis effici cogique potest, ut fere semper tristitia quaedam et animi intemperies artis medicae curiosos experientesque incedat. Unde nunc verba faciam de *malo hypochondriaco*, quo plerique medici laborare solent.

Quotidiana corporis defatigatione, perpetua mentis intentione, frequenti variorum morbi generum aspectu medici animus ita permovetur et postremo concitatur, ut infirmae valetudinis genera quaedam non raro nascantur, quae maximam vim habent in facultates ingenii, illique artis faciendae impedimenta afferunt. Hoc ex eodem fonte fluit hypochondriacum malum, ad quod omnium maxime proni sunt homines medicinae periti. „Nec mirum est, inquit [61]) Iosephus Frank, si notitia morborum, si cura sanandis aliis impensa, si observatio malorum gravissimorum, quae nonnunquam a levissimis caussis proficiscuntur, si exempla subitae mortis, si misericordia ipsa tam saepe medicum hypochondriaco morbo et aegritudine afficiunt“.

Ut alia omittam, jam pridem constat, medicinae studiosos et in hac arte tirones saepenumero sibi videri periculose aegrotare. Hi enim ipsi, utpote qui semper fere ab animo exagitato aegri sint, notas fugacissimas ad signa morbi quodammodo transformari opinantur. Organicae cordis et pectoris affectiones maxime has vanas species, haec opinata et ficta tormenta suscitant. Fervor quidem et robur juventutis facile removet et dissipat praematurum atque inanem metum, quo animi eorum territantur, et constitutio corporis, omni vi et vigore juvenili praedita, mox aegrotationem animi vincit et impedimenta superat, quibus primi gradus jam in via laboris plena et ardua sistuntur. Sed aliter moratus est medicus, qui dimidium fere spatii decucurrit, jamque ae-

tate adulta et corroborata vir inter viros est. Hic omni tempore corpus suum asperitatibus coeli exponit, labore diurno defatigat, ac ne noctibus quidem potest quieti se dare, nec praerigescentes frigore et inedia lassos artus refovere. Hic male et varie nutritus, ad omnes caussas casusque periculorum objectus, (quae ceteri ignorant aut eludere possunt) et onere oppressus, quod suscepit ex caritate, studio, amore hominum, sentit paullatim in pejus verti corporis naturam, viribusque senescere. Addas etiam ingenii contentionem et vigilantiam, inquietum turbidumque animi motum et anxietatem, qua eum miseriae aliorum premunt et turbant; addas tormenta mentis, inter negotia semper acuto ingenio exercenda, aliorumque dolores, qui non modo non arte depelli, verum ne misericordia quidem leniri possunt. Hinc emanat vis omnis et gravitas caussarum, quae medicum insectantur et circumfundunt, hinc elucet, quantis oneribus per totam vitam prematur. Has conditionis suae caussas aut extrinsecus sibi objectas, aut in se habet; quae undique irruentes animum et mentem ejus concutiunt et labefactant, quae saepius eum ab arte exercenda retardant, summisque viam studiorum difficultatibus complent; quae denique faciunt, ut officia medici omnium disciplinarum maxima atque gravissima sint et habeantur. Omnia illa rimantibus vobis, non dubito, quin veri medici juventus, studio et labore depravata, aetas praepropera et ante tempus decrepita, ficti commenticiique timores, quotidiana vitae discrimina obversentur.

Sed, ut longius in dinumerandis medici laboribus progrediar, si metu morbi, limina sua subeuntis, perterretur, si matrem, uxorem, liberos, amicum, et quicunque ei dulcissimi sunt in vita, cum magno suo terrore in periculum commissos, discruciatosque doloribus videt, si unum perfugium, ubi respirare ab hominum iniquitate, et a laborum continuatione conquiescere potuit, si domus, si umbra parietum, si adyta tecti sui infestantur spectaculo, vix quod describi potest: quid de eo fiet? numquid habet, quo ad salutem fugiat? habet, qua fortunae ictus, qui imminent nec propulsari possunt, invictus excipiat? Quid, quaeso, de eo fiet, si omni spe dejectus cognoverit, omnes esse nos ea lege natos, ut omnibus telis fortunae proposita sit vita nostra? Non habet locum, ubi doloris et miseriae vocem mittat; non habet amicum, qui vicem luctumque amici doleat; non habet hominem, quocum cogitationes occultissimas et sollicitudines communicare possit. Profecto enim scientia, pollens alias atque benefica, quippe quae ceteris spem maximam attulerit, medico ipsi inexorabilis et obmutescens omnem speculam praecidit, eumque nefandis spectris et veluti inferno re-

rum futurarum prospectu inquietat. Tenebrae caecaeque nubes et procellae fortunis ac saluti familiae impendent; quocunque animum advertit, obviae fiunt species mortuorum et terricula, quae nocturnam quietem adimunt, e dulci somno excitant, totam vitam dolore corrumpunt, aegritudine et cura contaminant. Quid tandem de eo fiet, si sua arte ipsa, tam aliis salutari, medico id damni apportatur, ut animo prospiciat futuras calamitates, quas *praefinito tempore* accipient ii, quibus ei nihil in terris est dulcius atque pretiosius?

Neque mihi licet jam oculos ab isto formidoloso atque immani aspectu dejicere. Peto igitur, ut verba mea cum bona venia audiatis. Est medico nonnunquam ars dura, crudelis et immisericors. Qua coactus, ubique et omni momento temporis sibi abnegat omnia, quaecunque homini curae sunt, aliisque impertit, quidquid in se est virium atque ingenii. Artis suae victimam se praebet, neque unquam sui juris est. Nihil, neque ullum negotium, aut studium, avocat eum ab arte facienda, qua omnibus modis trahitur ad morbos removendos, ad mala remediis propulsanda, quae ipse fugit, quae ipse extimescit, quae et sibi et suis periculosa devitat. Sed, utut id est, sive auxilia ejus aliquid, sive nihil ad morbum possunt, ars eum cogit, ut invitus quidem testis deses et iners, semper autem beneficus, spectaculo adsit, quod ei maxime tormenta animi acrius excitat, et acerbissimum maerorem atque cordolium contrahit. Haud scio an vitae suorum, suaeque conservandae valetudinis cura sit medico salubris, et apta ad excolendas animi facultates. Semper enim, quum mala instant, hominesque, pro natura et conditione mortali, variis casibus periculisque obnoxii sunt, praesentit omnes dolores, et in animo suo misericordiam adauget, qua ceteri prosequendi sunt. Itaque non absurdum videtur, quod Platoni in votis fuit, necesse esse omnibus deinceps morbis, quibus mederi debeant, medicinae gnaros affici [62]). Recte secusne, equidem existimo, mihique persuadeo, medicos omnes tam in morbis, quam in somniis hypochondriacis oportere ita sibi ipsis imperare, uti de suis malis religiose meditentur, et illam misericordiam, quae aliis impertiri debeat, ad artem quandam accurate fundatam, et ratione constitutam disciplinam redigere videantur.

Postremo restat in priore orationis parte, ut quum medici cupiditates persequar, tum aliquid de ejus *fastu, vanitate et insolentia*, ac de *lucri studio, aerugine* et *sorde* dicam.

4

Omnes quidem homines conniti decet, ut ingenium disciplina quadam conforment et quam maxime excolant. Quo autem gravius est munus, quod cuique delatum est, eo laboriosius debet contendere, ut angustos naturae suae sensus amplificet et eruditione locupletata perficiat. Permagno quidem damno ac detrimento erit, quod physici, chemiae periti, investigatores rerum naturae, et coeli dimetiendi ratione et studio eruditi homines patiantur, vim suam intelligendi, judicandique facultatem de recta via, et veritate deflectere. Nam fieri potest, ut illi, consilium et iter commutantes, quo cujusque ars coli et crescere debet, disciplinae suae multa vera atque utilia subducant, ejusque incrementa morentur. Attamen eae, quas commemoro, disciplinae sunt tanquam adjumenta artis medicae, neque agunt de propria hominis natura et substantia. Qua in disceptatione multo majoris momenti est medicina, quae ars vitae et normali et morbidae consulit. Ea enim dat duplex praeceptum, et coartando vitae orbem et extendendo, ideoque plurimum confert ad conditionem, qua generati sumus a Deo, consequendam. Est igitur apprime gravis et severa disciplina, et communi omnium utilitate excellens. Animo insita est sine doctrina multarum rerum anticipatio, et corporis ad certas res quaedam proclivitas, quarum utraque contemplanti caliginem offundit, et lucem fidemque judicii obscurat. Quam ut frenet atque coërceat, facile intelligitur, quantopere medico pugnandum sit, et quanta semper adhibenda severitas et animi diligentia. In diversissimis locis, caussis atque temporibus, in quibus viri, medicinam facientes, in decursu vitae esse possunt, facile accidit, ut perverso et intemperante unius facultatis omnium ceterarum praepotentis abusu, aut praevalente voluntatis inclinatione, aut inveterata consuetudine rapti, in rationem falsam declinent, et artem suam non recte et legitime exerceant. Sunt igitur, qui, quum externo pulsu imaginum sese facilius moveri patiantur, cogitationis nimia quadam ubertate et luxuria se abstinere debeant. Quae non semper acerrimo doctrinae de rerum natura studio minuitur, sed turbat saepius animum et arcet ab observandis factis, aut a percipiendo connexu, quo facta sunt plerumque inter se copulata. Alii naturalem animi lentitudinem et indolentiam ad usum accommodant, eoque procedunt tarditatis atque segnitiae, ut diem ex die in therapeuticis rebus exspectent, et auxilium in mora esse putent. Alii, semper incerti, quid faciant, feriendi tempus praetermittunt, neque aptum morbo remedium adhibent. Alii contra, sibi praefidentes, tanta sunt audacia, ut, maxime valenti adversus morbos rationi medendi et fortissimis remediis, ubiubi fieri possit, indulgendum esse rati, arsenicum sulphati chininae aut candens ferrum innoxio rubefacienti remedio praeoptent. Quidam denique, quamquam Ioan-

nis Iacobi Rousseau, cui potissimum vincam pervincam in deliciis fuisse constat, mollitiem naturae vellicant et irrident, tamen artis suae vulgaris fundamentum seu certe adjumentum quoddam semper positum volunt in remediis, quae fugiunt aciem integri et incorrupti judicii. Hos quidem praeterit, peti talibus remediis non muscam, sed animal intelligens et rationis particeps, quod uno errore tolli e medio queat. [63]) Ita discrimen vitae in arbitrio medici atque judicio vertitur. At morbus neque vult neque potest morigerari arbitrio hominis, aut temperamenti ad inconstantiam se accommodare, aut ad titubationem scientiae totum se convertere. Medici enim ejusque rationis gra ia ne titivillitio quidem suo cursu deerrat, qua in re *Veritatis* par judicari potest. Apparet igitur id quidem etiam caeco, quot et quanti sint medico labores suscipiendi, ut perniciosa ingenii vitia castiget, ut naturae suae ad falsa et errata proclivitatem comprimat, ut ad pii officii finem assequendum sese accingat et quasi ex se ipse renascatur. Nunc profecto mirandum non esse videtur, quid caussae fuerit, qua re veteres jam duo chirurgos et iatrosophistas, Cosmam et Damianum, [64]) qui Imperatore Diocletiano inclaruere, Sanctorum ordinibus adscripserint.

Omnis veritas mente percepta, omnisque disciplina plane et omnino cogitatione comprehensa, quo quisque est rei peritior, hoc majorem ei laetitiam et voluptatem affert. At medicus etsi et ipse gaudium ex veri contemplatione et usu capit maximum: graves tamen seriaeque veritates, quas naturae ratio et doctrina investigationibus laboriosis sibi acquirit, triste aliquid et tetricum adjungunt ad dolores, quibus oppressum genus humanum ingemiscit. Suo animi affectu reprimitur tota fere illa serenitas atque voluptas, quam ex arte sua percipi prae se fert et profitetur. Hominum infirmitatem atque miseriam, quum alii docti inter studia sua relinquere possint, medicus solus ubique et ante oculos habet, et oculis nostris exponit. Ars enim medendi in eo potissimum consistit, ut vacet incommodis et aegritudini hominum, ut habitum oris lineamentaque observet, ut cordis palpitationem scrutetur, ut statum pathologicum cognoscat, vitaeque legem bene definiat. Quapropter studia, quae doctrina ejusmodi imperat, omnes medicos suo nomine dignos inflammant ardore et afflatu quodam furoris, qui turpes ac probrosos animorum impetus reflectit. Hinc Galeni [65]) praeclarum illud: ὅτι ἄριστος ἰατρὸς καὶ φιλόσοφος. Quae quum ita sint, conquisitissimo soli ingenio licet, reservatumque est, medicinae studium haurire, artem colere artis, non quaestus caussa, non summam tangere, sed optima quaeque et flores ex ea decerpere. Quamquam vero tum ani-

mi candore, tum sincero artis atque officii tuendi studio, tum vera miseriae humanae misericordia medicus plerumque in exercitationibus laboriosis fulcitur: tamen usu venire potest, ut, deficientibus illis caussis, quas commemoravi, aliquando in abjectis animi motibus sese deprehendi, et fortasse etiam in aperto maleficio teneri patiatur. Tum fugit et sollertissimum quemque veritas. Cujuscunque enim rei in contemplatione studium collocatur, nulla ars tantam habet in se vim et auctoritatem, ut ex animis expertorum omnes tenues, angustos et pusillos motus irae atque invidiae tollat et exstirpet. Praeterea sunt alia momenta, quorum vis in medici mores et agendi rationem facilius nosci potest.

Medicinam plerique usu discunt et ita colunt, ut eam ad usum transferant. Quae perraro in inspectione, id est in cognitione et aestimatione, saepius in experientia ponitur, ideoque non contemplativa dici potest, verum ars administrativa. Itaque medici e vulgari genere illam praeclaram disciplinam convertunt in artem sordidam et negotium, cujus de lucro vivunt et usibus rei familiaris satisfacturos se esse sperant. Ex quo exsistit, ut, qui nimis exigue ad calculos vocat omnia, nihil in artis ratione proficiat. Dum enim officia praestat, illiberales et malae cupiditates animi turbant aequitatem.

Huc accedit in praesenti, et pro statu, in quo nunc est doctrina, ut non pauci sine ullo naturae habitu et ingenio sese ad medicinae convertant studium, eique opiniones suas et lucri aviditatem adjungant. Neque enim ulla ex alia, quam quaestus et commodi caussa medicinam exercent. Atqui certe prolapsa ad istam turpitudinem ars et dedecorata coli non potest cum ea dignitate, quam res ac religio postulant. Quodsi omnia, quae in orationis hac parte peranguste refersi, una comprehensione complectamur, haec fere summa est mei judicii: hominum ingratos et iniquos in medicum animos aeque ac ludificationem, qua, quoad fieri potest, ejus laudibus obtrectare conentur, aut artem prodesse negent, plurimum valere ad studia, ad rectos mores, ad tranquillitatem medici. Quae res ejus animum et spem debilitant, eumque saepius, quam pro artis praeceptis, in deverticula medendi abducunt.

Pleraeque cupiditates, quae communi in usu medici animum involant, eoque veritatem obscurant, praecipue a *fastu lucrique studio* proficiscuntur. Eae non tantum disciplinae progressionem tardant, sed etiam arti bene exercendae officiunt. Etsi doctissimo cuique licet operam dare, ut sententiae suae et cogitationis commenta, si quae vera et

certa esse putet, praevaleant, et justos fructus capere ex laboribus, quos e re omnium usuque susceperit: tamen eisdem cavendum est, ne vana de se persuasione in errorem inducantur, aut acutioribus denuo stimulis avaritiae hiantis, et aerugine ignominiosa fodiantur. Haec enim vitia intelligentiam corrumpunt, eamque vel hebetem ad officia administranda, vel artis colendae impotentem efficiunt [66]).

Quicunque in animo nimium sui suspectum ingravescere sinit, ac sibi ipse aram statuit, semper ad eam, qua insanit, sui admirationem refert omnia. An censes, illud satis esse? Imo natura ipsa ad archetypum ab eo mente conceptum se fingere videtur! Sui plenus et, ut sic dicam, sui cogitatione refertus, iisque dumtaxat, quae a se fluunt, fidem adjungens, animi superbi angustiis se ipse includit, vixque oculos dejicit ad labores eorum, qui unam eandemque artis faciendae locupletandaeque viam ingressi sunt, et si quando se summittit ad mensuram collegarum, tamen id, quod alii callent comprehensumque habent, ad intelligentiam ejus, haud secus ac disperditum, sese accommodat. Ut ingenue dicam, pessimus mihi videtur medicus, qui in morbis profitetur se tenere medicinae scientiam, quos curare non potest [67]). Iste nimium amator ingenii sui facile risum movet omnium nimis magna fide, quam conjecturis suis, verborum aucupiis, et rationibus saepe infirmis irritisque tribuit. Quarum futilitas neminem, nisi opiniosum, fallet ac praeteribit. Haec est vera alucinatio, et furor quidam scientiae, qui ex fastu immodico exoritur. Propterea, hic sum ego, inquit Iesaias, arrogantiam atque superbiam loquentem inducens: *hic sum ego, alii omnino non sunt* [68]).

Ceterum nullus medicus nimiae contra se calumniae potest argui. Quorsum haec? ut intelligatis, quantum arti nostrae obsit superbia. Haec enim foeda vis animi, si etiam ornatioris et proba veri cupiditate incensi medici intelligentiam imminuit, et a recto cursu in ambages depellit, quantam, quaeso, vim habebit in virum non ita multis experimentis eruditum, neque prudentia praestantem? Neque quidquam intolerabilius mihi videtur homine, cujus arrogantia non in excellente ingenii bonitate ac sollertia, sed in ostentatione ponitur atque innititur. Is est auritulus jactatione circulatoria rudens. Cujus caeco sui amore infatuati fastidio nihil moderari potest; ars ipsa inservit crudeli eius superbiae. Imponit enim aliis suas opiniones, earumque, si posset, vi omnibus astipulationem eo tantum consilio extorqueret, ut de aliis triumpharet. Quum autem talibus armis uti nequeat, verba dabit, mentietur, de absentibus detrahendi caussa contumeliose

dicet, itaque injuria obtinebit auctoritatem brevissimam. Quid vero fiet de arte ejusque usu? Deflectet in viarum gyros, inexplicabilesque errores.

Quodsi immodica sui aestimatio, cum ingenii dotibus conjuncta, quippe quae sanas interdum et veras notiones detegendis erroribus, discutiendisque captionibus adjiciat, cum arti, tum aegrotis plurimum nocitura videatur: hujus vitii, si inest in animo parum subtili tardeque ingeniato, damnum impendio majus periculosiusque apparet. Tum superbia nihil aliud est, quam sufflatio vanitatis vulgaris. Et quanquam angustiae pectoris non multum nocere possunt arti excolendae, tamen ex iis nonnulli errores oriuntur, qui facile illum, de quo supra diximus, nummum adulterinum quadruplicant, et, ne a verbo longius abeam, in communem usum reprobos asses et bracteatos, circumcisosque dispergunt. Ejusmodi mens facile incidit in alucinationes et somnia, quibus, quum aliter non possit, experientiae vim et consectariam rationis inductionem compensat. Totius negotii caput ac fontem, (ut ait Erasmus), ignorat, divinat, et delirat. Hujus quidem superbia intumescentis ineptiae in vulgus non emanabunt, neque magnum arti detrimentum inferent. Sed si quid habet literulae, et libros conscribit, aut consilia sua, quae ipse nova credit, in commentarios refert: fieri potest, ut medici stipites, qui vera a falsis internoscere non didicerunt, res tanquam igni spectatas a se legi opinentur. Sunt enim, qui verum esse credant, quidquid literarum formis exscriptum, evulgatumque est. Porro quidem isti errores mox oblivione obruuntur per judices doctos, qui acerbam censuram exercent. Sed postquam nugae jam in tenebras reciderunt, unde emergi nunquam debebant: tamen rursus depromuntur ab iis, qui novam doctrinam, a se exstructam, fundare et a critica tutari gestiunt. Atque ita in errore et mendacio ad infinitum perseveratur.

Quum generatim et universe constet exploratumque sit, omnes homines liberali arte vel negotio occupatos, exceptis paucis, suorum commodorum oblitos innocenter agere; tum vero medicos, animo adversus divitias invicto, nihil fere ad suam utilitatem referre profitemur. [69] Neque id mirum videtur. Nam et graviora praecepta, quae ex quotidiana muneris functione percipiunt, et misericordia, civium doloribus concitata, multum ad contemptionem avaritiae animis eorum incutiendam conferunt. Attamen vir ad acuta studia intentus non magis de ambrosia et nectare vivit, quam faber et sellularius. Et, quae sunt ad victum cultumque necessaria, videntur eo magis multiplicari, quo gravior est mentis agitatio, saepiusque lucri studio, cui vix resisti potest, medicum implere. Huic igitur non modo cavendum est, ne perniciosa vi turpissimae cupiditatis se

transversum agi patiatur, verum etiam laborandum, ut artis amore ductus, quae sibi suisque in futurum opus esse possint, saepe omittat ac negligat. Lex quaedam imperiosa, a gravitate officii et a splendore artis profecta, praecipit, ut omni diei tempore pro se vigilet; bonaque ejus existimatio in ea re agitur, ut istam ignominiosam, cujus aculeis quotidie exstimulatur, cupidinem ex animo expellat, et exstirpet. Omnia si perdas, famam servare memento. Est enim in cura et anxietate hominis avari et sordidi, semper de auro suo vel custodiendo vel duplicando trepidi, atque solliciti, vis quaedam occulta, quae citius exsiccat fontem magni consilii. Illud ego quidem assentior Claudiano, [70]) qui avaritiam primam scelerum matrem esse dicit.

Itaque ne viro modesto quidem licet obsequi pecuniae studio. Quo incensus, ipse etiam doctior vir, etsi legitime rebus suis prospicit, neque in tantam aeruginem progressus est, tamen ingenium suum perimit, generosissimas animi contentiones ad nihil redigit, seque ipse morum ruditate ac labe aliqua decoris inquinat. Namque, si venia sit dicto, veritas cum femina conferri potest, quae sola vult virum unice diligere, ejusque animo ac mente potiri. Proinde, ut veritas comprehendatur, necesse est artem ipsam singulari studio amari et in deliciis haberi. Quisquis ita cum literarum tum medicinae studiosum sese praebuit, ejus animus et intelligentia sic tollitur et emendatur, ut prosit omnibus et benefaciat. Is enim, omnibus uno ore consentientibus, est finis officiorum. „Ametis artem animo puro et casto, inquit Royer Collard, talis enim animus, si est in vobis artem facientibus, impertiet vobis omnia, quae vitam beatam reddunt, simplicitatem, rectos mores, abstinentiam, laetitiam et virorum bonorum dignationem, qui est optimus fructus honestatis“ [71]).

Iam satis a me dictum esse videtur de difficultatibus, quae vobis in congressione hominum obstabunt. Sunt eae vel in vobismet ipsis, vel extrinsecus oblatae: quibus saepe non tantum aditus in artis sacrarium intercluduntur, sed etiam effectus studiorum nullus est. Quamobrem, qui ad officia medici exsequenda accedit, is antea debet vires suas scrutari, et altitudinem animi quodammodo expiscari et degustare. Quocirca ipsi quaerite ex vobis, satisne sit in pectore vestro magni animi et caritatis ad labores, qui vos manent, suscipiendos, an potius, re desperata, ex arena discedere malitis. Etenim nolite id velle, quod fieri non potest. Qui ita se ipse perspexit, totumque tentavit, loco cedat aliis, majore cum perseverantia et acriore etiam studio artem auspicaturis. Hos quidem pergam parumper docere, qua via praeclara et singularis ars nostra colenda

esse videatur. Atque haec via, mihi credite, aspera et scopulosa est. Quamobrem venio nunc ad *officia*, medico, ubi dolore et gemitu aliorum ad grabatum accitur, tum demum obeunda.

Duae sunt res, quae adhuc impediunt, quominus medici ad rationem vitae reddendam revocentur.

Primum difficultates, obviae medico in arte sua in usum communem transferenda, ejusmodi sunt, ut, qui non ipse artis peritia instructus sit, curationem recognoscere nullo modo possit. Tum rerum publicarum praefectis magistratibusque nec ulla data occasio est, nec potestas inquirendi [72]), utrum medicus curam et religionem ad officia adhibuerit, an artem suam, cui quidem salus hominum concredita est, improbe ac negligenter fecerit. Itaque permagni refert, ut medicus, nullum praetermittens officii studiique munus, semper vitam suam ad disciplinae praecepta perpendat, et ad certam virtutis rectaeque conscientiae normam dirigat. Semper enim videndum est, ne fraudi sit impunitas a judicio. Quidnam aget probus et honestus artis medicae cultor, objectus in tot ac tantas difficultates, quas eum nulla alia res, quam usus, docuit, et quodam arbitrio libero reddendaeque rationis immunitate insignitus? Ipse vero, secum reputans, quantum periculum in se receperit, non sine aliquo suo timore gravitatem officii recte aestimat, ac rationem agendi et res gestas honestate et juris regula metitur, quae sola potest eum moderari, atque in spatio muneris decurrendo sustinere.

Sed tantae sunt in arte positae difficultates, tamque obscurae et tam difficiles quaestiones persolvendae, ut medicus nunquam satis possit concipere gravitatem officiorum pro magnitudine propositi, ac pro honore muneris. Quodsi vult artis, cui totam vitam dicavit, partes sociales implere, et suae ipsius dignitati, famaeque satisfacere: nihil ei restat, quam ut officiis suis plane ac dilucide cognoscendis, definiendisque studeat.

Quid est officium? Cruveilhier [73]) ait: „Officium viri est honos, est vita pura et integra hominis, est vita proba et honesta conjunctionis humanae, quae, eo praetermisso, languescit, eo neglecto contemptoque dirimitur. Iubente officio, voluntates hominum libidinesque obmutescunt, ac legibus parent; poscente officio, vir bonus paupertatem et vincula praefert improbae nefariaeque prosperitati; imperante officio, miles in statione manet, praesidiumque tutatur, donec mortem occumbit; duce officio, Regulus Carthaginem revertit, ubi suprema parantur supplicia“ [74]).

Primum oportet, medicus nunquam sit quietus artis minister, et quasi apparitor, ejusque erroribus inserviens; quidquid a se sumptum, cogitatum atque confectum sit, id omne ad benefaciendum intendat, et ubique virtutem satis consideratam et circumspectam prae se ferat [75]). Nam si ita se gesserit, artem suam non modo utilissimam efficiet, sed etiam, omnibus vitae vicissitudinibus, hominum iniquitate, invidia et aemulatione perfunctus, portum quendam in animo suo et requiem curarum inveniet. Neque doctus quisquam tam multis et tam variis occupationibus, atque studiis, obrutus est, quam medicus. Deducamus eum ad toros aegrorum, et quaeramus, quae sint ejus officia, exorta ex diversitate rerum vitaeque temporibus. Ea sunt aeque crebra ac difficilia: quae ad id unum tendunt, ut medicinae ad usum translatae efficacitatem confirment, eamque illa dignitate exornent, sine qua non est apta ars ad omnes utilitates, quas praebere debeat, hominesque malo affecti exspectant.

Primum ac summum medici officium est, aegroto, artis auxilium petenti, nunquam deesse aut preces repudiare [76]). Alii quidem docti, qui vitam in studia literarum insumunt, scientiam, opera et lucubratione collectam, licet intra se abdant: flagitare non licet, ut arcana studiorum, in interiore mentis sacrario clausa, patefaciant. Sed medicus est servus omnium; homines sibi asciscunt beneficia, quae ars, ab eo culta, quotidie confert in omnes mortales; ejus auxilium, tempus, sudorem, optimum ingenii florem implorant, requirunt, efflagitant. Etsi leges publicae tacent, et medicinam ita exerceri patiuntur, ut ex scientia quaestus fiat: tamen communis vulgi opinio, quae in ea nihil ponit nisi instrumentum beneficentiae et caritatis, acriorem se praebet judicem, et palam coarguit crimen medici, qui, quum tot ac tanta beneficia tribuere possit, nolit lucem ingenii porrigere civibus. Is profecto nihil religioni sibi habet, qui non optima quaeque ex arte sua libentissime hauriat, eaque in usum communem transferri velit. Hoc quidem est praecipuum jus, quo medicina longe anteit omnibus disciplinis; hoc est signum, quod hujus artis vim et dignitatem maxime illustrat. Quod ne medicus unquam obliviscatur, sed adsit usque omnibus sine ullo discrimine. Omnes enim, quicunque sunt, pauperes infimique pariter, ac divites et potentes, ab ejus aequitate et benefaciendi studio petunt auxilium, doloris medicinam, salutem. Attamen non modo inops et opulentus vel proletarius et nobili loco natus, verum etiam nefarius et scelerosus, quantumvis in omnia flagitia sese ingurgitaverit, quum morbo tentatus medicum accersit, nusquam non ejus auxilio et benevolentia juvabitur. Et quamquam legibus puniri sontes

necesse est, tamen medicus hominem sceleratissimum pro homine habet, eumque benigne tractat. Ubi morbus etiam aliis damnis vitiisque supervenit, et auget miseriam, qua homo perditus laborat: tum demum medici est sanctum officium, omnia, quae triste ac grave munus imperat, in eum deferre beneficia. Homines ad Deum nulla re propius accedunt, quam salutem hominibus dando. Σῶζε, βοήθει, θεράπευσον, senior Cous exclamat [77]).

Deinde opus est medico, morbi phaenomena perattente observare et ita colligere, ut ne minima quidem negligat. Hoc tantum modo et cognosci potest natura mali, quod propulsare aggreditur, et exquirenda sunt indicia, quae ad sanam curationem et judicio rationis innixam perducunt. Etiamsi vero summa perspicacitas et naturale quaerendi acumen eum persaepe a subtilissima investigatione liberaret: tamen utique pronas et secundas aures praeberet aegro, qui semper est multus et verbosus in enarranda serie incommodorum. Modum verborum tenere misero difficile. „Auscultare jam est consolari aegrum; est enim in audiendi ratione aliquid, quod et indicat benevolentiam, et obtinet.“ [78]) Nam aegri facile rentur, medicum, attente et benigne querimonias et lamenta exaudientem, bene secum congruere, et tota mente sibi dolores aegrotationis assumere. Atque haec opinio spem ei et solatium affert. Audiatur cum animi attentione et caritate benevolentiae imprimis pauper oportet: dum enim ditissimus quisque circum se habet animos plerumque amicissimos, quorum miseratio corpus allevat, homo tenuis et egens saepe reperit solum medicum, quocum dolorem et sollicitudinem communicare possit. Quoad medico non contigit, ut aegri voluntatem regat et moderetur, usque adeo fieri non potest, ut morbum devincat. Etenim legibus medici se obligandi repugnantia et taedium, commenta mira, inanes curae et species anxio animo et acerbitate doloris figuratae, injiciunt aegrotanti quandam incitationem nervosam, atque vim conscientia impressam, quae valentissimam medicationem retardat et impedit. Medici expertissimi, inquit Cabanis, [79]) fere semper callent sensus aegrotorum, naturam perspiciunt, latebras, quae in homine sunt, sagacissime exploratas habent, ideoque facilius ex voluntate regunt, leniunt, placant animos, iisque spem certiorem faciunt.

Idcirco medicus ante omnia niti debet, ut aegros miti quodam imperio regat et dominationem quandam in eorum animos et voluntates habeat. Quod efficitur potissimum *clementia et mansuetudine morum*, quae afflictum aegroti animum recreat et confirmat. Ea, ea est caritas et benevolentia, quae neminem a se alienum putat; ea est caussa at-

que fons omnium remediorum, quae ad malum depellendum adhibentur; ea est quodammodo mel purum et dulce, quo calicis ora, succum amarum quidem, sed vitalem continentis, est circumlinenda. Namque homo in morbum delapsus, etsi jam laetitiam percipit e studio eorum, qui ad lectum propius accedunt et, si non veram misericordiam, at ejus certe personam suscipiunt, cumulatur maximo gaudio, quod se ille, in quo spem omnem collocat, medicus vero et intimo animi sensu et amore prosequitur. Hujus quidem curae et humanitatis fontem obstruere videtur quotidianus dolorum aspectus, atque perpetua solatii, infirmis praebendi, necessitas. Et illa naturalis benevolentia saepissime languescit in eorum animis, in quibus ea inest levitas atque mobilitas, ut in quotidiano congressu hominum et commercio nullam, nisi fugacem, quandam commotionem adhibeant. Qua celsior est multoque honestior misericordia, ex officii opinione et pietate profecta, alta et elata, in qua optimum est artis remedium, et virtus digna animo subacto, et verecundia, et pudor. Moneo ego vos, juvenes humanissimi, atque hortor, ut re et facto, non nomine tantum declaretis, eam esse conditionem, sine qua proficere ars et efficax esse non possit. Hoc tam praeclaro sensu affecti vos et tritam vulgaremque medendi viam evitabitis, et praestantissimum animi motum aletis.

Quum medicus stat pugnatque exadversus illas affectiones frequentissimas, quae gnarum artis ad desperationem adducunt, dico illos morbos longos et chronicos, quibus nihil potest, nisi delenimenta doloris et remedia spiritum prorogandi adhibere: tum imprimis ab eo expostulo et requiro, ut artis inutilitatem compenset sollertia atque industria caritatis. Etiam tum, quum morbus extra cancellos egressus est, quos sibi ipsa medicina ad usum translata circumdat, fieri potest, ut artis peritus valde prosit et opituletur miseris, quibus e morbo insanabili certa mors ac brevi futura impendet. Verba ejus blanda atque amantia in anxium aegrotantis animum penetrabunt, in eoque spem alent et fortasse reficient animam deficientem. Sed medico, jam salutem aegri desperanti, maxime cavendum est, ne illa sua lenitudo et mens placida, [80]) quae jacentis animum a dubitatione ad fiduciam revocet, se ipsum abducat in eam obsequentiam, ut in miris desideriis et voluntatibus aegri conniveat. Ita si res sese haberet, medici dulcedo et lenitas esset pro reprehendenda et vituperabili imbecillitate. Nec ferendi sunt ii, qui cum medicis de cibo, potu, medicamentis paciscuntur, quasi quaeratur, quid medico liceat, non quid aegro salutare sit [81]).

Ante omnia igitur, ut medicatio prosit et succedat, consiliis et praeceptis medici pareat dictoque sit audiens aeger oportet. Quod ut assequatur, et aegrum obedientem faciat, medico clementia conjungenda est cum firmitudine animi atque constantia, quae suum in alterum confirmet imperium, et, si usus sit, austerius agat. Ars est sane perdifficilis, voluntatem omnium promerere; sed longe difficilior, hominis valetudine affecti animo et mente potiri, eumque ita quasi praeoccupare, ut non vi coactus, sed aequo animo libenterque pareat, opiniones praesumptas curationi obstantes sibi excutiat, suique amorem deponat. Quamobrem ii, qui praeclaram artem suam non quadam populari trutina, sed aurificis statera examinarunt, ejusque difficultates usu et actione rectius ponderarunt, Lancisi, Baglivi, Vicq d' Azyr, Cabanis, I. Frank, lumina medicinae, postulant, ut medicus sit doctrina et optimarum literarum artiumque studiis ad artem suam exercendam instructus, sermone potens et lingua promptus. Alia ratione nequit sub-suam potestatem quasi subjicere contumaciam, reluctantem aequo saepius voluntatem atque impotentiam aegroti, nec obsequium illamque animi inclinationem elicere, quae medici actionem tam valide adjuvat et tuetur.

Sed medicus, ubi in aegrotantis familiaritatem se insinuavit, seque nomine artis in omnes pectoris recessus abdidit, novum officium sibi imponit. Tum enim opus ei est *summa fide et taciturnitate*, quae commissa omnia et silenda in se includit. Persaepe succedit, ut inter investigandum curandumque in aegri sensum opinionemque penetret, vel arcana callide retegat. Sed intemperantis est, effutire, quod occultari velit. Quis est, quin videat, quantum noxae et intertrimenti gerris et sermunculis immodesta cum aliorum, tum medici garrulitas afferre possit ? Vi quasi coactus, audire arcana vitae familiaris vel, etiamsi dissimulentur, e morbo loquaci recognoscere, medicus in potestatem habet concordiam, tranquillitatem et, quod gravius est, bonam famam familiarum; una voce imprudenter emissa, retectis rebus domesticis, aegrum facile ad angustias incitasque redigit. Gravitas rerum et negotiorum, quae laedi possunt intemperantia medici, satis superque declarat, illi praecepto Hippocratis religiose obtemperandum esse. Tum igitur artis, tum morbi dignitas exigit, ut medicus tacitum teneat, quodcumque taciturnitati concreditur. Primus artis Machaoniae parens, Hippocrates [82]): Quaecunque, ait, inter curandum videro aut audiero, aut, ne ad medendum quidem adhibitus, in communi hominum vita cognovero, ea, siquidem efferre non contulerit, tacebo, et tanquam arcana apud me continebo. Quantam enim existimationis fideique

jacturam medicina faceret, si medicus quisque familiarum fidem deciperet ac frustraretur! Speculator domesticus brevi contemptum sibi publicum contraheret, falleretque spem omnem in arte ipsa positam. Quapropter neque intemperantia medici ulla re purgari potest, neque ingratus animus et iniquus hominum, quo beneficia et generositatem medici exsolvunt, ullam habet excusationem. Medici, qui thalamos et tacta aliena subeunt, ait Cicero, multa tegere debent, etiam laesi, quamvis sit difficile, tacere, quum doleas. Vir itaque limatus moribus, omnique vita expolitus, quum illiberaliter et male habeatur a civibus, et magnas indignitates atque molestias devoret, tamen injurias omnes semper inultas impunitasque dimittit, sibique dat potius crimini, si rerum acceptarum renuntiatione non abstinet! Porro, si quis est argutus et dicax, joca petulantia, sales atque facetias sibi interdicat oportet, ne hominum imbecillitatem carpat dente maledico et proscindat. Medici enim ore enunciata speciem induunt acerbae malignitatis.

Ex contrario vita medici tota in studiis, in cura communis salutis atque humanitate ponitur et continetur. Voluptates ejus, requies, otium, commoditas, vires animi et corporis, omnia sunt semper sanctitati officiorum libanda, et condonanda. Ne famam quidem, qua nihil in vita potius et laudabilius est, tot vigiliis tantisque laboribus partam, in aleam dare dubitat, ut finem omnium officiorum consequatur. Evenit saepenumero, ut quibusdam morbis gravioribus periculosae curationes et ancipites adhibendae sint: si medicus erraverit, in eum recidet morbi exitus, et omnis culpa vertetur; sin autem curatio ex sententia successerit, omnia naturae viribus ingrato animo ascribentur; qua caussa interposita, vacui quidem ab gratia referenda sunt, sed honesta praescriptione rem turpissimam tegunt. Quid vero refert? medico nihil exprobrandum: is enim officio suo perfunctus, et appetitu naturae quodam ad benevolentiam et misericordiam raptus, conscientiae rectae satisfecit, suique et famae suae magno animo et liberali oblitus est. Tum licet homines non eum fructum, quem meruit, retribuant: eorum iniquitatem contemnit ac negligit, appellat et provocat ad justitiam DEI.

Haec omnia sunt officia, medico in via muneris praestanda: in quibus conditio est, sine qua non potest bene facere civibus. Ea sunt sancta: quae quum conscientia recte facti sanxerit, angore fraudisque crutiatu plectitur eum, qui deest suo officio. Haec intime recepta persuasio vitae et actionis est moderatrix et regula, ad quam

judicia rerum dirigentur: quam qui non adhibuerit ad sua munera obeunda, ejus medici vitam inanem, labores cassos, incepta irrita fore contendo. Omnium igitur doctorum maxime medicus, si in officio claudicat, nocere civibus et detrimentum videtur importare. Sed haec haetenus. Adde medici vitam, praestigiis animi et simulationum involucris nudatam. Dum enim ceteri homines, inter se laborum communione sociati, eadem fere sentiunt, pari modo impressione visorum afficiuntur, gaudia alterius gaudent, atque dolent et ipsi flent: medicus caret his vinclis conjunctionis, neque misericordiam sentit, nisi si dolore et gemitu aegroti permotus auxilium ferre properat. Ac sive in aegri cubiculo est, sive in studiis et cogitatione defixus a publicis negotiis se removet, sive quietem nocturnam capit, illa miseriarum imago ad animum ejus ubique refertur. Sed haec satis multa vel plura potius, quam necesse fuit. Posteaquam in universum de officiis diximus, restant singula eaque non minus necessaria, quae ex singulis medici muneribus partibusque oriuntur. Ea quoque sunt omni loco et tempore, artis amplitudinem sat intelligenti restricte observanda.

Primo tangam ulcus medicorum, et vera potius, quam dictu speciosa de officiis *in feminam* servandis dicam. Inter omnes constat, qui aegram curet, esse modestiorem et adhibere plus leporis, verecundiae, cautionis et lenitatis oportere, quam qui virum tentet. Femina viro est mollior et delicatior, animo teneriore, plus sentit, patitur et dolet in morbo, facilius simulacra fugacia captat, et, quum aegrotatio in humum maerore gravi deducit et angit, solatii magis indiget, animique confirmationem desiderat [83]). Praeterea majore perspicacitate et acriore subtilitate judicii praedita, quid deceat, sentit, ac bene intelligit, sincerane fide agat medicus, an personatum animi sensum prae se ferat. Quare ne artis efficaciam minuat, necesse est potissimum is, qui feminam curat, sit vere misericors, quasi adhaerescat in doloribus leniendis [84]) et semper ex imo pectore hauriat verba mitiora et plena amoris, quae non solum ad aures avidas et capaces aegrotae descendunt, sed etiam commovent animum ejus et consolantur. Nam fine suo excideret medicus, qui, quum officii partes in feminam explet, verba daret, et adumbrata fucataque humanitate socordiam, animum durum et indolentiam suam operire studeret. Nempe suaves quidem mulierculae sunt et innocentes, sed tamen artificio simulationis tam eruditae, ut, si quis conaretur decipere, ejus veram opinionem facile integumentis fraudis, fallaciaeque evolverent ac nudarent. Huc accedit, quod earum permultae victum cultumque ad nova exempla et ad hujus aetatis morem compo-

nunt. Quodetsi morbus eas avocat a frivolis rebus saeculique deliciis, in quibus plurimum consumunt temporis: tamen affectus earum liberiores videtur roborare, atque innatum iis, reperiendi in proximis naturae consensus, desiderium augere. Habent igitur medicum pro amico familiari et intimo, cui confidant: quae mira quaedam persuasio fortasse facit, ut nimium sibi tribuere videantur [85]). Utcunque res cesserit, medicus, si modo confidentia earum et obsequio dignum sese praestiterit, fautrices habebit studiosissimas, quarum intemperantia subinde tanta est, ut ad angustias adductus differatur [86]). Qui, dummodo sit officiosa voluntate, moribus facillimis, et grata mollitudine officiorum, semper apud feminas erit gratiosior.

Dominationem, quam saepe medicus in feminarum animos habet, enucleaturis facile apparet oriri potissimum ex quodam animi affectu, qui impellit, ut arti medicae fidem adjungant. Primum in procinctu est, qui corporis vel animi dolorem capiat, facile ad credendum induci. Deinde feminae, si quem amant, eximia caritate diligunt, ejusque incommoda toto pectore contremiscunt: itaque harum de medici vi et potestate opinatio simplex et inhaerens proficiscitur a cura et sollicitudine, qua quum omnes circa se, tum infantes, ab eo sublevatos, amplectuntur.

Quum vera misericordia doloribus veris tribuenda sit: tamen caveat medicus, ne leviter iis credat, quae feminae ex insana cupidine vel ex nimia nervorum teneritate ineptiunt. Commentis ingenii muliebris adhibeatur curatio levis, et apta tempori atque personae. Nolim ego quidem negare, veram et diversissimis formis conspicuam esse affectionem eam, quam vocant malum hystericum: id enim veram nervorum perturbationem indicat. Has commotiunculas insectetur frangatque medicus, oportet, non solum ut, suadente I. Frankio, manus tremulas tranquillet [87]), sed etiam quia veram affectionem constituunt, vitamque feminarum corpore propter nervorum valetudinem collapso insuavem reddunt, ac dolore corrumpunt. Sed tamen hic est ordo phaenomenorum, quae a quibusdam incredibili cum arte et vafritia teguntur [88]). Quorum specie simulant gaudia et lacrimas, dissimulantque amorem, invidiam, aemulationem, simultatem, sexcentosque affectus, quibus vitam earum scatere nescio quo jure dicunt [89]). Is profecto laedit famam suam, artemque traducit, qui vivas istas pupulas emollitas delicatasque cu-

rare conatur. Neque quidquam magis ridiculum est, quam in fatuitates istas muliebres, aetherem, moschum et assam foetidam graviter adhibere.

Primum igitur videndum est medico aegram tractanti, ut cum ea hilari vultu ac voce comi, liberali et blanda loquatur, officiosius diligentiusque agat, et semper, dum visit, caute, continenter et verecunde se gerat. Sancta enim res est feminarum pudor. Quamobrem temperare sibi debet, quominus velamina detegat, quibus amicta est. Tum demum, ubi res est ad extremum perducta casum, medico licet ultimum experiri, et manu explorare. Sit ei praesto semper decentia et mollitudo politioris humanitatis, ut et scrupulos ex aegrotae animo evellat, et ipsius artis dignitatem confirmet. Neque ego quidem interdico, ne levi manu male affecta pars contrectetur. Aliter enim morbi natura saepe cognosci non potest. Sed praecipio etiam atque etiam, ut ne illi curiositati lubricae, quae est semper in viri animo, indulgeatis. Ex qua tiro facile adducitur, ut investigationem, quae pudicitiam muliebrem semper exagitet, praeter rem, necessitatemque necessariam esse censeat. Itaque iis ego medicis assentiri non possum, qui, quum morbum cognoscere student, feminas *nullo sexu* esse opinantur [90]). Qui ita sentiunt, primoribus labris degustarunt artem vere medicam, et extremis, ut dicitur, digitis attigerunt.

Imprimis ad aliquid certi de morbis *puellarum* percunctatione et tactu reperiendum eximia adhibeatur cura et cautio. Tum demum contrectato opus est, quum medicatio requirit. Quandoque medicus puellas affectionibus quibusdam, ut malo hysterico, chlorosi, palpitationibus, quae ex amore impedito, ex desideriis repressis, aut vitiis delictisque consuetudinis plerumque cooriuntur, tentatas invenit; caussae incommodorum mihi manibus videntur indagandae tantummodo cum summa prudentia et omni genere cautionis [91]). Praeterquam quod perraro fit, ut puellae his quaestionibus perspicue et expresse respondeant, medicus, si perperam judicavit, praematuras in earum praecordiis, quas adhuc ignorabant, libidines excitat, vel certe perniciosam curiositatem conciet. Itaque nunquam debet ex ipsa virgine, cujus vitam inhonestam fuisse suspicatur, captiose sciscitari [92]). Sit mater interpres, vel quae ejus vice fungitur. Maxime vero videat in arte hospes, ne interrogandi jure abutatur, neve licentiam curiositatis pro artis praescriptione habeat. Nam arte divina se involventem, explorationi tali se dedere, nihil foret aliud, quam fidem suam et jacentes prodere odiosissime [93]). Ac de eo quidem genere officii, quod omni ex parte in animo ingenuo medici ponitur, satis dictum est.

Nunc de medici *in senem* officio, quid sentiam, perbreviter exponam. Quid est homo senectute confectus? Macie senili tenuatus, omnium functionum languore contabescit, permultarum naturae partium perturbatione laborat vixque spirat, et diversis animi damnis vitiisque hebescit. Omnes hae corporis animique affectiones ob eam caussam videntur magis apparere, quod viri exactae aetatis occultare vires debilitatas non amplius curant. Quae quum ita sint, quid aget medicus? Plerumque fit, ut sensim senis misericordiam deponat, et inscius invitusque ad negligentiam adducatur. Cognati ipsi et propinqui miserum desperant, ac saepius eo procedunt impietatis, ut ei benevolentiae suae signa impertire nolint. Quid ergo? Medicus, praesertim quum ad rationem negligentiae reddendam ab nullo vocetur, si nihil aliud, certe conscientiam sequi debet. Quis est nostrum tam impius, omnisque humanitatis expers, ut senem decrepitum deserat? Quis est aliis occupationibus sic distentus, ut per incuriam suam de hominis vita unum diem detrahi, et mortem maturari patiatur? Una hora poenitentiae et amoris plena sufficit, ut recentiores ajunt, ad totam hominis vitam errore et crimine purgandam.

Senex summum bonum in vita ponit, et immoderata lucis cupiditate flagrat. Itaque, quum naturam et temperationem languescere paullatim, et depravari sentiat, mors ei semper ante oculos obversatur. Sed quamquam usque ad extremum vitae spatium in magno metu est, ne jam urgeat tempus moriendi: tamen natura ita est factus, ut usquequaque tergiversetur, ut frustra quidem, sed spei plenus consilia medici requirat. Moriendum sibi esse sentit, at animam in corpore retineri enixissime vult et concupiscit [94]). Miserum et infelicem hominem! qui, senio paene consumptus, putet fore, ut longaevitas hominibus obveniat! Quae res eum pariter fallit, atque quum viginti annos natus rebatur, posse se facile in vitae curriculo esse fortunatum, ac rebus suis consulere. Profecto, si qua terra esset, ubi mortales diem non obirent, eo senex metu mortis perterritus sese reciperet, ut vita esset sempiterna.

Nunc vero medicus, ab aegro sene accitus, quam agendi rationem ingrediatur necesse est? Facile quidem continget omnia artis auxilia in potestatem habenti, ut aegroto vivendi spem ostendat, ejusque animum occupet. Sed hae sunt partes indignae medico, qui artem suam ac se ipse magni ducit. Satis est, aegro rectum ac fidele consilium dedisse, nisi forte sancto muneris officio medicus sese abdicat, ut sit ipse vetuli cujusdam quasi nutricius. Extrema hominis vita non oportet sit ludibrium medici. Hujus enim

est potius, aegrum, quomodo mortem occumbat, docere, et respectum habere ad illam mortis praesensionem, qua senex pavere videatur. „Placida futurae dissolutionis contemplatio, auctore Burdach, senem attollit ad summum fastigium humanitatis“. [95]) O si aetate grandiores bene intelligerent, qui sit finis vitae! Quod fugit intelligentiae vim et notionem, nemo melius potest, quam medicus, praegrandem natu edocere.

Restat, ut de alia re dicam, qua nihil turpius atque inhonestius fieri potest. Male quidem agunt ii, qui arte obsequiosa nimiam vitae cupiditatem senibus propriam alunt, et augent. Sed accedit ad hanc levitatem etiam flagitii cumulus, ubi ars nostra liberalis in venerem lascivientibus praecanis vetulisque inservit. Inter quos quidem perpaucis satis superest virium, ut rebus venereis operentur. Sunt autem, qui solito majore et singulari quodam libidinis impetu laborent, eoque procedant impudentiae, ut arcana sui dedecoris cum medico communicare haudquaquam verecundentur. Isti fellatores cani, et hircum olentes, taedii nobis, nauseaeque plurimum inferunt. Quod si ita est, medicus nihil aliud quam aegrum commonere debet dignitatis, quae capillis canis debetur. Atque hoc eo facilius efficere poterit, ut corruptam naturam comprimat, quo firmius artiusque medicina cum honestate conjuncta est. Sed ut virtutis dignitatisque humanae defensor esse recuset: tamen ejus officium est, conservandae senis vitae consulere, et eum de periculo lubricae impotentiae [96]) docere. Ita senilem vivendi appetitionem causatus, aegri aures facile impetrabit.

Possum persequi multa impedimenta, quae curantibus affert aetas senilis atque conditio; sed ea ipsa, quae dixi, fuisse sentio longiora. Ignoscetis autem; nam qui medici in senem officia exponit, ei quoque de ejusdem *in homines jam ab arte desperatos* officiis dicendum videtur [97]), quum senectus ipsa sit morbus insanabilis. Crebras corporis affectiones esse concedo, ex quibus fieri nullo modo potest, ut homo convalescat. Nihilo minus medico non licet, auxilium suum subnegare petentibus, quos ejusmodi morbus, arti invius, ad mortem dare properat. Levatio dolorum finis est artis nostrae. Quamobrem dignitas medicinae atque auctoritas non modo consistit in prospero curationis successu, qui saepe blanditur ambitioni artificis, verum etiam in *cura* et *caritate*, qua memor officii medicus aegrum prosequitur. Ubi enim vera est hominis magnitudo, ibi etiam artis nobilitas et splendor. Quicunque aliter sentit de vi atque praestantia medicinae, conferri jure potest cum bucinatore existimationis suae, qui omnium as-

sensu comprobari gestit, plaususque profani vulgi captat et clamores consectatur. Neque enim medico est maculae atque dedecori, confiteri, artem suam haud raro contra morbos immedicabiles nequidquam pugnare. Ex quo exsistit, ejus munia non ita successu curationis, sed potius conscientia recte facti egregie amplificari. Permultum refert, utrum morbus persanari possit, an ab artis perito desperetur. Medicus enim, si recte judicamus, in iis morbis, ad quos efficax adhiberi curatio potest, nihil mihi aliud esse videtur, quam artis instrumentum. Totum contra est in morbis, quos insanabiles esse confitemur: in quibus etiam spectatissimo cuique nihil superest, quam ut remedia petat ex animo suo et effectu misericordiae. Itaque miseris ac desertis non medicamentis, sed consolatione medetur: neque aliter artem suam, futuri exitus insontem, a derisu omnium et suggillatione vindicare potest.

Nonnulli sunt morbi insanabiles, in quibus, si qua curatio cauta et prudens, habita corporis et animi simul ratione, adhibetur, fieri potest, ut artis peritior hominis vitam longius prolatet. Alii requirunt lenia medicamenta, quae quasi blandiantur, aculeosque doloris obtundant. Sunt denique, adversus quos medicina nihil valeat: in his medici partes aliae sunt, sed non peractae. Iam praesentia ejus aegroto est solatio et levationi. Et si is est, quem Lancisi, Baglivi, Ant. Petit, Cabanis, I. Frank, Hufeland medicum esse oportere demonstrarunt, si eo affectus est animo, ut quaudam dominationem atque vim habeat in aegrum: potest profecto, si non opem salutiferam dare, at verbo, gestu, et actione plurimum prodesse, et statum aegri mirabiliter allevare. Quocirca medico, ad morbos insanabiles adducto, propria quaedam officia servanda sunt: quae nunc paucis exponam.

Plerosque, a medico desertos, ad diem usque supremum magna tenet spes recuperandae sanitatis. Quam ne medicus vultu, verbove infirmet, maxime cavendum est. Sit igitur verborum pensitator subtilissimus, ac bene examinet, non tantum quid dicat, interroget et prae se ferat, sed etiam, si aeger satis sit literatus, quid praescribat, ne quid gravem et periculosum morbum esse declaret. Diagnosin per quaestiones auspicaturo semper videndum est, ne invalidus conjectura morbum suum, quamquam omnibus notum, assequatur. Si protenus investigat, anniti decet, ut a suspicione veritatis aegrum versute avertat.

Quibus in morbis, quo minus ars habet in se auxilii et efficacitatis, hoc medicus attentiore animo atque leniore esse debet. Infelix enim, irremediabili malo correptus, etsi solatium et medicinam doloris percipiat ex assiduitate, qua cognati et familiares eum amplexantur, tamen *medici amici* cura et diligentia cumulatissime laetatur. Quis est, quin sciat, quam saepe medicus uno verbo tristitiam aegri relaxarit, metumque depulerit? [98]) Praeclare cum eo agitur, qui tali munere beatus sit, eoque res adversas et aerumnas vitae soletur! Ego vero profiteor, si medicus esse non possim eo consilio, ut interdum sanitatem aegrotantibus reddam, medicum certe me esse etiam atque etiam velle, ut semper aegros invalidosque consoler.

Sed haec a me jam exposita officia non sunt omnia, quae colenda medico sunt diligentissime. Multo est difficilius, interesse in periculis omnium, quam in morbis singulorum. Iamque hic est quaerendum, quomodo se gerat medendi vere artifex in *morbis epidemicis*, quibus afflicti, miseri, jam non salutis spem, sed exitii solatium quaerunt. Neque alibi, quam in pestilentiarum contagione, vera medici virtus spectari potest. Nihil profecto eum, quodcunque est, praeter ipsam luem, in hac turba et colluvione morborum aut potest aut debet de officiis ad salutem civium servandis eximere. In qua officium sanctius haberi necesse est, quam omnia vitae bona, fortunas, famam, familiam. In communi rerum consuetudine, quum jam de civium iniquitate conqueramini, ac merita vestra quotidianosque labores non satis agnosci atque honorari doleatis: quid tandem manet vos periculosissimo tempore contagionis, quo cunctorum oculi in vos conversi sunt, omnisque civitatium spes et salus in arte vestra posita videtur? Simul vero, quum pestilentia incidit, in morbosque perniciales evadit, tempus est judicii sollemnis, quo medici constantia vitaeque devotio, quasi igni perspecta, praeclarius elucebit. Agite dum! boni et spectati hominis est, sic se adhibere in tanto discrimine, ut omnium rerum humanarum contemptione ingratis animis, pericula exhorrescentibus, observantiam inculcet et admirationem injiciat. Fortis est miles in pugna, fortior pater familias in rebus adversis, fortissimus omnium medicus in epidemiis contagiisque, coram acervis demorientium. Etiamsi ars in plenis aleae tam periculosae operibus male procedat, nihilque potis sit ad pestem hominum, cujus caussae, ignotae hominibus, in immensam divinae mentis altitudinem immersae delitescunt: tamen, qui vester in alios amor est, forti estote animo, qui periculis obviam it, confidenterque resistit, ac pro

parte virili decertate cum interitu civium. Tum vero cum ignoratione rei comparata virtus vestra magnificentius enitebit.

Capitis ac fortunae periculum adire pro civium salute, nulla est consuetudo, sed mos, nullum jus, sed fas, nulla lex, sed officium, literis inexstinctis omnium medicorum animis inustum. Hac in artis mortisque certatione, animus et ex ipso haurit sublimes instinctus et generosos, eosdemque divino CHRISTI verbo sancitos, unde quasi nova vi afficitur atque movetur, et per se ipse medicinae cultori cuique sui capitis pro omnium salute vovendi officium injungit, quod tantum non omnes in discrimine contagionis, quod quidem ego aut auditu aut lectiuncula acceperim, libentissime ac religiosissime exsequi summa cum laude praedicantur. Stat ergo, sanctum esse medici officium in morbis pernicialibus vitae suae pro salute civium profundendae, aut saltem virium libandarum omnium. Fieri quidem potest, ut quispiam non sui animi impetu ad tantam sui oblivionem perducatur. Sed, si ita est, fama certe et pudore se impelli patitur, ne a recta conscientia discedat. Ceterum tanta et tam praeclara vitae contemtio non eget statuae monumento, sed suam habet in se ipsa mercedem. Etenim bonus medicus, quippe qui nihil in contagiosa calamitate, quam ultimum artis finem spectet, facile ignavum sui amorem comprimit, civibusque se totum condonans, ad eam animi tranquillitatem devenit, quae pericula subeat spernatque omnia. In ea profecto longe certius quoddam valentiusque remedium est adversus contagia eorumque terrores, quam in cigarettis, quas vocant, camphoratis medici Parisiensis Raspail, aut in chlorata Labarraque.

Illam mortis securitatem, quae maximam in se habet vim medicam in morbis vel epidemicis vel contagiosis, omni opera niti decet medicum, ut in pectora civium, pavore perculsa, infundat. Quidquid igitur de morbo sentit aut conjectat, semper ei *non contagiosus* declarandus est. „Pestilentiam, inquit Senac, etiam si contagionis malique veneni plus haberet, quam vulgo credunt, hominibus persuadeatur oportet, non in alios vulgari.“ [99]) Omnes, quod sciam, scriptores, sive morbum contagiosum esse pro se quisque contendit, sive negat, inter se consentiunt, quum pestilentiae vis eruperit, eam non contagiosam esse declarandam, ut omnium securitatem sartam, tectam integramque conservent. Quare optimi cujusque medici est, eam opinionem quam maxime divulgare, ut animos natura patibili molles, sensuque timoris imbutos confirmet. Ego

vero, si etiam longius procedam, non iniqua postulare mihi videor: qui medicus morbum aliquem graviorem, quam vere est, simulat, is improbe facit, impiusque et nequam existimatur: dicere id ei nefas esse contendo.

Morbis contagiosis et pernicialibus omnes amicitiae et cognationis nodi copulaeque dissolvuntur. Fit igitur plerumque, ut propinqui et familiares, terrore percussi, miserabiles aegros deserant ac derelinquant. Quae si ita sunt, honesta medico mendaciuncula est componenda. Dicat, pervulget opinionem, omnibusque modis disseminet: eos, qui semel magis minusve morbo tentati fuerint, tutos iterum ab ejus impetu fore. Ea, ea una persuasio, scribit Papon [100]) in historia contagionum, permisit, ut nonnulli curarent eadem vi morbi repletos, atque foverent tum, quum ab omnibus etiam proximis deserti erant. Neque solum in morbis, qui, ut variola et febris typhodes, totam in plerisque affectis gravitatem suam et actionem exhaurire videntur, sed etiam in morbis desperatis, omni ope niti oportet, ut falsa illa quidem, sed maxime salutaris de innoxia natura morbi opinio latius diffundatur. Ne plura, quo minus in arte est auxilii atque salutis, eo magis timefacti hominum animi prudentia et caritate medici confidunt. Itaque his in casibus adversis medici ministerium non est functio, neque munus, nec officium, sed, ut sic dicam, sancti hominis sacrificium, ita ut sine ulla veritatis superlatione cultor idemque flamen Meditrinae nominari possit. Salus hominum finis est artis nostrae: quem ut medicus consequatur, nihil praetermittendum est, quod scientia, ars atque disciplina suppeditet. Quae cogitatio molestias hominum omnes extenuat et diluit. Hoc ipso tempore fatali, ubi mors omnibus pavorem affundit, uni medico datum est atque contingit, ut verbo et facto excitet in animis afflictis sensus amoris et honestatis. Neque ei unquam licet, recusare laborem novum, et onus, quod ei res atque pericula imponunt. I. Frank, magni ingenii vir, qui omnia, homini in societatem conjunctionis humanae servanda, officia bene cognovit, libro „de praxeos medicae universis praeceptis" haec memoriae prodenda scripsit: „Medici est, antequam aegros curare, morbisque mederi adoriatur, in sese descendere et exactissimo judicio se ipsum examinare: possitne tanto officio satisfacere, necne? Perpetuum igitur, in quo vita versatur, periculum ei quam maxime intentis oculis, ut ajunt, acerrime contemplandum est. Quum, re bene perspecta, veram voluptatem ex vitae devotione percipi posse intelligit, quumque tantum in se esse virium, atque constantiae sentit, uti totam vitam aliorum saluti condonet: tum demum tempus est agendi, tum ingrediatur oportet viam, et munera officii o-

beat." [101]) Quin agite omni cum vi ingenii, tota cum animi firmitate et constantia! Forti sitis animo et magno inter contagia pestilentiae; et quemadmodum miles intrepidus in loco pugnae stat et contendit, ita summam adhibeatis virtutem, absolutamque omnibus numeris caritatem, in rebus duris et adversis, ubi et regnator omnium *Deus* homines destituisse videtur, et homo hominem derelinquit. Dum morbi mortisque formido legum auctoritatem dirimit, atque omnia conjunctionis humanae vincula divellit: medici est, justum metum abjicere, suum ipsius periculum contemptui habere, omnem humanitatem exuere. Ac si callum obduxerit dolori et misericordiae, omnia morbi signa observat, naturam exquirit, disersas formas internoscit, simulque definit tutamenta curationis et medicinam rationalem. O rem difficilem atque omnium difficillimam! Medico vero, si nonnunquam satis est morbum contagiosum esse negasse, ut aliorum animos tranquillet, nunquam fere potest haec vel persuasio, vel latebra potius, illam securitatem instillare. Qui suarum rerum satagit, et, si opinio est, morbi venenum in alios transire, muneris operam, anxietatem animi, et artis scientiaeque exilitatem posse sibi perniciosam esse intelligit. Verum tamen quidquid arte efflagitatur, id omne libenter perficiendum est. Ideo medicus suam rationem non ducit, sine respectu fortunae, vitae, conjugis liberorumque delectum omnem ac discrimen omittit, nihil curat: in officio perseverat religiosissime. Neque enim unquam periculum, quantumcunque est, dat ullam medico excusationem. Sed hac de re jam satis verborum est.

Denique perstringam medici officium, quod cum magno aegrorum damno non omnes exsequi possunt, omnes cum maximo eorum commodo servare debent. Is enim solus, qui, quid deceat, bene sentit, recte judicat de *medicina morali.*

Corporis ex aliqua parte si quis laboret, esse constat et eundem perturbato animo. Primum quidem id agitur, ut medicus pathologicam affectionem remediis sat idoneis propulset, turbatasque naturae functiones in pristinum statum restituat. Huc mihi ab initio videntur omnia referenda iis, qui dei Epidaurii artem exercent. Sed his finibus non omne continetur officium medici. Praeterea doloris aspectu facile ad misericordiam arte sua dignam adductus, omni opera eniti debet, ut aegrotantis, morbo excitam, inquietem, et maestitiam pellat.

Non omnes morbi habent eandem vim in animum hominis. Quum alii, tum morbi chronici pectoris inveniuntur, in quibus aegrotum saepe recuperandae sanitatis spe

teneri usque ad extremum vitae spiritum videmus. Haud secus est in quibusdam, ut ajunt, affectionibus organicis cordis; quibus correpti homines fere semper de morbo exitiali videntur esse securi, et vultu hilari atque laeto in posterum prospicere. Illa quaedam lascivia observatorem semper obstupefecit. [102]).

Numerosiore etiam frequentia sunt affectiones, in quibus aegri plerumque metuentes vivunt. Animi enim habitus, horum in decursu morborum magis minusve irritatus, si ex male affectis functionibus potissimis aut naturae textibus, partibusque corporis efficiatur: ut verbis aegroti animum permulceat, neminem e natione medicorum nec eloquentia, nec solatio tantum valere, quid est evidentius? Res autem non ita cadit. Est enim aeger statu suo confusus, impatiensque doloris; quid sentiat, anxie commentatur; ad sui ipsius cruciatus excogitandos acutior, vel maximam ex metu mortis, qui cum affectionis in animum vi semper conjunctus est, tristitiam percipit. Generi animantium omni est a natura tributum, ut se, corpus vitamque tueatur, declinetque ea, quae nocitura videantur [103]). Itaque sollertis et ingeniosi medici est, neque hanc partem symptomatologiae pathologicae, neque eam, quae in functionum perturbatione consistit, negligere [104]). Et animi vita, sive psychologica, et vita corporis, sive organica, ut artis medendi scientes ajunt, habent quoddam commune vinculum, et quasi cognatione quadam inter se ita continentur, ut una ad alteram vim habeat [105]). Neque praestitui ullo modo potest, quatenus animi affectione morbus corporis aut ingravescat aut impediatur. Cujus generis facta quamquam diligenter et plane observari cognoscique nondum potuerunt, tamen non est dubium, quin et animus curatione ad corpus adhibita varie moveatur, et natura morbi corporisque affectio vi animi atque motu immutari possit.

Proinde non tantum humanitas exigit, ut aeger consolatione medici in perpetiendo dolore adjuvetur; sed etiam ars ipsa, ab hoc bene culta, imperat, ut animi affecti levatio sit semper gravissima pars therapiae rationalis: seu bene intellexit, quam pium hoc, idemque quam difficile sit munus officii, seu ad id, quod decet convenitque, rationem agendi direxit. Itaque mos erat, ad consilia et remedia, morbo proposita, consolationes, quae dolorem leniant, peramanter adjungere. Sic medici toto corpore curando, minimae etiam parti, si condoluit, medeantur [106]).

Infirmus atque aeger, quo magis praematuram mortem reformidat, eo lucis vitaeque cupidiorem se praebet. Idcirco facile et credit et fallitur. Atque ita succedit, ut

quum assidentes, quae optima ducunt, aegro apte persuadeant, tum imprimis medicus, verba ad consolandum accommodata praescriptis adjungens, in animum ejus sese insinuare videatur. Quod si vel ad artis dignitatem, vel ad artificis commodum sufficit, tamen emanent veri medici ex vero sinceroque erga aegrotum amore solatia oportet. Si modo res ita est, curationi verba suffragantur. Neque enim ejus, qui contra dolorem alterius obduruit, verba in mentes hominum irrepunt, neque spem afferunt, sed inanes soni rerumque inopes ab eo funduntur, animum aegri leviter stringunt, nec dolori, tanquam imagines, resonant. Ars ipsa in plerisque morbis ante tempus conticescit, et auxilia sua exhaurit: ideo ne jam aegrotus consolatione spolietur, cujus indiget. Consolari est diligere: utrumque est medico dignum, qui non parvam omnium sustinet exspectationem.

Primo, ut disperse ac dissipate dictas res unum in locum coartem, praetermittendum medico nihil est, quin sontica aegri conditio relevetur. Deinde morum facilitas, clementia, cura, etiam spes vana adhibenda est, uti vox in aegri praecordia penetret, ac mentem a dolore sevocet. Haec vero omnia, quum in morbis brevioribus desiderentur, tum praesertim in affectionibus, quarum sive prosper, sive exitiabilis exitus praefiniri omnino aut magna ex parte non potest. In his enim vita est hominis suspiriosa, et diuturna doloris continuatio, ita ut dolore dolor mitigetur, et mens, assidue occupata metu mortis, augeat etiam morbi tormenta. sinistris terroribus. Tum quidem saepe permittitur, ut medico liceat recognoscere laesiones, quas arte docta plus valere confitetur. Si res isto modo se habet, maxime cavendum est, ne judicii severitas medici sensus refrigeret, misericordiamque obtundat, neve se ad crudelem negligentiam perducat. Medici quum munus finitur, incipit officium hominis: quod eo libentius praestandum est, quo minus solatii ac spei desolatis hominibus affertur. Etsi voluptatibus dediti immoderatam illam ex ipso morbo captam, quae propria aegri est, vitae cupiditatem fastidiunt: animo sit medico necesse est tam generoso et liberali, ut signa sui amoris, quae prae se fert aegrotus, omittat, ejusque in metu connivendum putet. Medicinae quidem usu longe melior, quam sapientiae studio et philosophia, parari colligique dicitur cognitio naturae humanae. Si in me est hujusce rei ratio aliqua, psychologiam saepe animi quadam pathologia suppleri contendo. Morbus enim quasi vela retegit, quibus vitae mendacia operiuntur: labat ipsa virtus, imbecillitasque omnis nudatur hominis. Quapropter omnibus animi viribus contendendum est, ne scientia humanae miseriae tollat humanitatem, neve piam misericordiam, sinceramque, in acerbiorem dissimulantiam vel in ho-

minum contemptionem convertat [107]). Et medicus, artis vere cultor, quamquam misericordiae sensu aliquando destituitur, tamen semper hominem a DEO procreatum esse censet, ut eum amare pergat.

Habui haec, de medici officiis quae dicerem; ad quae utinam perveniatis, ut ea, quae ex me audistis, re experti probare possitis. Sed restat ultimum officium, de quo nunc paucis exponam. Adhibitis omnibus, quaecunque arti suppetunt, remediis, postquam medicus omnem operam morbo propulsando a se datam frustra consumpsit: urget jam tempus moriendi, venitque hora suprema, qua dissolutionis indicia prorumpunt, et naturae debitum reddi oportet. Omnes enim animantes necesse est e vita excedere, reddendaque terrae est terra [108]). Num vero medici munus jam est consummatum hoc supremo temporis momento, ubi aeger cardine summo vertitur? an restat ei aliquod officium? Restat sane; quod liceat mihi strictim attingere. Dicam de εὐθηνέια in morte et εὐθανασία aegroti. Intendat medicus etiam in extremo vitae discrimine, exitum facilem reddere, ut aeger fidenti animo et aequo paratoque mortem oppetat.

Sunt affectiones corporis, quae necem repraesentant. Aliae etiam sunt frequentiores, in quibus usque ad ultimum vitae sentimus, cogitamus, ingeniique facultatibus utimur. Quo in statu miserabiliore, ubi mors instat, non ingruit, medici est, ad aegri lectum assidere. Quod si non faceret, ignava esset crudelitas; ultima spe miserrimum orbaret. Tanta enim est innata in homine vivendi cupido, ut fere semper eum improvisa mors opprimat. Vivere quidem sentit esse difficile, sed non sentit, fieri non posse, ut vivat [109]). Miserandum hominem et infelicem! Iam animam agens, omnibus nervis connititur, ut degat; oculos natantes convertit in artis peritum, vultu consulit, libenterque subit omnes investigationes, medico necessarias et aptas, e quibus diluceat aegrotatio. Potestne fieri, quaeso, ut medicus, quacunque misericordia movetur, aegrum desperatum deponat? Nullo modo potest. Neque enim medicina lucri aut commodi caussa colitur, sed, si bene sentio, a caritate oritur; neque medicus, quin tempori pareat, recusare potest.

Concedo quidem, non licere medico, multis provisuro, perdiu aliquotve per horas lecto moribundi assistere. Sed quibuscunque distineatur occupationibus atque officiis, superest tamen aliquid temporis, ut misellum liberalius tractet, et compluries die visat.

Moriens unusquisque ita moratus est, ut arti inutilitatem opprobret, medicumque torpedinis arguat. Ea est injuria, quam iis facile ignoscimus, quoniam aeger, spe salutis

ardentior, animique auxius, in artem suspicabilem suspiciosus est, et medico diffidit. Quam ob caussam hoc ipso supremo vitae puncto, quum artem nihil posse videamus, cum animi intentione, benevolentia et caritate certandum est, ut detrimentum reconcinnetur. Id enim decet et honorat medicum, aegrum sublevat et consolatur.

Mortem cum vita commutanti transitus perdifficilis est [110]). Namque ejus non modo corpus saepe dissolutioni reluctatur, verum etiam animus fere intimis sensibus aestuat, et capit angorem, ore et vultu plerumque expressum. Etiam tum medicus necesse est nulla in re moribundum deserat, sed apud eum perduret. Hoc tantum conatu, quamquam frustra capto, medici candor misericordiaeque sinceritas probari potest. Neque enim vanitate remediorum ab officio deterretur, sed omnia censet esse tentanda, quum casu aut forte fortuna lenimentum quoddam inveniatur.

Sunt, qui sensum aliquem felicitatis in morte esse dixerunt, [111]). Nos quidem persuasum habemus, ad exitum usque homines dolere, et ultimum mortis cruciatum vere dolorem, non voluptatem quandam esse arbitramur. Itaque, quanto vehementius aeger laborat, tanto magis, ut transitus in mortem facilior sit, et dolore careat, contendere debemus. Sic misericordia omnis est in medico quasi concorporata.

Qualiacunque sunt signa praenuncia eventus, nunquam licet esse residi et segni, otiosoque eorum spectatori medico. Sed longe alia huic loco difficultas occurrit. Facile enim evenit, ut medicus, si non studio disciplinae aut humanitate, ad incertam, periculosam, ancipitemque curationem adhibendam trahatur, at certe ab aegri familia, in ploratum magnosque luctus effusa, quae hoc quidem in casu medicinam certarum rerum cancellis circumscribi negat. Tum vero tanta firmitate et perseverantia esse debet, ut resistat obtestationibus propinquorum, suique animi motum cohibeat. Ad vivos mulcendos dolores, qui ad ima ossa delapsi fuerunt, aegrumque, si fieri possit, e mortis faucibus eripiendum, sagaci et industrio medico prompta atque potentia non sunt remedia quaerenda, nisi freto indiciis certis. Vel enim veri reperiendi cupiditate quadam, vel caeco languentium amore adductus vir, artis apollineae gnarus, ad disciplinam ditandam excolendamque, tantum abesse oportet, ut omnia experienda esse opinetur, ut multo satius cavendum putet, ne jam prope depositi corpus investigandi studio serviat. Non modo metus, ne naturae dissolutio acceleretur, ab incertis experimentis periculisque faciendis avertit atque deterret, sed etiam officium est, inutili ac fortasse periculosa dolorum

medela supersedere. Anxietati ejus, qui jam corporis vinculis evolat, nolite angorem periclitationis addere, quae semper quidem non sine magno dolore, sed plerumque secus procedat.

Multo severius vetat ratio atque honestas, unum unius horae punctum vitae spatio demi, mortemque maturari. Sunt enim quaedam affectiones, in quibus perquam acerbissimus dolor, corpus animumque terit et exest. Iam sunt adhibita fomenta dolorum omnia, ut flammantes aegri pectoris aestus tollantur; jam omnes querula voce decumbentis flectuntur atque adeo lancinantur vehementissime; jam hujus miseriae, fieri potest, ut sola mors finem faciat. Attamen scelus et maleficium committit, seque magno crimine astringit is, qui paeoniis herbis ac praesente aliquo remedio tantos cruciatus fugare adoritur. Etiamsi leto proximus implorat, ut aliquapiam vi properantia fata maturet; tamen audiendae non esse preces videntur. Neque enim homo quisquam est moderator dierum, nec medentem eo jure donare potest, quo per se ipse caret. Vitam conservare quam diutissime, non dolores morte finire, medici est.

Lobstein, [112]) praeceptor meus, pia mente venerandus, obitum aut moriendi actionem credidit esse actum vitae, qui pro morbi natura suas habeat leges propriamque sui machinationem. Sed ea pars physiologiae pathologicae nondum ita reculta et elaborata est, ut jam signa et praecepta ex hoc statu capi, legesque provideri possint, ad quas curatio dirigenda videatur. Satis igitur habemus cognosse et lenivisse dolorem tum, quum, tota natura jam hominis eversa, spes sanandi ab effectu abhorret. Confugite potius in extremo actu aetatis ad Opium, ut morbo pressus paululum relevetur. Quot opio jam sunt juti, levati e doloribus et desperatione erepti! Hoc enim succo salutari, quod maxime notatu dignum est, quum dolor mitigatur corporis, tum vero animus placatur ac firmatur. Atque laudandum opium est praesertim, quum excessum vitae faciliorem reddat, quumque in morbis arduis vitae statum proferat, quem εὐθανασίαν vocamus. Quod ut efficiat, si medico contigit, de morte triumphatur [113]). Namque opium non tantummodo inanem mortis timorem abigit, sed animum in eum statum disponit, in quo nos quidem eum esse credimus oportere, ut piorum sedem et locum consequatur. Nihilominus hoc validum remedium cum summa cautione adhibendum esse suademus, et semper memoria teneatur illud Wedeli: „Sacra vitae ancora circumspecte agentibus est opium, cymba Charontis in manu imperiti.“ Illud enim narcoticum et soporiferum et torporem quen-

dam efficiens, quum magnam vim habeat in nervos, validos an infirmos, quanquam animam non extinguit, praemature potest, si incaute adhibetur, intelligentiae usum ac sentiendi cogitandique facultatem tollere: id quod maxime subterfugiendum est. Curatio igitur, si opus sit, narcotica tantisper modo adhibeatur necesse est, dum aeger suae mentis compos est, ejusque vires ad usum ingenii conservandum sufficiunt.

Nonnulli auctores quaesiverunt, liceatne medico, si subsit mors inevitabilis, aegrum vitae pericula celare, an hujus rei certiorem facere. Nescio qua ex caussa pridem et longius ab artis phoebeae perito postulandum esse rebantur, ut ipse proximam aegro dissolutionem denuntiaret. Sed credo ego, non esse medici, hoc onus suscipere. Nam officio muneris vetitum est, ne die crisimo, ubi jam in ancipiti res est et inclinatur, depositi hominis ac prope frigidi animum conturbet. In critica etiam morbi accessione, quum extraneus quidam periculum instans enuntiat, aeger non omnem spem deponit. At ore medici pronuntiata haec verba invalidum sic attonare possunt, ut illico a vita discedat. Perpauci sunt a natura ita facti, ut aequo animo nuntium acerbi funeris ferre possint. Qui, quum celatos se de ulla re nolint, a medico ipso certiores de iniqua sorte fieri sine periculo queunt.

Quis tandem rem aegro indicabit? Num pater et mater? an uxor et filius? Imo potius *sacerdos*, veniae divinae interpres, qui sacra procurat et animos regit. Nam homo non modo e corpore constat, verum etiam animo praeditus est, qui in se descendit, noscit se ipsum et loca coelestia, suam patriam, petit. „Mens futura spirare videtur etiam in praesenti, inquit Burdach; ea est vera praesensio immortalitatis. [114])“ Est aliquid in terris, quod omnibus hominum optatis respondet: dico *Religionem* et *doctrinam Christi.* Quare bini quidem animam efflanti [115]) adesse debent: alter, qui corpus quanta maxima ope et opera potest, alter, qui animum atque conscientiam verbis piis ac divinis relevat et confirmat. Tum vero jam hac in vita, ad sacram Domini mensam accedens, oculos convertit in locum, quo ex his vinculis emissus feretur. Ea est vera Euthanasia. Homo enim vita decedit nullo levatus solatio, omni spe destitutus ac paene desperatus, nisi obtutum figit in imagine *Ejus*, qui periculorum vindex est omnium, in *Cruce Servatoris.*

Edidi, quae potui, non ut volui, sed ut me temporis angustiae coegerunt. Non omnia quidem officia expedivi, sed, ut opinor, praecipua, quae si bene exsequi velitis, in-

sculpta in animo medici esse, et ab ingenio emanare oportet. Quae quum vobis, munera aucupantibus proposueritis, constituitote vobis ante oculos etiam artis nostrae difficultates, quae instant, et quo vos cumque verteritis, persequuntur. Nam simul ut aeger a vobis auxilium, levamina et consolationem implorat, nascuntur illico difficultates, officia muneris praestari coepta sunt. Tum demum, quum impedimenta scientiae superaritis, et omnia, quae ars, quae humanitas, quae religio postulabit, bona fide, strenue, religioseque feceritis: omnium nervorum ac laborum, clarissimi juvenes, fructus uberes, diuturnosque capietis. Magnum profecto opus et arduum est, quod suscipere statuistis, difficile munus et operosum, quod dehinc obire parati estis. Hoc unum cogitate, artem ipsam, cui sitis ab hoc die vos, operam studiumque dicaturi, parum in se voluptatis, sudoris multum habere, ac perpendite sancta officia, in vitae perpetuitate vobis servanda. Itaque oro vos iterum atque obtestor, ut etiam nunc vires vestras, ut ingenium, ut voluntatem rectissime dijudicetis, reconditosque animi recessus acriter ac severe scrutemini. Quodsi tantum in vobis esse ingenii, virium atque constantiae intellexeritis, quantum officia requirant: danda vobis opera erit, ut artem tam humanam quam divinam et accurata exquisitaque doctrina, et summa probitate, vitaque pura et integra exaequetis. Quapropter vos ego et hortor, ut ita virtutem locetis, sine qua ars et disciplina esse non potest, ut vita moribusque gratiam promereatis omnium; et moneo, ut in successu curationis nihil modestia et verecundia et pudore praestabilius putetis; et suadeo, ut a timiditate, quae plerumque ex inertia et animi imbecillitate oriatur, atque ab audacia, cujus matrem ignorantiam esse concedamus, pariter longe absitis; et jubeo vos esse inter pericula bono animo atque constanti; et flagito, ne collegas de rebus gravissimis consultare dubitetis. Per ego vos *Deum supremum* oro ac deprecor, omnibusque precibus, paene lacrimis etiam obsecro, ut ex animis odiosum istum invidiae sensum exstirpetis, quae medici famam auctoritatemque maculis aspergit, et artis praeclarissimae splendorem gloriamque infuscat. Adjuvate potius inter vos alius alium in onere, quod recepistis, perferendo; nolite vestro arbitratu in vitam hominum salutemque dominari; cavete decursum morborum ex libidine regatis ac moderemini, ne potentes vos esse naturae existimetis, sed omnia referatis ad *Supremum Numen*, *Ens Entium*, cujus opem atque tutelam, fidentissimo semper animo, invocari, nobis omnibus necesse est. Hoc enim fuit, hoc est, hoc erit *Numen Supremum*, *quod* iter tenebricosum vobis decurrendum lumine suo collustrat, et ab animo, tanquam ab oculis, caliginem dispellit; *quod* adversus molestias omnes, et taedia vitae, mentes animosque firmat, *quod* tranquillat, *quod*

permulcet, *quod* placat, *quod* consolatur; *quod* denique sanctum illum amorem excitat et alit, quo duce per dolores humani generis iter conficietis, atque illud principium aperit, quo substructa est misericordia doloris, observatio decori, alterius in alterum indulgentia, quo timidi confirmantur, quo melior spes afflictis ostenditur, quo ficti aut arcani terrores amoventur, quo justus timor celatur, quo pellitur aegrotorum repugnantia et repudiatio, quo plenum absolutumque medici in aegros paratur imperium, quo caeca quaedam eaque necessaria horum in illos fiducia erumpit, quo tandem medicus in animos mentesque hominum sese insinuat, voluntates eorum dirigit et medicinam *animi*, *cordis* et *corporis* saluberrime inter se jungit atque consociat.

Agite, pergite nunc, juvenes, eadem via, quae vobis patet, pergite ad labores adeundos, pergite, vitam vestram juxta, ac mortem aestimantes. Iacta alea est. Jam in promptu sunt difficultates, jam instant impedimenta, jam minantur scopuli. At etiam in procinctu vobis est animus, bonus et fortis, neque labat, etiamsi divinitus acciderit, ut nonnulli vestrum labore fracti, quasi victimae, oneri succumbant, aut morborum contagione absumpti Morboviam abeant. Satis est, officia pie servasse. Tum itinere confecto, quum poculo laborum faece tenus exhausto, omnia exantlaveritis, praeclara conscientia vestra sustentati, exclamare jure poteritis: „*Bonum certamen certavimus*, *cursum consummavimus*, *fidem servavimus.*“ [116]).

LIBRI ET LOCI ALLATI.

[1]) Cfr. quae sit vera societas hominum. Cic. de amicit. 22.—Finib. III. 30.—de invent. I. 2.

[2]) Senec. de benefic. I. 14. 595: Beneficium, quod quibuslibet datur, nulli gratum est.

[3]) Plutarch. de tuenda sanit.

[4]) Ios. Ghisler, de laudibus medicinae, p. 15.

[5]) Lucas, de fortuna et prudentia med.

[6]) Ghisler, l. allato p. 23.

[7]) Cicero de offic. I. 4. 5.

[8]) Hippocrat. de leg. I. 40. — Cruveilhier, des devoirs du medecin: Lorsqu'il s'agit de la vie des hommes, l'ignorance est un crime, etc. etc. — Plato in Protagora, nisi fallor: Quae actio bona bonum medicum facit? Nonne doctrina et eruditio?

[9]) Cic. de offic. I. 20.

[10]) Cic. Finib. V. 20.

[11]) Cic. de off. III. 28.

[12]) Ghisler, l. all.

[13]) Max. Simon, déontologie medicale, Paris. 1845.

[14]) Cic. Finib. V. 18.

[15]) Cic. Tuscul. II. 26.

[16]) Hippocrat. de decenti ornatu. — Cfr. le chevalier de Mercy, traité d'Hippocrate, des préceptes de la décence,— et Henr. Cope, demonstratio practica prognost. Hippocr.

[17]) Cic. de offic. I. 29.

[18]) Cic. Tuscul. II. 23.—de offic. I. 20.

[19]) I. S. Carl, de decoro medici, von Machiavellischen Thorheiten gereinigt, und nach dem Maaßstab des Christenthums eingerichtet, 1723, p. 46.

[20]) Simon, loco laudato.

[21]) Galen. de theriaca, ad Pison. Aetius sermo 15, 15.

[22]) Hufeland, ein Wort an meine künftigen Herren Zuhörer, Jena, 1793.

[23]) Cic. Tuscul. II. 4.

[24]) Hippocrat. de honestate ed. Matthiae. Gotting. 1740.

[25]) Misopon. Satir. 29: Unius exemplo corrumpi mille videmus.

[26]) Baco Verul. nov. organ.

[27]) Simon, loco allegato.

[28]) Hufeland, loco laudato.

[29]) Simon, l. laud.

[30]) Macrob. Saturn. II. 4.

[31]) Seneca de ira II. 33. p. 54. l. antec. et seqq.

[32]) Senec. de benefic. I. 1. — de Sostris, panegyris medica, p. 5.—Owen. epigr. I. 53. et I. 95.

[33]) Cic. de nat. deor. I. 26.

[34]) Mencken, de charlataneria medica 1747 Erford. Berthold, über die Nothwendigkeit die Arzeneikunst von der Krankheit der Charlatanerie zu heilen. Zürich.

[35]) Montfalcon, dictionnaire des sciences médicales.—Martial epigr. II. 12. Non bene olet, qui semper bene olet.

[36]) Σφραγιδονυχαργοκομῆται.

[37]) Galen. de sectis medicor. interps. Georg. Valla.

[38]) Hallerus: Pessimus doctor is est, inquit, qui nunquam dubitans de suarum opinionum firmitate, neminem inventorum auctorem laudat, neminem adversarium nisi per summam contumeliam citat, et, quod deest argumentis, sarcit animo praefracto et pertinacia. Ita flexibiles discentium animos implet falsis conjecturis atque commentis, et meliorum doctorum contemptu, et naturae, veri, experientiae neglectu. Quo certe hominum genere nihil foedius magisque noxium vel cogitari potest: quibus satis quidem ingenii sit ad vendendas fabulas, sed judicii aut certe veritatis studii non satis, ut verum fabulis praeferre malint. Ignorantia simplex medici multo minus nocet. Ea quidem animos audientium incultos relinquit, malis tamen herbis non inquinat, bonisque seminibus relinquit dociles etc.

[39]) I. B. Montfalcon, diction. d. scienc. med. tom. XXXI. p. 348.

[40]) Heister, apologia pro medicis. — Simon, loco all.

[41]) Phaedr. I. 14.

[42]) Simon.

[43]) Simon.

[44]) Diogen. Cynic. epist. 27: Si convalueritis, nullam gratiam habetis, sed diis habendam profitemini: sin minus, medicos accusatis.

[45]) Simon, l. laud.

[46]) Simon.

[47]) Simon.

[48]) Simon.

[49]) Simon.

[50]) Simon.

[51]) Sprengel, Apologie des Hippocrat. und seiner Grundsätze, II.

[52]) Cic. Tuscul. IV. 8. 18.

[53]) Philosophie morale, par L. E. Bautain, Evêque de Dijon, Paris, 1842.

[54]) Galen. de temperamentis.

[55]) Bautain, libro laudato.

[56]) Bautain, it.

[57]) Simon.

[58]) Simon.

[59]) Cic. de offic. III. 7.

[60]) Bautain.

[61]) I. Frank, pathologie interne.

[62]) Simon it.

[63]) Simon I. 1. p. 14.

[64]) Procop. de Aedif. II. 11. et XI. 6.—Theodoret. epist. 135.—Surius, Act. S. S. 6. 958, et 5. 6. et 5. 365.—Fabric. 9. 68. et 13. 128.—F. Boerner, de Cosma et Damiano, medicinae diis tutelaribus, Helmst. 1747.

[65]) Galen de optimo docendi genere. Quod optimus medicus idem sit et philosophus, interpr. Erasmo Rotter. 1547. Paris. ed. Kühn 1818. — Refléxions philosoph. sur la médecine et le médecin, par Gardanne,

[66]) Laplace, théorie des probabil.—Cerise, fonctions et maladies du système nerveux, p. 464.

[67]) Cic. epist. IV. 5.

[68]) Simon, I. 1. p. 181.

[69]) Descuret, médecin des passions, p. 102.

[70]) Claudian. de laudibus Stilic. II. 111. seqq.

[71]) Royer-Collard, disc. prononcé dans la séance publ. de la faculté de médic. de Paris, le 3. Nov. 1843. p. 31.

[72]) Hippocr. de leg. I. 40. seqq.—Plin. hist. natur. XXIX 1. 525.

[73]) Cruveilhier, des devoirs du médecin, p. 15. 16.—

[74]) Cic. de offic. I. 13.

[75]) M. Anton. IX.

[76]) Seneca, d. vit. beat. 20. p. 359. I. —

[77]) Hippocr. epist. ad Damag. p. 913.

[78]) De Gérando, du perfectionnement moral, ou de l'éducation de soi-même, II. 319. —

[79]) Ibidem, p. 133.—

[80]) Lucas de prudentia medica, p. 7.

[81]) Cels. de medic. II. 16. p. 92. — et 7. praef. 406. — Stentzel, de medico minus duro omnium durissimo. —

[82]) Hippocr. ad Damag. 3. 43. —Ovid. de arte amat. II. 603.

83) Zimmermann, traité de l'experience, III. 123.

84) Hippocr. de honestate, 5. 55.

85) Hippocr. de morbis mulier. interpr. Maur. Cordaea Rhemo, Paris. 1585.

86) Vicq d'Azyr, III. 52.

87) I. Frank, Pathologie interne III. 442.

88) Cerise, sur l'influence de l'absence d'un but d'activité dans la vie des femmes, p. 110.

89) Labruyère, caractères, c. 3. des Femmes.

90) E. Sue, Mystères de Paris, IX. 120.

91) Simon, op. al. p. 240.

92) Claudii Tardy, paraphr. in libr. Hippocr. de virginis morbis.

93) Chrestomath. Hippocrat. edit. C. Pruys van der Hoeven, Hag. 1824.

94) Labruyère, caractères de l'Homme.

95) Burdach, die Physiologie als Erfahrungswiss.

96) Simon, l. l. p. 249.

97) Cels. de medic. V. 26. n. I. p. 283.

98) Simon, p. 317.

99) Lassis, causes des maladies epidémiques, p. 91.

100) Papon, de la peste et des époques mémorables de ce fléau, prof. V.

101) Frank, patholog. interne, II. 373.

102) Aretaei Cappad. VII. 4. p. 110.—Kaehler de caus. Hippocr. et Aretaei Cap. 1834.

103) Cic. de offic. I. 4.

104) Galen. op. laudato.

105) Cabanis, rapport du physique et du moral, VII. mem.—Cic. Tuscul. I. 33.

106) Cic. Tuscul. III. 34.

107) Simon, op. allato, 352.

108) Cic. Tuscul. III. 25.—Horat. carm. IV. 7.

109) Simon, 376.

110) Cic. Tuscul. I. 34.

111) Barthez, nouvelle physiologie de l'homme II. p. 334. — Cabanis, op. all. 190. — Droz, l'art d'être heureux.

112) Lobstein, Anatom. patholog. I. 21.

113) Hufeland, Enchirid. p. 740.

114) Burdach, op. all.

115) Plin. hist. nat. 30. 1.—Triller, apol. pro Hippocr. falso atheismi accusato, 1719.

116) St. Paul. ad Timoth. epist. II. 4. 7.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА 1845—46 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, имѣетъ честь представить краткій отчетъ о состояніи Московскаго Университета за истекшій Академическій годъ.

Въ началѣ учебнаго года произведено было испытаніе желающимъ поступить въ Студенты. Изъ явившихся на испытаніе 255 человѣкъ признаны способными къ слушанію Профессорскихъ лекцій 161; принято безъ экзамена воспитанниковъ и учениковъ: 1-й Московской Гимназіи 24, 2-й Московской Гимназіи 7, 3-й Московской Реальной Гимназіи 1, Московскаго Дворянскаго Института 14, изъ другихъ Гимназій 72, изъ другихъ Университетовъ, Лицеевъ, Медико-Хирургической и Духовныхъ Академій 16; сверхъ того допущены къ слушанію лекцій на правахъ вольныхъ слушателей 29, и Аптекарскихъ помощниковъ 35.

Вообще въ 1845-46 Академическомъ году находилось въ Университетѣ: Профессоровъ и Преподавателей 58, учащихся 922, именно: Философскаго Факультета въ 1-мъ Отдѣленіи 71, во 2-мъ Отдѣленіи 186, въ Юридическомъ 340 и въ Медицинскомъ 325; въ томъ числѣ обучались: на казенномъ содержаніи 101, на благотворительномъ 34, на иждивеніи другихъ заведеній 87, получали степендіи и ежегодныя пособія 33. Кромѣ того, многимъ изъ болѣе нуждающихся Студентовъ дѣланы единовременныя денежныя пособія изъ суммы, собираемой за право ученія

въ Университетъ съ тѣхъ Студентовъ, которые въ состояніи платить по 40 рублей серебромъ въ годъ.

Въ продолженіе минувшаго Академическаго года въ Университетѣ преподавались всѣ учебные предметы, входящіе въ составъ каждаго факультета и отдѣленія, согласно Высочайше утвержденному 26 Іюля 1835 года Уставу, кромѣ Философіи, Восточныхъ языковъ, Технологіи и Архитектуры, за неимѣніемъ преподавателей.

Сверхъ того читали публичныя лекціи: Ординарный Профессоръ *Гейманъ* Технической Химіи, Экстра-Ординарный Профессоръ *Рулье*—Зоологіи, Исправляющіе должн. Экстра-Ординарнаго Профессора: *Линовскій*—Сельскаго хозяйства и *Грановскій*—Сравнительной исторіи Франціи и Англіи до 1625 года.

Отправленному въ 1845 году, по Высочайшему повелѣнію, для усовершенствованія въ наукахъ, за границу, въ Берлинъ и нѣкоторыя мѣста Германіи и Италіи, Кандидату Московскаго Университета *Кудрявцеву*, дозволено провести въ Парижѣ одинъ семестръ, который долженъ быть въ счету двухъ лѣтъ, опредѣленныхъ ему для пребыванія въ чужихъ краяхъ. Находящемуся за границею для усовершенствованія во Врачебныхъ наукахъ, на счетъ суммъ бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи, Доктору Медицины *Дитриху*, которому срокъ пребыванія въ чужихъ краяхъ уже окончился, съ Высочайшаго соизволенія, продолженъ этотъ срокъ до 1-го Сентября 1847 года, безъ производства, за время отсрочки, назначеннаго ему содержанія.

Въ преподавателяхъ и чиновникахъ произошли слѣдующія перемѣны:

Опредѣлены: Ординарные Профессоры: 1) *Баршевъ*—Директоромъ Московскаго Коммерческаго училища; 2) *Зерновъ,*—Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, и 3) *Глѣбовъ*—Ординаторомъ при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ; Магистры: 4) *Катковъ*—Адъюнктомъ для преподаванія Логики и 5) *Соловьевъ*—испр должн. Адъюнкта по каѳедрѣ Русской исторіи. 6) Домашній учитель *Фелькель*—Лекторомъ Нѣмецкаго языка; 8) Титулярный Совѣтникъ *Фурсманъ* и Надв. Совѣт. *Соханскій*—Помощниками Инспектора Студентовъ. 9) Коллежскій Ассессоръ *Ренаръ* — Храните

лемъ Университетскаго Музея; 10) Помощникъ Прозектора *Соколовъ*—Прозекторомъ по Каѳедрѣ Анатоміи человѣческаго тѣла; 11) Правитель канцеляріи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа *Назимовъ*—Совѣтникомъ Правленія, 12) Губерскій Секретарь *Спасскій*—Письмоводителемъ и Бухгалтеромъ факультетской клиники Университета; 13) Капитанъ Платонъ *Огонь-Догановскій*—Экономомъ—Экзекуторомъ факультетской клиники; 14) Помощникъ Ординатора Хирургической клиники *Летуновъ*—Прозекторомъ по Каѳедрѣ Патологической Анатоміи. 15) Докторъ Медицины *Гивартовскій*—Доцентомъ для преподаванія Химіи Студентамъ Медицинскаго факультета; 16) Учитель 3-й Московской Гимназіи *Шестаковъ*—преподавателемъ Латинскаго языка. 17) Занимавшійся на Главной Пулковской Обсерваторіи Астрономъ *Щвейцеръ*, съ разрѣшенія Начальства, приглашенъ для практическихъ занятій на Обсерваторіи Московскаго Университета; 18) Казеннокоштный Лекарь *Орловскій* оставленъ при Университетѣ для практическихъ занятій по Кабинету сравнительной Анатоміи и Физіологіи.

Утверждены: Ординарные Профессоры: 1) *Давыдовъ*—въ званіи Заслуженнаго Профессора и 2) *Крыловъ* въ степени Доктора Правъ. 3) Испр. долж. Профессора *Коровицкій*—въ занимаемой имъ должности. 4) Испр. долж. Экстра-Ординарнаго Профессора *Линовскій*—въ степени Магистра Сельскаго хозяйства и лѣсоводства. 5) Э. О. Профессоръ *Рулье*—въ званіи Члена Московскаго Статистическаго Комитета. 6) Орд. Профессоръ *Рѣдкинъ* и испр. долж. Э. О. Профессора *Грановскій*—Инспекторами надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями.

Уволены: Ординарные Профессоры: 1) *Страховъ*—отъ должности Директора Московскаго Коммерческаго Училища и 2) *Баршевъ* отъ должности Цензора Москов. Цензурнаго Комитета. 3) Э. О. Профессоръ *Рулье*—отъ должности хранителя Музея. 4) Прозекторъ *Шмидтъ* и Лекторъ *Книримъ*—отъ службы при Университетѣ.

За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше награждены: Ординарные Профессоры: *Эвеніусъ и Оверъ*—Орденомъ Св. Анны 2-й ст. Императорскою короною украшеннымъ; Орд. Профессоръ *Брашманъ*—Орденомъ Св. Анны 2 степени; Орд. Профессоръ *Морошкинъ*—Орденомъ Св. Станислава 2-й ст.; Орд. Профессоры *Зерновъ*, *Рѣдкинъ*, *Щуровскій*, *Страховъ* и *Фишеръ*, Прозекторъ *Шмидтъ* и Адъюнкты *Топоровъ* и *Гильдебрандтъ*—Орденомъ Св. Анны 3-й степени. Заслуженный Профессоръ *Давы-*

довъ, Орд. Профессоры *Шевыревъ* и *Чивилевъ*, Лекторы *Куртенеръ* и *Кнпримъ* удостоились получить Высочайшее благоволеніе. Сверхъ того, Орд. Проф. *Чивилеву* объявлено благоволеніе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, а Орд. Пр. *Оверу* и Адъюнкту *Гильдебрандту* признательность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

За выслугу узаконенныхъ лѣтъ Всемилостивѣйше пожалованы: Въ Статскіе Совѣтники: Ординарные Профессоры: *Шевыревъ*, *Рѣдкинъ* и *Армфельдъ*; въ Коллежскіе Совѣтники: Орд. Профессоры *Лешковъ*, *Глѣбовъ* и *Севрукъ*, Э. О. Профессоръ *Рулье*, Адъюнкты *Спасскій* и *Меньшиковъ* и Синдикъ *Захаровъ*; въ Надворные Совѣтники: Э. О. Профессоръ *Гофманъ*; въ Коллежскіе Ассессоры — Бухгалтеръ Университета *Сохансkій*; въ Титулярные Совѣтники — Письмоводитель Медицинскаго факультета *Масловъ;* въ Коллежскіе Секретари, Канцелярскіе Чиновники: Совѣта — *Ларіоновъ* и Правленія *Андреевъ;* въ Губернскіе Секретари — Столоначальникъ Правленія *Девятовъ.*

Награждены знаками отличія безпорочной службы: за XL лѣтъ Начальникъ Университетской Типографіи *Курбатовъ*; за XXV лѣтъ находящійся при счетѣ бумаги въ Типографіи *Ярцевъ*; за XX лѣтъ Библіотекарь *Рихтеръ* и за XV лѣтъ: Орд. Профессоръ *Щуровскій*, Лекторъ *Герингъ*, Помощникъ Инспектора Студентовъ *Зайковскій*, Помощникъ Начальника Типографіи *Тюринъ*, и находящійся при письменныхъ дѣлахъ Типографіи *Смирновъ.*

Согласно Высочайше утвержденному Уставу, въ Факультетахъ и Отдѣленіяхъ въ продолженіи всего Академическаго года, происходили испытанія желающимъ получить разныя учебныя степени и званія, и по удостоенію факультетовъ, утверждены:

1. Въ степени Магистра: Русской Словесности — Кандидатъ Михаилъ *Катковъ* и Русской Исторіи — Кандидатъ Сергѣй *Соловьевъ.* (*).

(*) Означенныя лица написали разсужденія: Катковъ: объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка, и Соловьевъ: объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ.

2. Въ званіи Доцента для преподаванія Медицинской Химіи Студентамъ Медицинскаго Факультета — Репетиторъ по Каѳедрѣ Химіи бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи Генрихъ *Гивартовскій.*

3. Въ степени Доктора Медицины: Вольнопрактикующій врачъ Петръ *Ключниковъ.*

4. Въ званіи Инспектора Врачебной Управы: 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса Младшій Лекарь Николай *Юшеновъ*; Операторъ Рязанской Врачебной Управы Эдуардъ *Фроммеръ*; Коломенскій Уѣздный Врачъ Ѳедоръ *Сабининъ*; Рыбинскій Уѣздный Врачъ Дорофей *Насиловъ*; Состоящій въ Москвѣ Тверской Части Частнымъ Врачемъ и Ординаторомъ при Московской Дѣтской Больницѣ Михаилъ *Гульковскій*; Акушеръ Курской Врачебной Управы Романъ *Ринкъ.*

5. Въ званіи Акушера—Карачевскій Уѣздный Врачъ Леопольдъ *Бриліантъ.*

6. Въ званіи Штабъ-Лекаря: Маріупольскій городовый Врачъ Гавріилъ *Калери*, Тираспольскій Уѣздный Врачъ Иванъ *Скандовскій*, Кадниковскій Уѣздный Врачъ Александръ *Шаровъ*, Ржевскаго пѣхотнаго полка Баталіонный Врачъ Леонардъ *Лобановскій*, Московскаго пѣхотнаго полка Баталіонный Врачъ Петръ *Малининъ*, Кременчугскаго Егерскаго полка Баталіонный Врачъ Петръ *Храбростинъ*, Алексопольскаго Егерскаго полка Баталіонный Врачъ Ануфрій *Лукашевичъ*, Томскій Городовый Врачъ Константинъ *Ливановъ*, Шостенскаго пороховаго завода Лекарь Аврамъ *Кончіоти*; Рязанскаго пѣхотнаго полка Баталіонный Врачъ Сергѣй *Добротворскій*, Верхнеднѣпровскій Уѣздный Врачъ Андрей *Зосимовичъ*, Младшій Ординаторъ Московскаго Военнаго Госпиталя Орестъ *Рудинскій*, Вологодскаго пѣхотнаго полка Баталіонный Врачъ Альфонсъ *Качинскій*, Врачъ Бѣлевской Окружной Лечебницы Василій *Глаголевъ*, Сверхштатный Медикъ Московской Градской Больницы Викторъ *Сандукели*, Врачъ при имѣніи Графини Несіоловской Исидоръ *Юшкевичъ*, Шуйскій Уѣздный Врачъ Козьма *Смирновъ*, Московскій Уѣздный Врачъ Николай *Жаровъ*, Сенинскій Уѣздный Врачъ Кипріянъ *Гринкевичъ*, Бутырскаго пѣхотнаго полка Баталіонный Врачъ Ѳеимъ *Минервинъ*, Бѣлевскаго Егерскаго полка, баталіонный Врачъ Иванъ *Костемеревскій*, Малоархангельскій Уѣздный Врачъ Иванъ *Лавреніусъ.*

Примѣч. Сверхъ разсужденій, представленныхъ помянутыми лицами для полученія званія Штабъ-Лекаря, Членами Медицинскаго Факультета разсмотрѣны еще 32 рукописи Медицинскаго содержанія, переданныя въ Факультетъ изъ Московскаго Цензурнаго Комитета.

7. Въ званіи Лекаря: Окончившій курсъ Наукъ въ Дерптскомъ Университетѣ Густавъ *Форбрихеръ*, иностранные Доктора Медицины Амиль *Массе* и Вильгельмъ *Мюге*, иностранцы Альбертъ *Блясбергъ* и Леонъ *Закъ*.

8. Въ званіи Младшаго Ветеринарнаго Лекаря: Робертъ *Бурсіанъ* и Адріанъ *Жуковскій*.

9. Въ званіи Аптекаря 3, въ званіи Провизора 30 и въ званіи Аптекарскаго Помощника 17.

10. Выданы свидѣтельства на свободное отправленіе въ Россіи повивальной практики 25 лицамъ, подвергавшимся испытанію въ Повивальномъ Институтѣ, учрежденномъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го Іюля 1834 года Положенія, по испытаніи удостоено званія Домашнихъ Учителей и Учительницъ 46.

Кромѣ настоящихъ должностей, слѣдующіе Гг. Профессоры и преподаватели занимались особыми учеными трудами: Заслуженный Профессоръ *Давыдовъ* изготовленіемъ Матеріаловъ для Русской Грамматики во Временной Коммиссіи Императорской Академіи Наукъ; Орд. Пр. *Эвеніусъ* сочинялъ продолженіе Исторіи искривленій человѣческаго тѣла, періодъ съ 1824 по 1837 годъ, помѣщенное въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde 1845 года; Ор. Пр. *Гейманъ* издалъ 2-й выпускъ Общей Химіи приложенной къ заводскому и фабричному дѣлу, 3-й выпускъ печатается; Ор. Пр. *Филомаѳитскій* занимался составленіемъ Руководства при преподаваніи Общей Патологіи, но къ печати еще не приготовилъ; Орд. Профес. *Рѣдкинъ* издавалъ „*Библіотеку для воспитанія*", въ которой помѣстилъ и свои статьи, и началъ печатать третій томъ Юридическихъ Записокъ; Орд. Профес. *Щуровскій* занимался составленіемъ

и печатаніемъ своего путешествія по Алтаю, которое скоро выдетъ и участвовалъ въ изданіи Журнала „*Москвитянинъ*", Орд. Проф. *Шевыревъ* издалъ первый выпускъ Лекцій объ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, и печатаетъ продолженіе того же труда; напечаталъ разборъ Проповѣдей Московскаго Митрополита Филарета и другія крититескія статьи въ Журналѣ „*Москвитянинъ*", — и жизнь Рафаэля въ „*Библіотекѣ для воспитанія*". Орд. Проф. *Северукъ*—Анатомико-Физіологическія, Анатомико-Патологическія и Медико-Практическія замѣчанія и наблюденія свои отчасти помѣстилъ въ Университетскомъ Отчетѣ за минувшій 1845 годъ, а большую часть таковыхъ трудовъ передалъ Медицинскому Обществу Практическихъ Московскихъ Врачей, которыя и будутъ помѣщены въ Журналѣ, издаваемомъ отъ означеннаго Общества. Орд. Профессоръ *Глѣбовъ* помѣстилъ въ Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou Микроскопическія излѣдованія мягкихъ частей найденнаго въ Сибири Мамонта. Э. Орд. Проф. *Рулье* помѣстилъ нѣсколько статей въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*": 1) О новыхъ Геологическихъ и Палеонтологическихъ Экскурсіяхъ въ окрестностяхъ Москвы, 2) О животныхъ Московской Губерніи, 3) Два разрѣза почвы Московской Губерніи; 4) Первый отдѣлъ объясненія къ этому разрѣзу, со многими рисунками, въ Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou. Э. Ор. Профес. *Бодянскій* помѣстилъ въ Журналѣ „*Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*" нѣсколько своихъ и переводныхъ статей, именно, изъ первыхъ: 1) О поискахъ своихъ въ Познанской Публичной Библіотекѣ и 2) Объ одномъ прологѣ въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи и тождествѣ Славянскихъ божествъ, Хорса и Даждьбога; а изъ вторыхъ: 1) О Сварогѣ, богѣ языческихъ Славянъ, 2) О Древнеславянскихъ Типографіяхъ въ Южно-Славянскихъ земляхъ въ XV—XVII столѣтіяхъ, обѣ соч. П. І. Шафарика. 3) Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими постановленіями Чеховъ и Русовъ; 4) О Русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ Чешской королевы Кунгуты, и родѣ его, — обѣ Ф. Палацкаго; 5) Винодольскій законъ 1280 года, съ Сербскаго. Кромѣ того въ томъ же Журналѣ напечаталъ Исторію Русовъ, или малой Россіи, соч. Преосвященнаго *Георгія Кониsскаго*, Архіепископа Бѣлорусскаго, по нѣсколькимъ спискамъ, съ разнословіями, и продолжалъ печатаніе своего перевода Славянскихъ Древностей, П. І. Шафарика, и приготовленіе къ изданію Святославова Изборника, 1073 года. Испр. долж. Э. Ор. Профессора *Линовскій* издалъ вторую часть Курса о Сельскомъ Хозяйствѣ; сверхъ того книжку, подъ заглавіемъ:

Объ окончательномъ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи и о вліяніи этой реформы на общественную и государственную жизнь Великобританіи. Испр. долж. Адъюнкта *Драшусовъ* занимался Астрономическими наблюденіями на Университетской Обсерваторіи. Испр. должн. Адъюнкта *Соловьевъ* напечаталъ статью въ „*Чтеніяхъ Императорскаго Общ. Ист. и Древн. Рос.*" О правахъ и обычаяхъ въ древней Руси; въ „*Историческомъ Сборникѣ Валуева*": О значеніи слова „*черный*" въ древнемъ Русскомъ языкѣ; въ Журналѣ „*Москвитянинъ*": О продолженіи Исторіи Татищева; О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси, въ „*Московскомъ Ученомъ и Литературномъ Сборникѣ*"; Мстиславъ Ростиславичь Храбрый, въ „*Библіотекѣ для воспитанія*". Сторонній Преподаватель *Фабриціусъ* послалъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: О наклоненіяхъ Латинскаго глагола, и составляетъ Исторію Рима во время первыхъ царей. Лекторъ *Фелькель* помѣстилъ разныя статьи въ „*Библіотекѣ для воспитанія*". Лекторъ *Пако* издалъ книгу для обученія Французскому языку въ первоначальныхъ классахъ. Лекторъ *Куртенеръ* написалъ Краткую Исторію Европейскихъ народовъ; вышли изъ печати три первые выпуска: 1) О великомъ переселеніи народовъ, 2) Исторія Испаніи и 3) Исторія Португаліи. Лекторъ *Рубини* кончилъ Русскую Исторію до 1796 года.

Учебныя пособія Университета получили слѣдующія приращенія; 1) Въ Библіотеку поступило 1941 сочиненіе въ 4526 томахъ. 2) Въ Зоологическій Кабинетъ изъ Музея бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи поступило звѣрей, птицъ, гадовъ, рыбъ, насѣкомыхъ, и проч., всего 15,665. 3) Въ большомъ Минералогическомъ Кабинетѣ находились 9539 экземпляровъ, изъ числа коихъ 30 поступили въ мѣну. Учебный Минералогическій Кабинетъ состоялъ изъ 4392 экземпляровъ и 304 разныхъ инструментовъ, искуственныхъ кристалловъ, и Платнеровскаго набора для испытанія минераловъ паяльною трубкою; на обмѣнъ нѣкоторыхъ естественныхъ предметовъ, полученныхъ изъ Берлина, взято изъ вышеозначеннаго члена минераловъ 14 штуфовъ; вмѣсто нихъ Кабинетъ пріобрѣлъ 125 весьма рѣдкихъ минераловъ. 4) Ботаническій садъ умноженъ: a) сѣменами полученными въ даръ: 1) изъ Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада 145 видовъ; 2) отъ Кол. Асс. *Эвсиса* даурскихъ 30 видовъ и 3) отъ разныхъ лицъ 20 видовъ. b) Живыми растеніями пріобрѣтенными покупкою за 92 руб. 20 коп. серебромъ 72 вида, и мѣною 5 видовъ оранжерейныхъ растеній. 5) Для Анатомическаго Кабинета пріобрѣтено: препа-

ратовъ 8 и инструментовъ 51.—6. *Для Кабинета Сравнительной Анатоміи и Физіологіи* пріобрѣтены животныя: жирафа, рысь, обезьяна, горностай, ежъ, черепаха, нѣсколько ящерицъ, ужей и другихъ, изъ которыхъ Лекаремъ *Орловскимъ* приготовлено около 200 препаратовъ.

Вообще учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. Въ Библіотекѣ 54,098 сочиненій въ 80,250 томахъ. 2. Въ Физическомъ Кабинетѣ 373 инструментовъ и снарядовъ и 7 Технологическихъ моделей. 3. Въ Зоологическомъ Кабинетѣ животныхъ и ихъ частей 62,027.—4. Въ Большомъ и Учебномъ Минералогическихъ Кабинетахъ 14,012 минераловъ и 304 инструмента, и другихъ пособій, съ Платнеровымъ наборомъ. 5. Въ Гербаріумѣ сухихъ растеній до 12,000 видовъ. 6. Въ Ботаническомъ Саду до 6,900 видовъ растеній. 7. Въ Минцъ-Кабинетѣ 14,207 монетъ и медалей. 8. Въ Астрономической Обсерваторіи инструментовъ и снарядовъ 34.—9. Въ Химической Лабораторіи 2535 препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ. 10. Въ Анатомическомъ Кабинетѣ препаратовъ и инструментовъ 6328. 11. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ 307 препаратовъ и 226 инструментовъ. 12. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ, принятомъ изъ бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи 218 препаратовъ и 338 инструментовъ. 13. Въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи 1640 препаратовъ и 245 инструментовъ. 14. Въ Десмургическомъ Кабинетѣ 295 инструментовъ и снарядовъ. 15. Фармацевтическій Кабинетъ состоитъ изъ разныхъ реактивовъ и медикаментовъ, употребляемыхъ на лекціяхъ. Сверхъ того, при Университетѣ находятся особыя Библіотеки: 1. Библіотека казенныхъ Студентовъ изъ 2260 сочиненій и 25 періодическихъ изданій и 2. Библіотека для курса Русскаго слога, которая умножилась, въ теченіе Академическаго года, 16 заглавіями и 34 томами, на добровольныя пожертвованія Студентовъ, и состоитъ нынѣ изъ 203 заглавій и 663 томовъ.

Въ Университетскихъ Клиникахъ находилось больныхъ: 1. Въ Терапевтической 119, выздоровѣло 107, умерло 11, поступилъ въ другую больницу по закрытіи Клиники 1, приходило за совѣтами 1550. 2. Въ Хирургической 69, изъ нихъ выздоровѣло 57, умерло 8, и 4 вышли не окончивъ леченія по случаю закрытія Клиники; за совѣтами приходило 870 человѣкъ; операцій сдѣлано 161. 3. Въ Акушерскомъ Институтѣ роженицъ было 140, изъ нихъ всѣ выздоровѣли. 4. Въ Студентской Больницѣ находилось больныхъ 217, изъ нихъ выздоровѣло 205, осталось на излеченіи 12, умершихъ не было; за совѣтами приходило 425. Студенты Медицин-

скаго Факультета 5-го курса участвовали въ леченіи больныхъ и при производствѣ операцій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Профессоровъ и Адъюнктовъ Клиникъ; больные бѣднаго состоянія принимались безъ платы, а приходящіе недостаточнаго состоянія получали безденежно лекарства въ Университетской Аптекѣ. Въ Клиникахъ состоитъ разныхъ инструментовъ и снарядовъ 1062. Въ Университетской Аптекѣ, кромѣ приготовленія лекарствъ въ Клиники и для вольной продажи, дѣланы особо, въ присутствіи Студентовъ, разные препараты лицами, которыя подвергались въ Университетѣ испытанію на Фармацевтическія званія.

Въ Университетской Типографіи отпечатано книгъ и диссертацій на ученыя степени 98 званій; собрано за Московскія Вѣдомости, объявленія и книги 103,889 рубл. 47 коп.; употреблено въ расходъ 78,444 рубл. 85 коп. серебромъ; вообще въ Типографіи отпечатано 7,267,205 листовъ.

Состоящія при Университетѣ ученыя Общества продолжали свои занятія: 1. Императорское Общество испытателей природы имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ были читаны 35 сочиненій по части Зоологіи, Ботаники, Минералогіи, Палеонтологіи, Геологіи и Химіи. Общество издало въ истекшемъ году четыре книжки повременныхъ записокъ своихъ (Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou), заключающихъ въ себѣ 36 листовъ, 10 рисунковъ и 3 карты. Всѣ помѣщенныя статьи суть оригинальныя и касаются почти исключительно Россіи. Приложены мѣсячныя таблицы Метеорологическихъ наблюденій, составляемыя *Д. Ч. Спасскимъ* по наблюденіямъ, производимымъ на Обсерваторіи Московскаго Университета, и *Смѣсь* изъ мелкихъ отрывочныхъ извѣстій. Общество приступило къ изданію VIII тома Мемуара. 2. Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ имѣло 6 засѣданій, въ коихъ читаны разныя историческія разсужденія и изслѣдованія. Общество въ минувшемъ году издало: Критико-Историческую повѣсть Червоной (Галицкой) Руси, соч. *Зубрицкаго*, пер. съ Польскаго Д. Ч. *Бодянскимъ*; Библіотеку (или каталогъ книгъ) Общества, описанную Д. Ч. *Строевымъ*; книгу Большому Чертежу, сличенную съ двумя печатными книгами и 8 рукописями Д. Ч. *Спасскимъ* и о Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, историческое изслѣдованіе Д. Ч. *Бѣляева*. 3. Общество Физико-Медицинское имѣло ежемѣсячныя засѣданія, въ которыхъ было предложено словесныхъ разсужденій 8, читано оригинальныхъ Медицинскихъ сочиненій и практиче-

скихъ наблюденій, доставленныхъ членами Общества, 10, разсматривано фармацевтическихъ препаратовъ, съ изложеніемъ способа ихъ приготовленія 21.

По общемъ соображеніи познаній и поведенія окончившихъ курсъ ученія Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенію Факультетовъ, удостоены:

I. Степени Кандидата.

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

1. Евгеній Новиковъ.
2. Александръ Смирновъ.
3. Петръ Шестаковъ } Казенные Студенты.
4. Сергѣй Яхонтовъ } Казенные Студенты.
5. Иванъ Бабстъ.

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

а) По отдѣлу Математическихъ наукъ:

1. Николай Щепкинъ.
2. Владиміръ Астраковъ.
3. Иванъ Давыдовъ.
4. Николай Рутценъ.
5. Яковъ Суржанииовъ.
6. Григорій Панинъ (Каз. Студ.)
7. Іосифъ Гурскій (Воспит. Учеб. Зав. Царства Польскаго).
8. Петръ Кудряшевъ.

б) По отдѣлу Естественныхъ Наукъ:

1. Михаилъ Подобѣдовъ.
2. Павелъ Голицынскій. } Воспит. Москов. Воспит. Дома.
3. Павелъ Шереметевскій } Воспит. Москов. Воспит. Дома.
4. Николай Бодровъ.

Юридическаго Факультета.

1. Дмитрій Гавриловъ.
2. Александръ Прейсъ (Восп. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
3. Василій Татариновъ.
4. Иванъ Никотинъ.
5. Александръ Шереметевскій (Восп. Моск. Воспит. Дома).
6. Сергѣй Оранскій.
7. Евгеній Кожуховъ.
8. Генрихъ Краевскій (Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
9. Владиміръ Никольскій.
10. Николай Четвериковъ.
11. Степанъ Дроминскій (Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
12. Кн. Владиміръ Щербатовъ.
13. Николай Зайцевъ.
14. Михаилъ Сухотинъ.

II. Званія Дѣйствительнаго Студента.

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

1. Эдуардъ Шмидель (Воспит. учебн. завед. Царства Польскаго).
2. Карлъ Игнаціусъ.
3. Александръ Собакинскій (Воспит. Москов. Воспит. Дома).
4. Григорій Захаровъ.

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

а) По отдѣлу Математическихъ Наукъ.

1. Константинъ Бачинскій.
2. Адольфъ Нетыкса.
3. Павелъ Турбинъ.
4. Петръ Жуховецкій.
5. Иванъ Махнауръ.
6. Иванъ Рогозинскій (Каз. Студ.).

б) По отдѣлу Естественныхъ Наукъ.

1. Александръ Лавровъ.
2. Александръ Волковъ.
3. Евгеній Эдильсонъ.
4. Владиміръ Богенгардъ.
5. Николай Волковъ.
6. Владиміръ Фонъ-Ризеръ.
7. Клавдій Щигловскій (Воспит. Алекс. Сирот. Института).
8. Викторъ Пеликанъ.
9. Василій Изотовъ (Воспит. Алекс. Сирот. Института).

Юридическаго Факультета:

1. Михаилъ Головинъ.
2. Алексѣй Жигаревъ.
3. Левъ Яковлевъ.
4. Николай Маклаковъ.
5. Григорій Милашевичъ.
6. Николай Оболонскій.
7. Казиміръ Бечковичъ. } Восп. Уч. Зав. Ц. Пол.
8. Станиславъ Красницкій. }
9. Владиміръ Бабковъ.
10. Василій Малининъ.
11. Владиміръ Марковъ.
12. Вячеславъ Суетинъ.
13. Андрей Малышевъ.
14. Иванъ Гелевичъ (Восп. Уч. Зав. Ц. Пол.).
15. Алексѣй Двигубскій.
16. Василій Лебедевъ.
17. Василій Розовъ.
18. Михаилъ Старковскій.
19. Сиваринъ Жизневскій (Восп. Уч. Зав. Ц. Пол.).
20. Георгій Гарве.

21. Василій Пустошкинъ.
22. Николай Войцеховскій.
23. Александръ Давыдовъ.
24. Григорій Хотмицкій.
25. Карлъ Нжицкій.
26. Алексѣй Ключаревъ.
27. Владиміръ Визаръ.
28. Александръ Альбицкій.
29. Иванъ Кравченко.
30. Кн. Николай Горчаковъ.
31. Викторъ Виноградовъ.

III. Степени Лекаря.

1. Іосифъ Бурмановичъ.	Казен. Студенты.	Всѣ четверо съ отличіемъ.
2. Юлій Миняттъ.		
3. Григорій Казановъ (Восп. Моск. Восп. Дома).		
4. Адольфъ Редликъ		
5. Михаилъ Мачтовъ.	Казенные Студенты.	
6. Антонъ Лебедзинскій.		
7. Александръ Рыдзевскій.		
8. Иванъ Волковичъ		

9. Діонисій Глуховскій.
10. Викторъ Розановъ (Каз. Студ.).
11. Василій Голицынскій (Восп. Моск. Восп. Дома).
12. Владиміръ Кричевскій.
13. Иванъ Казановъ (восп. Моск. Восп. Дома).
14. Несторъ Постниковъ.
15. Каетанъ Шимкевичъ (Каз. Студ.).
16. Григорій Корсакъ.
17. Игнатій Тарловскій
18. Альфонсъ Романовскій
19. Леонардъ Карчевскій.
20. Александръ Восинскій.

21. Иванъ Никитинъ (Каз. Студен.).
22. Алексѣй Соловьевъ.
23. Иванъ Менщиковъ (Каз. Студ.).
24. Константинъ Виноградовъ.
25. Карлъ Мясковскій.
26. Андрей Рѣдкинъ (Каз. Студ.).
27. Леопольдъ Здроевскій.
28. Михаилъ Дембицкій.
29. Егоръ Ромодановскій (Восп. Алекс. Сир. Инст.).
30. Александръ Кашкадамовъ (восп. Моск. Восп. Дома).
31. Августъ Гартвигъ.
32. Филиппъ Яблонскій.
33. Николай Норшинъ (Каз. Студ.).
34. Александръ Филимоновъ.
35. Михаилъ Хлѣбниковъ (Каз. Студ.).
36. Андрей Кашкадамовъ (восп. Моск. Восп. Дома).
37. Павелъ Викулинъ. (*).

На основаніи 103 ст. Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы (**) награждены Медалями, золотыми: Въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета, удостоенный Степени Кандидата Евгеній *Новиковъ* (домашняго воспитанія) и Студентъ 3-го курса, Александръ *Клевановъ* (***) (бывшій воспитанникъ 2-й Московской Гимназіи);

(*) *Примѣчаніе 1-е.* Имена и фамиліи Кандидатовъ, Дѣйствительныхъ Студентовъ и Лекарей, означены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдуютъ по степени познаній, оказанныхъ на испытаніяхъ.

(**) *Примѣчаніе 2-е.* На полученіе медалей заданы были темы: въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: Вѣроисповѣдное броженіе Чеховъ до и послѣ Гусса; во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: О сложноцвѣтныхъ вообще; въ Юридическомъ Факультетѣ: Русское Гражданское право въ періодъ Уложенія; въ Медицинскомъ Факультетѣ: О бѣшенствѣ собакъ.

(***) *Примѣчаніе 3-е.* По ходатайству 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета, 2-я золотая медаль, назначенная Студенту Клеванову, будетъ изготовлена на счетъ Гг. Профессоровъ означеннаго Отдѣленія, по добровольному ихъ на это вызову.

во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: удостоенный степени Кандидата по отдѣлу Естественныхъ наукъ—Николай *Бодровъ* (воспитанникъ 1-й Московск. Гимназіи) въ Юридическомъ Факультетѣ: удостоенный Степени Кандидата Дмитрій *Гавриловъ* (ученикъ Владимирской Гимназіи) и въ Медицинскомъ Факультетѣ удостоенный степени Лѣкаря Діонисій *Тлуховскій* (домашняго воспитанія); серебряными: въ Медицинскомъ Факультетѣ, удостоенный степени Лѣкаря (бывшій воспитанникъ Варшавскаго Лицея) Александръ *Босинскій* (за разсужденіе на заданную отъ 2-го Отдѣленія Философскаго Факультета тему) и Студентъ 3-го курса Владиміръ *Смоличъ* (ученикъ 2-й Московской Гимназіи). Сверхъ того, удостоились похвальнаго отзыва за представленныя разсужденія по Медицинскому Факультету: удостоенные степени Лѣкаря: Василій *Голицинскій*, Григорій *Казановъ* (оба воспитанники Московскаго Воспитательнаго Дома) и Студентъ 4-го курса Николай *Стацевичъ* (бывшій воспитанникъ Благороднаго Пансіона Тверской Гимназіи).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

———

2007096293